

ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

6

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ ЦК ВЛКСМ

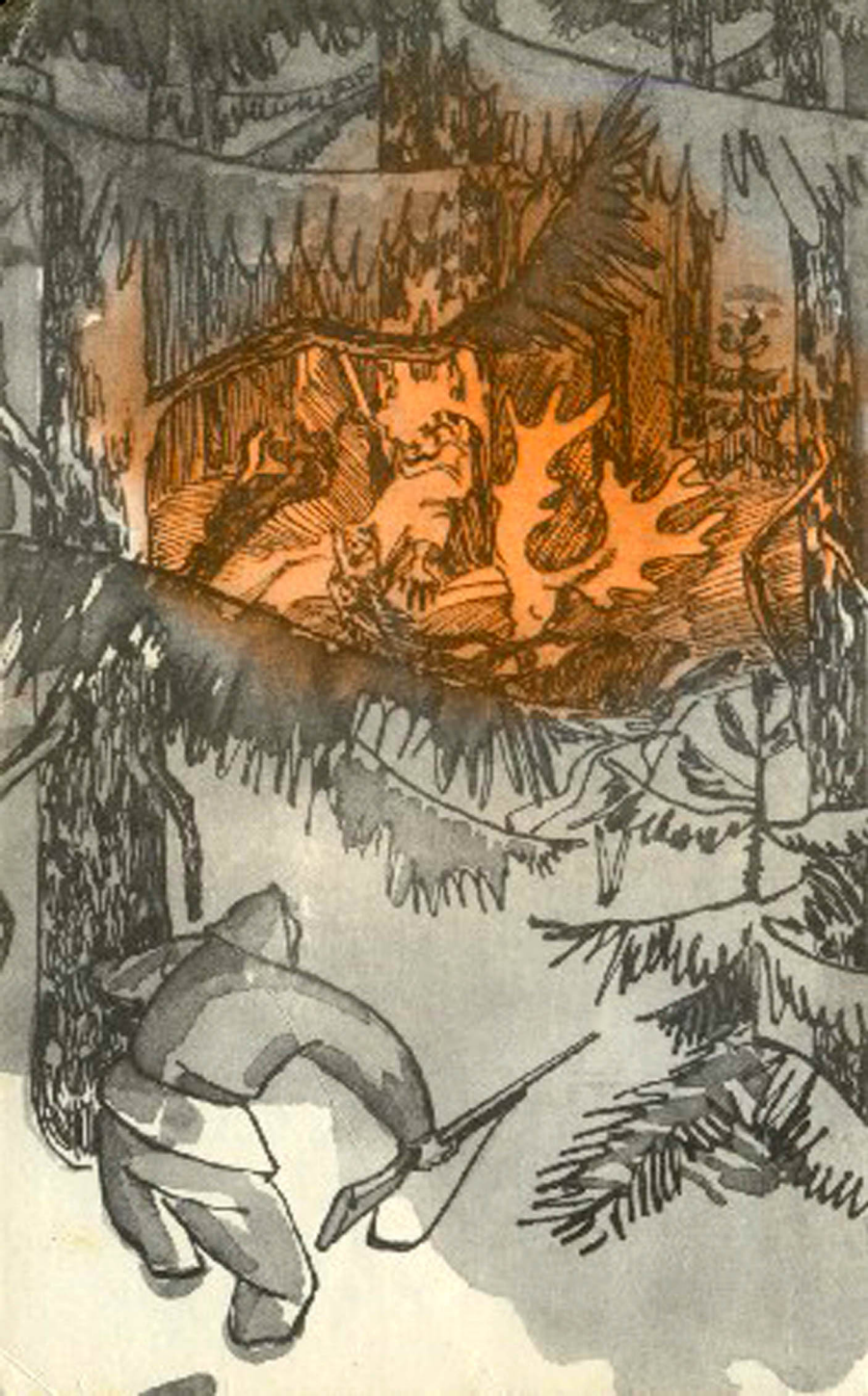
ВОКРУГ

СВЕТ

1985

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ВОКРУГ ЦВЕТА 1985

1985

В В Ы П У С К Е :

Большой охотничий сезон

Повесть

Искривленное пространство

Фантастическая повесть

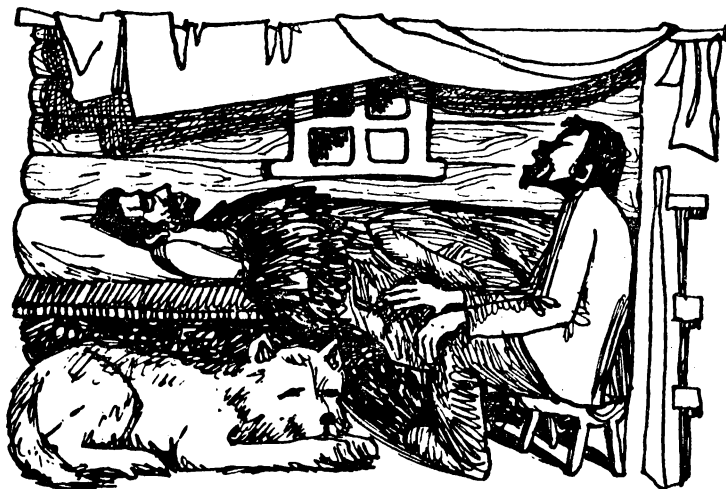
Умирать — в крайнем случае

Роман

ОСНОВАН В 1961 ГОДУ

No 150

Выходит 6 раз в год. Распространяется только в розницу

Борис БАРЫШНИКОВ

Большой охотничий сезон

ПОВЕСТЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дом Яковлева был не из ближних, но Рая Дмитриева, а попросту, среди своих, Хампуга — Надутые губки, изменила обычному, выверенному маршруту, и, хотя почтальонская сумка изрядно давила, к первому заспешила к нему, старику Яковлеву. Она семеняла, часто-часто переставляя ноги в коротких меховых сапожках: дорога укатана, можно и поскользнуться с ношей... Там, на почте, осталась начальница, изнывающая от любопытства. И было с чего! Подумать только, старику Яковлеву опять странный перевод! Из какого-то непонятного учреждения, И не сумма его — пятьдесят рублей — лишила покоя женщин, а тот факт, что Яковлеву — и перевод. Ничего подобного еще не случалось в Урокане. Сам-то Семен Никифорович, правда, частенько отсылал деньги. То сыновьям и дочерям, племяншам, разъехавшимся учиться по институтам, то теперь вот уже внукам. Богато жил Яковлев. Промысловик первейший. И не считал рубли, не складывал в кубышку, что хотел, то и покупал, семью выхаживал, о каждой заботу имел; и расставался-то с деньгами весело, будто не нажиты они потом, не собраны по сопкам да по марям старательным охотничьим трудом.

— А-а... Хампуга-подруга... Почто ранняя гостя? — улыбкой встретил старик девушку-почтальоншу, вошедшую в дом, как принято, без стука, пустившую с собой морозного воздуха с улицы. — Не тяжко такой куль тащить?.. Садись чайку выпить.

«Вот старый, все понимает, все видит. То-то ни один зверь еще не ушел от него», — мелькнуло у Раи. А вслух, растягивая пунцовые губы с капельками тающего на них инея, сказала:

— Чайку выпью, дедушка. Спасибо. А сумка-то тяжелая — это вы правильно... И знаете, отчего?

— А? — переспросил Яковлев, подставив девушке правое ухо.

— Отчего, говорю, знаете? — повторила она громче.

— Скажи уж.

— А вот! — Рая вынула отложенные отдельно деньги с бланком перевода и заглянула в лицо старику. — Это вам. Опять пятьдесят рублей!.. Спешила — боялась, вы в тайгу раньше подадитесь.

— Ну как же... Раньше...

Звонким предрассветным утром началось тогда его соболье шаманство.

Мастер он был по белке и песцу, горностаю и лисице. Сохатого ли, оленя дикого, кабаргу — любого рогатого и копытного зверя брал умело. Счет потерял волкам. Медведей десятка два завалил. Кого не приходилось добывать по охотничьей необходимости либо по случаю. Но соболь... Соболю был страстью всей его жизни. Первое, с чего он себя помнил, — конечно, глаза и руки матери, но потом — соболь. Теплота и ласковость его меха цвета молодой сосновой коры. А в шесть лет он вытащил искусанными руками из обмета первого своего соболя. Дрожал, чуть не плакал от счастья и... выпустил зверька на волю. Верил с тех пор, что тот дружок и приносит ему удачу.

Олени в загоне, собаки заперты — на поиск он любил ходить в одиночку. Меньше шума. Кильтирой скользил на камусных лыжах вдоль низкого берега против течения, иногда чуть ли не по самой кромке льда у чистой воды. Ковырял узловатым в суставах пальцем следы, оставленные когтистыми лапками... А вот и свежий след! Даже глазом заметно, что свежий. Старик все же ощупал снег, понюхал щепоть, осмотрелся. Соболю пировал здесь только что. По каменной грядке спустился к полынье, выждал и цапнул жирную рыбину. Снег взъерошен. Раздавленные капли крови. Чешуя... Ага... Поташил добычу, учуяв, видать, шелест камусов: рядом с выволочным следом, уводящим под берег, тянулась полоска, прочерченная рыбьим хвостом.

За десяток километров, что прошел охотник вверх по реке, попало немало таких мест. Кильтирой обозначил их вешками — легче найти, если падет снег. Завтра ставить капканы и кулёмы. Вернулся к избушке и двинулся по реке вниз. В разгар работы вдруг услышал рокот невидимого вертолета, прележавшего далекой стороной. И хотя привыкли все уже к этим шумным, быстрым машинам, обычным в их краях, старик поди-

вился: изыскательский сезон закончился давно, колхозные олени стада пасутся в других краях... Но скоро он забыл про вертолет. Надо было успеть разведать Мульмугу и наловить прикорма соболям.

Дни полетели стремительно. Устроив ловушки на реке, Кильтырой верхом на своем тофаларском учуге, сопровождаемый Кайраном и Пулькой, двое суток челночил отроги: искал глухаринные и рябчиковые ягодные угодья, «склады» кедровок, беличьи гайна. Белоки и здесь хватало, но ни разу руки не потянулись к «тозовке», хотя и донимал соблазн. Как-то собаки подняли соболя, загнали в нору под корнями. Кильтырой топором расширил вход, разделся, влез чуть ли не до унтов и вытянул пушистого, перехватив тому горло... Разрезал тушку, рассмотрел, что и когда ел соболик, сыт ли, голоден, что любит, и кинул горячее лакомое тельце собакам.

Ночевали опять у костра, прижавшись друг к другу. Проснулись, укрытые тонким слоем неожиданного снега, что очень обрадовало Кильтырою. Хорошо присыпало, меньше придется рыскать, каждый след свежий. «За сегодня дойду до того зимовья, что в Орлином распадке, поутру набью рябчиков для привады», — наметил он. Полсотни капканов в дальней той избушке. С их установки намеревался он начать обратный путь к Мульмуге. А дальше всех дел-то: забрать снасти в главном зимовье, насторожить их на оставшемся участке, и подойдет пора снимать «урожай», сначала на реке, потом и здесь, в предгорьях. Если, конечно, соболик не сгинет, не сглазить бы... Кильтырой резанул ножом по дощечке-календарю, положил ее в висевший на шее мешочек, в котором хранился талисман — горстка собольих зубов, и тут же почувствовал тревогу. Откуда она дала о себе знать, он еще не мог догадаться, но всем нутром уловил ее. Он не издал ни звука, не сделал ни одного резкого движения, но любимец учуг, так охотно несший хозяина, вдруг сбавил рысь и вскоре замер на месте, косясь на всадника. Что-то передалось оленю от человека. Или, быть может, таинственный и неразгаданный сигнал природы достиг и его крови?..

Кильтырой скинул шапку. По-прежнему тишина владела этой землей... Олень вынес его на поросший кедровым стлаником гребень кручи, за которым мгновение назад скрылись Кайран и Пулька. Его взору предстало обширное плато с редкими островками тальника и чахлах лиственниц. И все это заснеженное пространство было будто вспахано широкой неровной полосой, кромку которой не решались пересечь даже лайки, уткнувшие в нее нюхающие морды.

Волки!

Совсем недавно прошли. Огромной стаей. Такой, какую за свою долгую жизнь он встречал лишь однажды, в последнюю военную зиму. А при нем малокалиберка за плечами, топор, привязанный к седлу, да медвежий нож на поясе. Он представил себя спокойно спящим в то время, как рядом шла лавиной с плоскогорья звериная стая. И если бы ночной снегопад не спрятал их следы и запахи... Озноб пробрал человека до костей, заныло в крестце. Кильтырой отряхнулся по-собачьи, ски-

нул страх, свистнул тихонько лайкам и двинулся вдоль волчьей дороги, пока та не оборвалась за карнизом плато.

— Однако, не пойдем к Орлиному распадку, — сказал он Кайрану и Пульке. — Назад пойдем, к олешкам. Одне оне там. И карабин там.

Заспешили. Лайки по обыкновению бежали впереди, но уже не скрывались из глаз, часто останавливались, поджидая, озирались и нюхали мороз.

Оставалось совсем немного до зимовья, когда Кильтырой снова услышал, а потом увидел словно вынырнувший из тайги большой вертолет. Машина перевалила через речку к пологому берегу, повисла над избушкой и стала приземляться, утопая в рожденном ею буране.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Телеграмма. Для служебного пользования. Срочно.

Всем управлениям, отделам, подразделениям ВД.

16 декабря с. г. совершили побег особо опасные преступники, отбывавшие заключение в ИТК строгого режима: Семериков Николай Александрович, 1942 г. р., Акимычев Геннадий Иванович, 1946 г. р.

Преступники вооружены.

Побег совершен на четырехоленной упряжке, изъятый у пастуха колхоза «Богатырь» Якутской АССР гр. Силкова М. Т.

Преступники предположительно одеты в светлые полушубки, черные валяные сапоги, серые ушанки...»

Заходясь возбужденно-радостным лаем, собаки бежали к вертолету. Еще вращались лопасти, когда, не дожидаясь трапа, на снег прыгнули четверо. Двоих Кильтырой признал сразу, на расстоянии: племянника Василия, — секретаря парткома колхоза, и участкового Силантия Увачана. Кайран и Пулька вертелись возле них, подпрыгивая, стараясь лизнуть в лицо. Русские оказались незнакомыми: средних лет, рослый, в белом овчинном полушубке с двумя звездами на малиновых кантах погон, и солдат с автоматом за плечом.

Эвенки почтительно поздоровались с Кильтыроем: «Что ел? Что добыл?» Старший русский осторожно пожал холодную маленькую руку старика.

— Подполковник Паршин Александр Петрович. Здравствуйте, Семен Никифорович. Много о вас наслышан, очень рад познакомиться...

Солдат — теперь стали видны лычки на его погонах — подошел ближе. Кильтырой и ему протянул полусогнутую ладонь, потом провел ею по своему лицу, стирая изморозь с бровей, ресниц и бороденки, и сощурился в улыбку:

— Здравствуйте, здравствуйте... Шибко бежал олешка-то мой. Вмиг домчал — к гостям маленько торопился... Впервой, однако, на вертолете к старику прилетели. Пошто?

— Дело есть к вам, товарищ Яковлев, — сказал подполковник.

— Дело есть, дядя Семен, — повторил Василий. — Пройдем в зимовье, там поговорим. И обогреться не грех.

Василий потянул учуга за собой. Кильтырой с Силантием направились к реке.

Сложив ладони рупором, Паршин крикнул в сторону затихающего вертолета, возле которого копошился экипаж:

— Капитан Игнатенко!

Рослый пилот, неуклюже переваливаясь в тяжелых унтах, подбежал к Паршину.

— Слушаю вас, товарищ подполковник.

— Мы зайдем к хозяину. Ненадолго. Держите машину в готовности.

— Понял, товарищ подполковник.

— А что вы там возле нее крутитесь? Что-нибудь не в порядке?

— Да что-то, кажется, правое шасси барахлит...

— Кажется... Барахлит...

— Так пол-Франции облетели, за один только день, товарищ подполковник. Девять раз садились черт-те где. Хотя эта площадка ничего.

— Еще пол-Франции не обещаю, капитан, но полетать сегодня придется. Горючего на сколько хватит?

— Запаслись.

— И держитесь постоянно на радиосвязи.

— Есть! — Игнатенко откозырял и засеменял к вертолету.

— Останетесь здесь, — буркнул Паршин сержанту и широким шагом стал догонять эвенков, перешедших Мульмугу и остановившихся у заледенелой ступенчатой тропы, круто уходящей к вершине скалы.

В печи гудел огонь.

— Нет-нет, Семен Никифорович, нам не до угощения, спасибо, — пробовал отговорить Кильтырой Паршин. — Нам очень некогда. Прямо-таки чертовски некогда. Еще к Джугдыру за сегодня надо успеть и назад...

Но охотник даже бровью не повел. Он уже готовил к закуске строганину. Вошел Увачан, спускавшийся за свежей водой, плеснул в большой котел, поставил его в печь и принялся потрошить рябчика, достав того из Кильтыроевой котомки. Тут ввалился и Василий, обнимая половину кабарожьей туши. Бросил ее на табурет, подвинул ближе к огню отогреться.

— Я же говорил, Александр Петрович, — засмеялся он, — что просто так нас Яковлев не выпустит.

— Но, товарищи... — развел руками Паршин, хотя теперь не было ни в голосе его, ни в жесте того категоричного «нет», которое могло бы заставить хозяина и его сородичей прервать начатые хлопоты. Подполковник нацепил ремень с тяжелой кобурой на прибитые к стене рога сокожа и в распахнувшемся полушубке грузно опустился на табурет, прислонившись спиной к печке. Стянул бурки, поставил на них ноги в толстых шерстяных носках... Ох, как тепло... Поламывало суставы, слипались веки.

— Ишь, уморили человека, — проворчал Кильтырой.

— Четвертый день по нашим делянкам и пастбищам мотается, — сказал Василий, разделявая кабаргу.

— Ты, Василий, поспешай с мясом да ходи за остальными. Пускай тоже отдохнут да поедят вдоволь.

— Да, пойду-ка...

Племянник опустил последний кусок в котел, накрыл крышкой, оделся и выскользнул за дверь.

— Ну, что, Силантий? — спросил Кильтырой, присаживаясь к столу, за которым кухарничал сбросивший китель Увачан.

— Жирен, дядя Семен. И где ты только таких добываешь?

— В тайге, сынок, в тайге... Что случилось в тайге, Силантий?

Увачан сдвинул ножом выпотрошенного рябчика, облокотился на стол.

— Беда, дядя Семен... Ты следов чужих не встречал?

— Чужих... Много волков noneшней ночью прошло через Баранье плато. Ихние следы видал.

— Волки, да... Это мы знаем. Нас предупредили... Это с востока, оттуда, где осенью пожары были. И медведи не залегли... Кочуют... Плохо...

— Потому-то я и возвратился к зимовью.

— Значит, нам повезло. А то где тебя искать...

— Во-во... Так, стало быть, не волки?

— Нет, дядя Семен. Хуже! Хуже волков! Хуже всякого зверя!

— Ладно, не страшай, не боязный.

— Что ты, дядя Семен, я не страшая. Самому не по себе...

— Говори, — поторопил Кильтырой, набивая трубку.

Увачан, поднеся старику огня, продолжал:

— Две семидневки назад из колонии убежали двое, совсем плохие люди. Вору, разбойники.

— Где же это?

— За Становиком, за Алданом... Вот их и ищут. Да найти не могут уже сколько. След на перекатах смыло — собаки сбились. И с вертолетов пока не увидели.

На печи зашипело. Силантий поправил крышку котла, пошуровал в топке.

— Они наверняка где-нибудь отсиживаются, выжидают. Как пора придет, обязательно станут пробиваться на Большую землю.

— А может, пропали оне? — не то спросил, не то уверил Кильтырой.

— Не-е, — протянул Увачан. — Двое их. Как медведи, сильные. На упряжке. Да и оружие у них.

Силантий оглянулся на Паршина. Тот, обмякший, свесивший к плечу голову, мерно посапывал.

— Слушай, дядя Семен, давай его уложим. Неудобно ему.

— Не надо, — посмотрел на спящего Кильтырой. — Пускай так. Ему удобно — устал человек. Еще разбудим... Ты говори дальше.

— А что дальше? Дальше ничего не известно. Куда двинутся? Когда?

— Тайга большая. Кругом она. Зачем в наших краях искать?

— Везде ищут, дядя Семен. Обложили, в общем. Все под глазом — прииски, рудники, леспромхозы, стройки. Пастухов и охотников на вертолетах вот облетают. Александра Петровича, — Увачан кивнул на Паршина, — самым главным начальником прислали по нашей области. Все сам летает. С утра до ночи. Крепкий мужик.

«Крепкий мужик», раскрасневшийся от жары, постанывал во сне.

Проснулся он от хохота. Солнечный свет, пробивавшийся в одинокое окно, пыльно высвечивал середину избушки, и, словно прижимаясь к солнечному пятну на столе, сгрудились за ним люди. Паршин не сразу понял, где он, что за застолье такое... Но вот глаза пообвыкли, и он увидел эвенков, капитана Игнатенко, второго пилота, фамилию которого не смог почему-то вспомнить. Тот что-то рассказывал под общий хохот — наверное, очередную байку, на которые был мастак. Паршин поднялся, роняя полушубок, потянулся, разминая затекшие поясницу и шею.

— Ты того, Александра Петрович, — проговорил Кильтырой, — присядь-ка откушать. День еще долгий, путь далекий... Соснул маленько — и то дай бог, а перекус — он тебе пособление даст. Без силы да роздыху как путь поведешь? Дело ослабит, однако.

Силантий Увачан поставил перед Паршиным тарелку строганины и глубокую миску с дымящимся мясом:

— Кушайте, пожалуйста. Чайком запейте. Кушайте, кушайте... Я уже ввел Семена Никифоровича в курс дела.

— М-м... Это хорошо, лейтенант, — промычал подполковник, обкусывая мякоть с ребра кабарги. — Это хорошо, — повторил он, когда уголил первый приступ голода, и попросил Василия: — Василий Трофимыч, у вас руки, я вижу, чистые, достаньте-ка из моей гимнастерки фотографии. Во-во... Семен Никифорович, это вам. Посмотрите внимательно, ознакомьтесь, так сказать, с предметом нашего общего беспокойства.

Кильтырой с минуту рассматривал снимки на вытянутых руках, потом гукнул и протянул карточки Василию.

— Не-не, — остановил тот старика. — Это тебе. Так ведь, Александр Петрович?

Паршин закивал, продолжая есть.

— Всем бригадам и охотникам такие раздают, — пояснил Василий. — Оставь-ка у себя, дядя Семен.

— Пошто? — спокойно удивился старик. — Аль без памяти Кильтырой?

— Держи при себе, дядя Семен, — настоял Силантий. — Вдруг они твой след пересекут, мелькнут где. Посмотришь на карточки — ошибки не выйдет.

— Вы, Семен Никифорович, — добавил, оторвавшись наконец от еды, Паршин, — если, не дай бог, конечно, встретите этих людей, очень опасных преступников, обязаны принять все меры к тому, чтобы задержка... чтобы... ну, сообщить об этом нам.

— Угу...

— Товарищ, подполковник, прошу прощения, — вмешался Игнатенко. — С вашего разрешения мы к вертолету, бортинженера сменить.

— Ну конечно, конечно, — спохватился Паршин. — И пусть сюда топает. Он не ел?

— Никак нет.

— Ну вот и подкрепится. Кстати, там и сержанту моему скажите, чтобы с ним шел.

— Разрешите идти?

— Идите, идите...

Летчики быстро оделись и вышли.

— Так вот, — вернулся к разговору Паршин. — Обязательно сообщите нам, Семен Никифорович. Хотя бы на радиостанцию Урокана.

— Так у него нет рации, — чуть ли не извинительно сказал Василий. — Нету ведь, дядя Семен?

— И не было никогда тарихелки этой, — важно согласился Кильтырой.

— Ну, это вы зря, Семен Никифорович, — сказал Паршин. — В наше время теперь у многих уже охотников и оленеводов рации. Как же без рации в наше время...

— Мне, однако, таскать эту рацию надобности нет.

— Да... — как-то сразу успокоился Паршин. — Нет — значит, нет... Только как же вы?..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Следы, следы... Вы горячите сердце охотника. Вы мерно тянетесь, или озорно петляете, или пугливо кружите порой, плетете сеть загадки, дразня азарт. Кильтырой старался его унять. Следы потом. От капкана до капкана, от кулемы до кулемы и вновь от капкана до капкана, от кулемы до кулемы змеится путь его. Две сотни ловушек обойти на лыжах, отыскать, рассмотреть — не трубку выкурить. А торопиться надо, не то промерзнет добыча, пропадет, изломавшись, товар. Застывших соболей Кильтырой вынимал из захватов осторожно, чтоб не повредить, и складывал в котомку. С отстрелянных (не выдерживал все же, гонялся по следу, утверждая в себе самом охотничье достоинство) сдирали шкурки сразу, на глаз определяя сортность, снимал жир с мездры и привязывал к тесемкам за спинной дощечки-паняги. Несколько тушек скормил лайкам, а остальные закапывал в снег, чтоб не сытять еще гуляющих соболей, не отбивать от привады. К третьему ночлегу в зимовье уже тридцать шкурок было растянuto на правилках мехом внутрь. Скоро к ним добавилось еще столько же — с отрогов, куда он ездил на учуге: далеко все же. Запахи избы забивал теперь аромат сырой, свежей кожи, сохнущей крови. Добытная охота получалась.

Кильтырой приближался к Мульмуге. Он возвращался с самого дальнего уголья, приятно ощущая тяжесть карабина, без которого не выходил теперь, шкурок на паняге, да еще десятка-полтора собольков в котомке, притороченной к седлу. Кайран

и Пулька на бегу оглядывались улыбающимися мордами на хозяина — животные знали, что заслужили отдых, что старик наверняка будет дня три отлеживаться в тепле, изредка вставая приготовить пищу им и себе, поправить да поровнять созревающие шкурки. Яркое, холодное солнце заваливалось к горизонту, ветра не было, и дым из трубы над избушкой столбом упирался в небо.

Олень захрипел, запрокинув голову от неожиданного рывка. Кильтырой сощурил веки. Нет, все равно он видел дым из трубы, такой отчетливый, что не поверить в него было нельзя. Ну а чего дивиться? Может, снова Александр Петрович да Силантий с Василием пожаловали. Ан нет, вертолета нигде не видеть. Поди, другой гость забрел, печь растопил, похлебку варит, греется. Для всякого дверь не заперта. Редкая радость, а случается... Кильтырой даже покряхтел, нагоняя удовольствие, но оно не появлялось. И когда, переступив высокий порог, он услышал негромкое «стой!» и увидел направленный на него ствол карабина в руках заросшего, распаренного человека, то ничуть не испугался и не удивился.

Человек сидел, прислонившись спиной к печке точно так, как совсем недавно сидел здесь Паршин. Карабин лежал в его опущенных на колени руках, словно засыпающий младенец.

— Ты один, пахан?

— Пошто один?

Незнакомец напрягся.

— С собаками я, — добавил Кильтырой, приоткрыл дверь и крикнул в мороз: — Лембе!

Лайки ворвались в избу, готовые по-своему отпраздновать прибытие гостя, но сразу же почувствовали напряженность в позах людей, во всей ситуации и поняли, что перед ними чужой, а поняв, отпрыгнули на боевое расстояние и обнажили в рычании клыки.

— Но-но!.. — Заросший вскочил. — Ты не шути, дядя. Перестреляю псов! Гони их к чертовой матери!.. Подожди-ка... Карабин и мелкаш положижь на стол. Давай, давай, пошевеливайся!

Кильтырой успокоил собак, сказав что-то по-эвенкийски.

Заскрипели петли. Кильтырой обернулся, встрепенулись собаки. В дверном проеме показался еще один заросший человек, только крупнее первого, в белом полушубке, черных валенках и серой ушанке. Прислонился к косяку, зажав карабин под мышкой. «Красивый мужик, сильный, однако, — подумал Кильтырой. — Стало быть, это второй. Похожи. Обросли, правда, маленько, но похожи на свои карточки. Шибко похожи».

— Здравствуйте, гражданин... э-э... Как величать вас изволи-те? — улыбнулся великан. Усов его скрошилось несколько оттаявших сосулек.

— Семен Никифоровичем зовут. Яковлевы мы.

— Очень приятно, Семен Никифорович. А я... Как бы вам это сказать...

— Кончай, Слоник! — оборвал великана его товарищ.

— Спокойно, Семерка. Все о'кэй! — Вошедший показал пальцами колечко. — Гражданин Яковлев в единственном числе, не считая верхового оленя, на котором прибыли, и вот этих очаровательных собачек.

Лайки заворчали. Кильтырой шукнул на них.

— Ты, дядя, все же положь-ка на стол ружьишки, — миролюбиво повторил первый.

Под внимательными взглядами обоих Кильтырой освободился от оружия, которое тут же перешло в чужие руки. Сложил в углу котомку и панягу.

— И ножичек ваш, будьте любезны.

Старик снял пояс с медвежьим ножом.

— Вот теперь садись, дядя, — разрешил первый. — Жрать будешь? — вдруг спросил он.

— Я? — удивился Кильтырой.

— Ты, ты! Вон я наварил.

— Поем, што ж... Однако, впервой собак накормить.

«Гости» наблюдали за несуетливыми движениями Кильтыроя у печки. Вполголоса говорили между собой, и понять, о чем, не было никакой возможности. Когда охотник вышел в загон, вышел, не одевшись, и великан.

— Ах-ах-ах, как уходили олешков-то, — стenal Кильтырой, осматривая шестерку пришлых оленей. — Все ноги побиты. Ах, ах... Ай-ай-ай! Совсем худые олешки-то, совсем. Копытали? Лохмотья!.. Голодные олешки шибко. Полягут, однако. Ах, ах...

— Плеваты! Они свое сделали... Вы поторопитесь, гражданин Яковлев, а то я еще простужусь на вашем ранчо.

— Так ступали бы в избу-то, че вышли-то? Чай, не сбегу.

Старик вернулся в дом, стараясь не задеть массивной фигуры Слоника. Семерка сидел за столом, уложив голову на руки. Казалось, спал.

— А у тебя ташкентик, дядя, — не м чья позы, сказал он, уставясь на Кильтыроя мрачным взглядом из-под прищуренных век. — Фартовая хата... А где хаза твоя?

— Как?

— Живешь-то где?

— В Урокане живем, однако.

— Это где?

— Четыре ходки отседова, — Кильтырой махнул на юг.

— А там, — показал западнее Семерка, — в той стороне далеко поселки? Или стойбища, что там у вас, не знаю?

— Далече как будто, по-вашему. Еще три полных ходки иттить надо. Поселок... А стойбищ в том краю нету...

— И дорога туда есть?

— А то! Дорога есть. Тропа есть.

— Тропа ездвая?

— Оленная. Однако, и лошадь г.йдет...

— Ну да, с бубенцами тройка... Людей много?

— Охотники нонче на тропах, какие же еще люди...

— Тропа к Мульмуге выходит?

— Выходит.

— Где?

— У Мачехина порога...

— Мне эти клички не наводчики. Ты толком давай: приметы!

— Полный день, однако, иттить надо. Там кривун влево у

гольца — вода, как и здесь, открыта, ворчит. За кривцом пустошное урочище. В урочище-то конец тропы.

— Ну ладно...

Кильтырой за разговором подавал на стол.

— Ты вот что, хозяин... Нет ли выпить у тебя? Водки. А лучше спирту. Месяц на воле, а кирнуть не можем.

— Да, гражданин Яковлев. Сегодня старый Новый год, отметить бы, а магазины тут у вас далековато.

Кильтырой достал с настила запечатанную поллитровку спирта, протянул Семерке. Тот даже застонал, закрыв глаза, прижав бутылку к волосатой груди.

Шлепали по столу самодельные, чернильного рисунка, карты.

— Удваиваю.

— Запомним — четыреста...

— Твои... Масти нет... Дядя, входи в компанию.

— Не обучен я, — дымя трубкой, помотал головой эвенк.

— Дурень! «Сика» — как второй паспорт. Первый посеешь, с этим всегда в законе будешь. Давай научим.

— Не-не...

— Это же проще «дурака». Проще только перетягивание каната... Сдавай, Семерочка!..

— Однако, пойду я, — сказал Кильтырой.

— Чего? Куда это?

— В загоне сосну, костер запалю... Вам не мешать чтоб...

— А это видал? — Семерка выбросил перед его лицом кукиш. — Я те пойду! «Костер запалю»... — поддельваясь под акцент, передразнил он и криво, на выдохе, улыбнулся. — Сиди, божий одуванчик!.. «Сосну...» Пей!

— Благодарствуйте.

— «Благодарствуйте...» Ну и хрен с тобой!.. Слоник, наливай!

И запел.

— Гражданин Семериков, — прервал он вдруг пение и задержал бутылку над стаканом. — Мы ведь спать будем сегодня, мне кажется, без сновидений, глубоким и чистым детским сном...

— Ну?

— А у хозяина ни расписки о невыезде не взять, ни слова, что он будет поживать столь же праведным сном, что и мы.

Завернутый в крепкую промысловую сеть, прикрученный сверх того веревкой к нарам, Кильтырой долго не мог заснуть. Ему было душно и неудобно, сводило ноги, разламывалось вывернутое колено, немели руки, мутило.

Забылся он, вконец умаявшийся, под утро.

Короткое сновидение исчезло, как вода, пролитая в песок. Охотника вертели, трясли, распеленовывали. Наконец освободили от пут, и он сел, свесив ноги с покалывающими икрами, потирая шею.

— С добрым утром, гражданин Яковлев! — Кильтырой близко увидел расплывшееся в ехидной улыбке лицо Слоника. — Как вы спали?

— Ползи сюда, козел! — крикнул от порога Семериков. — Разделай тушу, упакуй на нары.

Уткнув прорубленную голову в снег, подрагивал, лежа на

боку, один из чужих оленей. Кильтырой попросил нож, перерезал животному горло, свернул за рога голову и стал свежевать тушу.

— Вот что, хозяин, — заговорил Семериков. — Мы уходим на твоей упряжке и из этих берем двух оленей. Сиди здесь три дня. Усек? Три дня. Ни часом меньше. Тронешься раньше — я тебя в любой берлоге достану и кишки выпущу. Понял? Потом делай что хочешь: кричи, легавых зови, закладывай — что хочешь, — повторил он и показал три пальца. — Но только через три дня.

И погрозил кулаком.

— Однако как мне с такими худыми олешками? — спросил, ни на что, собственно, не надеясь, Кильтырой. — Оне таскать не станут.

— Ни хрена! Выберешься! Знаю я вас... Скажи спасибо, кляча, что этих оставляем да тебя живого.

— Спасибо, однако... — сказал Кильтырой. Он уже отделил шкуру. — Топор нужен.

Семериков бросил ему топор, снял, шелкнув, с предохранителя карабин.

— Али боисся? — оглянулся на звук Кильтырой.

— Заткнись, падло! «Боисся». Я только себя самого боюсь! Ну! Чего ты там возишься? Руби быстрее!

Кильтырой стал с криканьем расчленять горячую, испускающую клубящийся пар тушу. Передохнул, часто дыша от напряжения.

— Учуга бы мне оставить, — произнес он. — Без учуга мне никак нельзя.

— Да оставь ты ему верхового, Король, — сказал появившийся из дому с ношей Слоник. — Не доберется без него, это точно. Грех на душу падет.

— Хрен с ним, пусть оставит.

Слоник тем временем укладывал на передние нарты принесенный широченным обхватом тук, стянутый медвежьей шкурой, из которого с торца торчали концы собольих хвостов и лап.

— Однако, что ж это? — замер над тушей Кильтырой. — Мои собольки то ж! Пошто берете? Добыча моя ж это!

— Была твоя, стала наша. Ты руби, руби.

— Да, гражданин Яковлев. Вы взяли. Мы взяли. Строго, но справедливо...

— Какой такой справедливо? — Кильтырой отшвырнул топор, подбежал к нартам и потянул с нее шкуру, но, поднятый за грудки одной Слониновой рукой, под смех Семерки задрогал в воздухе ногами и тут же отлетел назад, к полуразделанной туше, ободрав лоб о красную снежную корку.

— Не возникай, следопыт! — рявкнул Слоник, впервые повысивший голос. Губы его сжались, побелев, глаза сузились. Все лицо удивительно изменилось, словно он накинул на него маску свирепого духа.

Кильтырой поднялся, не отрывая взгляда от этого лица, припадая на заболевшую ногу, сделал несколько шагов в сторону, вдруг резко нагнулся, схватил топор и пошел на Слоника. Смех прекратился. Семерка вскинул было карабин, но гигант остановил его движением руки и в два поразительно легких для его

огромного тела прыжка переметнулся навстречу охотнику. Высоким ударом ноги он вышиб уже занесенный на него топор и залепил Кильтырою такую оплеуху, что тот даже не успел почувствовать ни боли, ни того, что вновь кувыркается в воздухе.

— ....Живой? — донеслось как будто издалека.

— А пес его знает, — послышалось ближе и глуше. И сразу пришла боль. Все левая сторона лица горела, хотя была вроде не своя, отдельная от раскалывающейся головы.

Кильтырой пошамкал ртом. Распухший, саднящий язык ощутил скол зубов, увяз в похрустывающем крошеве, смоченном кровавой соленой слюной. Он выплюнул этот комок, протяжно застонал и попробовал сесть. Кто-то помог ему, держа под мышки.

— Жив. Доходяга, а живуч, как собака.

Кильтырой узнал голос Семерки. Тут же в голове словно завертелся еж, заломило внутри левого уха, и из него полилось, обжигая шею. Кильтырой открыл глаза: небо, тайга, дом, Слоник рядом с упряжкой — все опрокидывалось, опрокидывалось в розовом тумане. Пришлось опять закрыть глаза и лечь, прижимаясь лицом к спасительно холодному снегу. «Медведь давшино, подранок, саданул так же, но, слава те господи, успел испустить дух, пока я очухался. Тоже голова трещала, и кровь ухом шла. А нонче оглохну, однако, однако, однако...» — билось в мозгу вместе с громким пульсом. Кильтырой почувствовал, что его потащили, как куль, бросили к стене на охапку сена. Оттуда он почему-то совершенно безучастно, сквозь поднимаемые с трудом веки, наблюдал, как выносились из избы и грузились олени и собольи шкуры, продукты, две пары его камусных лыж, оружие, кое-что из меховой одежды, как привязывался к задним нартам то огрызающийся, то скулящий Кайран. Потом его опять подняли, втащили в дом, положили на нары, и он услышал лязг засова, удаляющееся шуршание нарт, тоскливый визг Кайрана.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Кличкой Слоник Акимычева окрестили еще в изоляторе временного содержания. Затем эта кличка перекочевала бог весть какими путями за ним в следственный изолятор, пересыльную тюрьму, а оттуда — в колонию строгого режима. Он не блистал тюремными навыками и уголовной терминологией, и это сразу бросилось в глаза тем, для кого суд, приговор и камера были такими же естественными обстоятельствами жизни, как хлеб и вода. Но первые же попытки приручить новенького, попробовать сделать из него прислужника ничего не дали. Акимычев показал свою силу и неожиданно для всего сброда стал его главварем, хотя никто его не знал и не числился он в их безошибочных списках кандидатов на долгую компанию — ни татуировки, ни блатного жаргона, ни особенного артистизма. И хотя статья 117 у всех уголовников и во все времена вызывала безгильность, и более того, человек, севший по этой статье, моментально становился в их кругах изгоем, с Акимычевым ничего подобного не случилось. Наоборот, он сам быстро оброс прислужниками и добровольными помощниками, первым ел и пил самое

вкусное, был всегда в тепле. И даже когда спал, ни у кого, даже у самого отчаянного и озлобленного, не поднималась рука на него. Слишком силен и страшен этой силой был новый осужденный. Зауважали его еще и за то, что «солидный» приговор и судьбу свою Слоник воспринимал совершенно спокойно, как будто был к этому готов всю жизнь.

Близким друзьям он как-то говорил: «Кто из людей живет дольше всех? Кто счастливее всех? Дирижеры! Им покоряются...»

На судебном процессе один из свидетелей вспомнил это откровение Акимычева, но это только рассмешило обвиняемого.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ СЛЕДСТВИЯ

«...При допросе потерпевшая, ученица 10-го класса 762-й московской школы Лариса Прихожева, показала, что автомашина марки «Жигули» была красного цвета и на заднем стекле висела картинка, изображавшая выгнувшуюся в прыжке пантеру. Номер потерпевшая не запомнила, так как, по ее утверждению, у нее не было даже мысли запоминать такие подробности — слишком порядочным казался мужчина, пригласивший ее на прогулку.

Потерпевшая рассказала далее, что водитель, представившийся ей после окончания соревнований на сдачу норм ГТО тренером гандбольной команды, спросил, не желает ли она, Лариса, совершенствовать свое спортивное мастерство в секции известного клуба. Получив согласие, он предложил девушке довести ее до дома, чтобы там переговорить с родителями относительно ее дальнейшей спортивной судьбы. Лариса согласилась. Человек, назвавшийся тренером, повез потерпевшую по городу, однако, сославшись на необходимость заправки двигателя, свернул на загородное шоссе, после чего, нанеся потерпевшей побои, изнасиловал ее и пригрозил убийством, если она скажет кому-либо о случившемся.

В ходе расследования данного дела оперативно-следственная группа заинтересовалась фактами нескольких аналогичных преступлений, совершенных в разное время...»

В исправительно-трудовой колонии Акимычев и Семериков быстро нашли и поняли друг друга, хотя оба чувствовали, что между ними вскоре может развернуться борьба. Правда, вначале Семерку настораживала злополучная 117-я статья Уголовного кодекса, но после того, как Акимычев, подойдя к нему после ужина, сказал: «Для тебя, Король, есть у меня козырь — статья 146... Годится?», Семериков протянул ему руку:

- Годится.
- А если я наврал? — спросил Слоник.
- А мы проверим.
- И если?..
- И если ты наврал — пеняй на себя.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ СЛЕДСТВИЯ

«Ночью 10 августа 1971 года на станции Черная Тихорецкого района Краснодарского края при ограблении универсама были нанесены смертельные ранения сторожу Сергееву Антонию Александровичу. Прибежавшим на его крик и пытавшимся помочь ему людям он рассказал, что, когда, услышав шум в уни-

вермаге, вошел туда, его чем-то ударили по голове. Сергеев бросился бежать. Его преследовали двое преступников, догнали и несколько раз ударили ножом в спину и грудь. О преступниках Сергеев сказал только, что раньше он их никогда не встречал. Через несколько часов Сергеев умер.

В октябре с. г. было установлено, что в ограблении магазина и убийстве сторожа Сергеева принимали участие жители г. Тихорецка ранее судимые Семериков и Уланов, работавшие по найму на строительстве Трипольской школы, расположенной в девяти километрах от Черной. При задержании Уланов рассказал, что совместно с Семериковым они ограбили универмаг на станции Черная и убили помешавшего им сторожа. Семериков все отрицал. На очной ставке Уланов отказался от прежних показаний и заявил, что оговорил себя и Семерикова...

При дальнейшем расследовании под тяжестью неопровержимых улик Уланов вторично сознался в совершении им совместно с Семериковым ограбления универмага и убийстве сторожа. Семериков продолжал настаивать на своей непричастности к этому преступлению. В результате целого ряда доказательств, очных ставок, следственных экспериментов Семериков тоже сознался в том, что принимал участие совместно с Улановым в ограблении универмага, однако отрицал свое участие в убийстве сторожа, показав, что оно было совершено его сообщником Улановым единолично. Уланов подтвердил показания Семерикова...

ИЗ РЕЧИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ

«Следствием установлено, что Акимычевым в течение двух последних лет был совершен ряд ограблений и изнасилований, в том числе несовершеннолетних.

Самое страшное то, что подсудимый, которому государство предоставило все возможности для гармоничного развития личности — учеба в институте, занятия спортом, перспективная работа и так далее, — даже эти возможности использовал для своих преступных целей. Он, бесспорно обладающий определенной суммой знаний, употребил эти преимущества не во благо государства и общества, но во вред ему. Причем употребил сознательно, испытывая даже необходимость в совершении вначале правонарушений, а затем и преступлений. Так что это не ошибка молодости, не порочное заблуждение. Тем более что у него уже была одна судимость...»

ГЛАВА ПЯТАЯ

- Полковник Марута у аппарата.
- Привет, Дмитрий Максимович.
- Здравия желаю, товарищ генерал!
- Ну, что там у тебя по делу Семерикова — Акимычева?
- Э-э... Пока все то же, товарищ генерал.
- Что значит «то же»?
- Ведется усиленный поиск по схеме «Спираль».
- Сегодня уже...
- 14 января, товарищ генерал.
- Вот именно. 20-го тебе докладывать в управлении, Дмитрий Максимович.

— Знаю... Но, извините, мне кажется, сроки все же необходимо сдвинуть.

— Это почему же?

— Экстремальные условия.

— Конкретнее!

— Схема «Спираль», задействованная после срыва первоначального розыска, сама по себе предполагает расширение территории операции. Это во-первых. А во-вторых, побег был тщательнейшим образом подготовлен...

— Ну, это не аргумент. В обязанности ваших, полковник, служб как раз входит пресечение самой возможности такой подготовки, а тем более ее результативного использования.

— Я не снимаю с себя ответственности.

— Я тоже, кстати... Ну хорошо. А в-третьих?

— А в-третьих, товарищ генерал, в-третьих — это продолжение во-вторых: экипировка, вооруженность, тренированность, регулярная смена упряжек. Олени, нарты и оружие изъяты еще у двоих — у... минуточку... у пастуха колхоза «Рассвет» Якутской АССР... сейчас... Романова — квадрат 16-Г и охотника Амурской области Брусничного — квадрат 21-А.

— Люди не пострадали?

— Легкие телесные повреждения.

— Как быстро устанавливаете маршрут?

— Преступники применяли угрозы, поэтому оба потерпевших сообщили об ограблении лишь на четвертые сутки.

— Ясно... Резко меняют направление ил отсиживаются...

— Так точно, товарищ генерал. И определить предположительное местопребывание их в каждый конкретный момент не представляется возможным. Первоначально вырисовывалось направление к Охотскому побережью, но оно, как мы убедились, оказалось отвлекающим.

— Да... Давненко, Дмитрий Максимович, по главному управлению подобного не случилось.

— Просто лихо, товарищ генерал!

— Лихо-то лихо, да как бы лиха не нажить.

— Я повторяю: от ответственности не уклоняюсь и готов нести заслуженное наказание...

— Да что ты, черт возьми, заладил — ответственность, ответственность! Она и так при тебе! И наказание по существу будет, не беспокойся. Но ты мне прежде разыщи своих крестников и обезвреди их. Ведь если операция не даст эффекта, они рано или поздно выйдут на Большую землю, и тогда...

— Эффект будет, товарищ генерал! Система контроля, оцепления и оповещения исключает просачивание из района «Спирали».

— Уж ты мне их не выпусти, Дмитрий Максимович.

— Приложу все силы, товарищ генерал.

— Слушай, а что, если, так сказать, выбить у них почву из-под ног, лишить преимуществ?

— Что вы имеете в виду, товарищ генерал?

— Ну, допустим, на время перегнать стада из района «Спирали» на другие пастбища, свернуть промысел. С одной стороны, базы у них не будет, с другой — местное население в какой-то степени будет гарантировано от контакта. Мера, конечно, крайняя, но...

— Исключено, товарищ генерал! Просто невозможно. Это же тысячи квадратных километров. Кто же пойдет на это? Всего-то два, пусть опасных, но всего ведь два бежавших уголовника...

— Так ты мне их подай, черт возьми! Раз их всего-то два? Понял?

— Понял...

— Деятнадцатого вылетай в Москву!

— Есть, товарищ генерал!

— Ну, будь.

Какой бы долгой и трудной ни была дорога, как бы утомительна ни случалась охота, всегда Кильтырой замечал красоту тайги. Нет, жил ею — буйной и веселой летом, угрюмой и покойной зимой.

Речка струится, звеня колокольцами в каменистой россыпи переката...

Солнце встающее расплосовало чащобу туманными прорубами...

Наст, розовея, скрипит под лыжами, будя тишину...

Замер на сопке сокжой, нацепив на рога полную луну...

Посыпались сверху комочки снега и шелуха — белка от гай-на пошла верхами...

Трава стелется, отяжелев от росы, вздрагивает, роняя капли искрящейся влаги...

Скала выпятила грудь, заставила изогнуться ручей...

Профыркало крыльями стремительное птичье семейство...

Ночной костер высветил, оживив, черную стену леса...

Все чувства открыты природе, все впитывали, молодили не-сознаваемой радостью. Но нынче он не видел ничего и не чувствовал ничего, кроме одной страсти, которая жгла и терзала его: убиты!

Всего час назад Пулька сидела перед нарами и выла, не навзвой, а по-щенячьи — плаксиво и жалобно. Кильтырой сел, обхватив шумящую голову руками. Поежился: дом выстудился, дверь плохо закрыта. Надо же... Сон был... Фу, какой дурной сон, господи... И тут Кильтырой вспомнил все, и ему показалось, что он только что слышал и выстрелы, и пропадающий визг Кайрана. Он встал и, едва удерживая равновесие, пошатываясь, растопырив руки, вышел на воздух.

Набирал силу рассвет. Выходит, сутки провалялся...

Из-за угла показалась голова тофаларца. Он подбежал к хозяину, обрадованно закивал. Копыта, камусы, бока его были покрыты смерзшейся розовой коркой. В загоне лежали застывшие, пристреленные олени... Учуг озирался чумовато и потягивал ноздрями. С высоты скалы отчетливо виден был свежий след на льду Мульмуги.

Вот и все! «Слажу, однако», — вспомнил Кильтырой обещанное Паршину. Вот те и сладил... Ушли, как будто и не были. Ушли теплые и сытые. И как уйдут за три-то дня, что проторчит он в зимовье... След не давал Кильтырою покоя, притягивал зрение. И уже волновала его какая-то неясная мысль. Он силился уловить ее как что-то такое, что иногда шевелится в мозгу, но никак не вспоминается.

Вернувшись в дом, он торопливо, что было совсем ему не свойственно, срываясь со ступенек, полез на чердак, служивший лабазом. Лицо и руки облепила мертвая паутина, законпаченные щели не пропускали ни лучика, но он хорошо знал, где схоронил долго послуживший бердан и патроны: авось, случись что, еще послужат. Вот и пришел черед... Раскидал тряпье, нащупал тяжелый сверток. Здесь... Как положил. В куске оленьей шкуры. Кильтырой развернул, достал скользкое от смазки ружье.

«По следу идти — никак не достать. Не успеть. Надо сразу взять вправо от берега. Пускай тропа ломаная — вверх-вниз, со скальными россыпями, с низовыми марями, зато близко, впереиз. Нонешним утром еще оне должны были выйти к Мачехину порогу и тоже взять вправо, ить он сам им тропу выложил. Лишь бы свернули... Да как не свернуть! Тайга тамошняя глуше, а тропа есть удобная, влогон дню ведет, куда и мыслили. Уйти сподручней всего. Должны свернуть. А там и скрестятся наши пути».

Пулька, такая жадная до зверя, шла наскоком, вороша снег, не обращая внимания на запахи и не засматриваясь на следы. Ни одной белки не облаяла, ни по одному собольему тропнику не взыграла. Вся в броске. Крутой бублик ее хвоста пружинил долгое время впереди, словно понимала собака, куда вести и зачем, пока не вымоталась и не отстала, — сколько верст-то отмахали.

Тофаларец споткнулся на присыпанной ямке, и Кильтырой перелетел через его рога.

Учуг лежал, кусая снег, бока его судорожно вздымались и опадали. «Никак ногу сломал?» — мелькнуло у старика. Нет, слава богу, ноги целы, запалился олешка. Что ж, можно и передохнуть. Кильтырой посмотрел на солнце, подплывшее к горизонту. Вышли они, когда оно лишь начинало взбираться на верхушку небосвода. Все это время он не давал оленю роздыху, лишь иногда позволяя тому переходить на шаг. Пулька тоже выбилась из сил — только нагнала их и залегла рядом, подрагивая и повизгивая от усталости.

— Бедные, бедные, — поглаживал животных Кильтырой.

Он не узнавал собственного голоса. Левое ухо по-прежнему ничего не слышало. Язык, большой и саднящий, еле ворочался в почти не раскрывающемся рту. Безудержно захотелось есть и спать. Больше даже спать. Кильтырой нарубил соснового сушняка, забросал кучей веток крупные сучья, запалил костер. На всякий случай порывлся в котомке и карманах, но ничего из еды, конечно, не нашел. Одни патроны.

Тофаларец перевернулся на поджатые ноги и, когда Кильтырой вскрыл ему ножом вену под лопаткой, только дернулся кожей. Несколько судорожных глотков насытили Кильтырою. Он успел еще замазать ранку оттаявшей у костра грязью и мгновенно заснул, привалившись к теплой шерсти оленя.

Спал он часа два, не больше. Сплющенное, разорванное солнце скрывалось, прощаясь с землей последними красками зака-

та. Выпирали колючие звезды. Яснела на глазах луна, наполняя обливным светом тайгу.

И снова рысил, где удавалось, тофаларец, и Пулька упорно рвалась вперед, взвизгивая, когда колола израненные настом лапы; и снова Кильтырой смотрел, не мигая, перед собой, буравил взглядом тайгу, а виделись ему ненавистные лица в прыгающем прицеле бердана.

Кильтырой поправил шарф на груди. Мороз усиливался. Луна принарядилась большим голубым венцом.

Шурх-шурх-шурх-шурх... — разбрызгивает олень сверкающий снег.

— Ходи, ходи, — подсказывает ему Кильтырой. — Поспешай, дружок. Я те ягелю потом сам с-под насту надергаю, вкусного, сочного, я те глазки чаем вымою, и копытца залечу, и шерстку расчесу железным гребнем, и на всю зиму волю и роздых дам. Поспешай, дружок, поспешай. Достать их нам надо. Это ить надо ж звери! А еще русскими называются. Какие ж оне русские? Русские, однако, нам, эвенкам, свет подарили, электричество, дома теплые, доктора да лекарства. Дети все выкормлены, выучены... Помирать не хочется. А то ить раньше как? Старик ежели — так и помереть торопится. А я вот не тороплюсь. Жизнь-то какая: спутники летают, внуки здоровы, тайга наша. Наша... Ну что ж... Чай, ненадолго уж. К утру все ж нагоню. Поспешай, дружок, поспешай... Бердан промашки не даст. Бой верный. Патроны сухие. Ить бешеных зверей даже изводить велют. А оне и есть бешеные. Скоко, однако, людям худо навели и навести норовят. Бешеные и есть. Убить надо. Спасибо скажут старику...

Кильтырой затормозил учуга, слез, поприседал. Посмотрел на луну, на сдвинувшиеся по кругу созвездия. Подождал отставшую Пульку и, когда выравнилось дыхание животных, тронулся дальше, взяв гористее.

Они не преодолели и версты, как Кильтырой вновь, второй раз за эту зиму, ощутил толчок смутной тревоги. Остановился. Огляделся, вслушался, сдернув шапку, понюхал воздух. Те же тишина, переплет чернотвожья и белый, в синеву, чистый искрющийся наст, не тронутый ни зверем, ни птицей, ни ветром. Пулька тоже вслед за хозяином, но более выдержанно нюхала воздух, выхватывая запахи дергающейся пуговкой носа. Но и она ничего не вынюхала и солидарно крутнула хвостом. Поблазнилось?.. Нет, чутье подводило его редко. Так что же ждало на этот раз? Кильтырой взял ружье под мышку и легко тронул повод. Тофаларец, удивленный спокойным посылом, повернул голову.

— Ходи! Тихо ходи! — подтвердил хозяин.

Кильтырой ехал, свернув шапку так, чтобы уши оставались свободными, и, хотя пощипывал мороз, он терпел, продолжая вслушиваться в тайгу. Один раз ему показалось, что он уловил далекий звук, воспринимаемый отсюда как шорох или шипение. Но то могла быть и лавина, сошедшая в далеком ушелье, и вода, забившая под напором через проломленный ею лед на быстринном кривуне, и что-нибудь еще. Почему же так забеспокоилось сердце?

Луна высветила впереди, левее, след тяжелых нарт. Они! Завертелась, завизжала Пулька. И учуг прибавил ход.

Нет, дружки, мы не станем-ка торопиться. Станем-ка медленно нагонять. А заметим издаля костер, привяжем вас, чтоб не волновать ни упряжных, ни Кайрана, и пойдем крадучись. А потом поползем. Ближе, ближе. С взведенным уже курком...

Ждал, конечно, Кильтырой этого часа, когда выйдет он на желанный след. Так вот потому и сердце затосковало — раньше глаз увидало... И все же что-то не то. Оно ведь затосковало, встревожилось, а не зародовалось... Но что это там, впереди? Чьи это другие следы захлестнули, смяли тропу и пошли по ней, и справа, и слева, широкой, чем-то знакомой бороздой?

Волки!

Их, значит, ход и слышал он давеча.

Кильтырой со стоном закрипел зубами. Его опередили! Та самая стая, с которой раз уже его разминувла судьба. Она ведь тоже ждала своей ночи и своего следа. И дождалась! И пошла вдогон. На махах.

Что же делать?..

Что делать?!.

Что?!.

Впрочем, Кильтырой не искал ответа на этот вопрос. Он уже сворачивал с тропы влево и гнал учуга наперерез, съедая расстояние. Добыча была его, и он никому не собирался ее уступать. Даже волчьей стае.

А там будь что будет...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Вновь остановиться Кильтырой заставили звуки отдаленной стрельбы. И понял он, что серые оказались удачливее в погоне.

Стрельба продолжалась еще какое-то время и смолкла, растаяв слабым эхом. Вот и гадай, что там произошло: патроны ли кончились, стрелять ли не в кого или некому?.. Надо убедиться своими глазами. Ориентир получился хорошим. Кильтырою достаточно было услышать один-единственный выстрел, он и то сумел бы определить направление с точностью до сотни метров. И Кильтырой тронул тофаларца, пальцем наказав Пульке держаться рядом и не шуметь.

Тайга поднималась в гору. Наконец Кильтырой решил, что пора и поосторожничать на всякий случай, соскочил с седла, привязал учуга и Пульку к коряжистой сосне и дальше пошел уже один, держа наготове ружье. Вскоре стал заметен пробивающийся меж стволов свет, какой бывает от костра. Кильтырой замедлил шаги, весь превратившийся в зрение и слух. Пробирался от ствола к стволу пригнувшись, почти на корточках, как в ритуальном танце, останавливаясь и замирая.

То, что открылось Кильтырою, заставило его поежиться.

Луна и еще не угасший костер освещали разодранные, бесформенные части, рогатые и клычатые головы, куски тел, клоки шкур и шерсти. То же и по краям, и за пределами поляны... А вот и нарты с разбросанной вокруг поклажей, и черная со-

бачья голова с остатком шкуры, повисшая на веревке. Кайран... В некоторых местах кровавые следы пятнали исчезающие в мутной глубине тайги снежные тропы. То были следы ушедшей стаи, уносившей горячее мясо добычи про запас и уводившей способных двигаться подранков.

Кильтырой не таился. Изучивший повадки волков, он знал, что они уже не вернутся сюда, к мертвечине. Им подавай свежатинку. Остерегаться было некого — ни тех, что ушли, ни тем более тех, что остались здесь... Но где же Семерка и Слоник? Где? Укрыться от стаи они никак не могли, убежать тоже. Это ясней ясного...

У одинокой сосны с ободранной корой, на самом краю обрыва, он увидел наконец одного из людей, вернее, то, что раньше называлось человеком. По русым лишь волосам да по огромному росту понял он, что перед ним Слоник.

Семерки же не было нигде.

«Быть того не может, — подумал Кильтырой, — чтобы ничего не осталось от человека. Обязательно хоть что-то, но должно остаться». Но сколько ни искал, ничего не нашлось. Лишь карабины с окровавленными прикладами и обе ушанки говорили о том, что и тот находился в лагере, когда налетела стая. Оставалось, правда, необследованным дно обрыва. Но не кончилась еще ночь, и там, внизу, было слишком темно, чтобы хоть что-то разобрать, хотя старик до боли напрягал зрение, опасно свесившись с карниза кручи.

С рассветом догадка Кильтырой подтвердилась. У самого подножия обрывистой сопки, среди камней, он рассмотрел два полуприсыпанных снегом тела — человека и волка, лежавших чуть ли не в обнимку. «Однако, разбились — высоко», — прикинул Кильтырой. И все же спустился, чтобы узнать наверняка.

Волк был мертв — Кильтырой понял сразу по оскалу звериной пасти. Ну а человек?

То, как он лежал, запрокинув окровавленную голову с примерзшими к камням волосами, означало, что и для него падение с сопки стало роковым. Вот только... Снег, покрывавший лицо человека, притаян на губах. Кильтырой вытащил из унтов нож и приложил его плашмя к этим губам. Сталь слегка затуманилась.

Сколько Кильтырой простоял над изуродованным телом, он не смог бы сказать. Самому ему показалось, что долго. Вернее, дольше, чем нужно простоять над человеком, которому требуется немедленная помощь. «Помощь... Кому помощь? Какая помощь!..» Мысли путались... «Как же так? Как же он не разбился, однако? Как не замерз вовсе?» И тут пришла догадка. Собственно, догадка эта могла быть единственным объяснением того, почему человек, сорвавшийся с такой крутизны, остался жив: волк в прыжке достал Семерку, получил финку в горло — вот она торчит, — и они, сцепившись, рухнули вниз. Зверь упал первым. И смягчил падение человека.

Ну и что же теперь?.. Пусть не Кильтырой, пусть злые или добрые духи послали возмездие. Но ведь оно настигло. Значит, можно дать сердцу успокой... Да, но Семерка, однако, еще жив!.. Хотя какой там жив. Не жилец уж, однако. А ежели жи-

лец?.. Сердце-то тукает... Покамест тукает... Однако, если уйду, кто осудит? Некому и осудить-то... Как некому?.. А самому-то?.. Но ведь зверь же. Истинно зверь!..

Все эти не додуманные до конца, горячечные мысли вихрем пронеслись в мозгу Кильтырой. А сам он тем временем, обдыхая, отдирая от камней короткие волосы Короля, стягивал с себя парку и подкладывал раненому под голову, растирал его лицо и руки сначала снегом, потом шарфиком, укрывал их своей шапкой и рукавицами, которые пришлось отрезать у рукавов. Со стороны могло показаться, что человек этот сошел с ума: ну кто же еще станет раздеваться в такой мороз! Но вот уже один за другим запылали костры вокруг лежавшего; Кильтырой вскарабкался на вершину, напялил на себя одну из ушанок, оказавшуюся ему великоватой; нашел в развороченной поклаже нарт старую свою парку и, на ходу влезая в нее, побежал, загребая снег и хромотно пританцовывая, к тому месту, где оставил оленя с собакой.

Тяжело, с частыми остановками, тащил тофаларец нарты. Кильтырой не погонял его, не направлял — тот сам шел по собственным следам в полную силу, какая еще оставалась. Порою, когда упряжка замирала, Пулька осторожно подходила к нартам и обнюхивала лежавший на них странный куль. От него исходил чем-то знакомый и в то же время отпугивающий запах. Пахло человеком и зверем. Жизнью и смертью... Да, это был страшный груз — тело человека, завернутое в сырую, но еще теплую волчью шкуру и в овчинный тулуп.

Шкуру Кильтырой, сдернув со зверя, распылил на кольях над костром продымиться и пропотеть. Это было еще просто. Сложнее оказалось добраться до тела Семерикова и осмотреть его. Пришлось сгрести угли костров в одно место, перетащить туда же нарты, сложить над ними некоторое подобие шалаша, на который пошли и лапник, и ветки, и всякое тряпье, и даже уволенные медвежки и соболя шкуры. В такой вот нелепой хижине было мало света, зато много тепла. Чтобы растопить воды, Кильтырой взобрался снова на вершину сопки и разыскал котелок — свой-то не взял из зимовья, «пил» в дороге, жуя снег.

Надрываясь, он взвалил на нарты бесчувственное тело Семерикова, передохнул. И, стряхивая дымные слезы, осторожно, но поспешая, стал его раздевать. Левый валенок пришлось, а вернее, едва удалось взрезать ножом вместе с носком и кальсонами — он никак не снимался, набухший и загустевший от крови.

— Авай! — выдохнул Кильтырой имя эвенкийского черта.

На теле раздетого им человека не было живого места. Охотник даже схватился за голову:

— Авай! Авай!..

Обмыв наскоро раны Семерки, присыпав их теплой золой и табаком и кое-как перевязав лоскутками рубашки, Кильтырой принялся вправлять тому вывернутую в плече левую руку. Семериков застонал. Старик вздрогнул от неожиданности. Никогда не думалось, что раздастся этот стон. Но отвлекся он лишь на мгновение. Надо было заниматься правой ногой раненого. Ост-

рый обломок его изогнутой голени торчал из рваного мяса, ужасая мерцающей, противоестественной белизной. Кильтырой вырезал лубок из лиственной коры, лег на Семерку лицом к ногам, потянул за ступню и пятку и наложил, придавив собой, шину. Ждал вскрика, стога. Но раненый молчал. «Жив ли?»

Перевязав ногу, Кильтырой слез с Семерикова и припал ухом к его груди. Сердце неровно билось.

Кильтырой плелся за нартами, держась за воткнутую в них пальму, и боялся лишь того, что уснет на ходу и свалится. И потянет олень поклажу без хозяина куда глаза глядят, и стинет сам, и тайну схоронит... Порою старик не чувствовал ни ног своих, ни рук, ни боли в голове. И тело его теряло тяжесть и ощущения, невесомо парило над тайгой, свободно и легко, но в то же время как-то горестно и грустно. Не так ли с телом душа расстается?

Из оцепенения его выводил собачий лай. Это Пулька, замечая, что хозяин шатается и готов упасть, насакивала на учуга, заставляла того останавливаться, и они отдыхали все вместе, лежа в снегу с закрытыми глазами. Но стоило Кильтырою с кряхтением начать подниматься, как олень тут же трогал с места.

Так повторялось много раз.

Иногда на остановках охотник подходил к раненому, откидывал тряпицу, прикрывавшую тому голову, и смотрел на его лицо до тех пор, пока не убеждался, что это лицо живого. И когда он всматривался в это лицо, с которого так и не сошла гримаса застывшего ужаса, боли и отчаяния, то ловил себя на том, что не испытывал ни ненависти, ни отвращения, ни сострадания, будто все происшедшее и происходившее не имеет никакого отношения к Кильтырою и ему не было и нет до этого дела. Так бывает, когда видишь мерцание зарницы — образ очень далекой и совсем чужой грозы.

Однако, когда к утру наконец упряжка вышла к зимовью, Кильтырой прежде всего занялся Семериковым: отвязал его от нарт, освободил от тяжелых одежд и, напрягшись, чуть ли не теряя сознание, втащил в избушку. На это он, казалось, истратил последние свои силы. Почти трое суток у него во рту не было ни крошки. Но, посидев с минуту рядом с раненым на полу, он, к своему собственному удивлению, смог подняться, уложить его на нары и даже растопить печь.

И только после этого уснул.

Если бы какой человек набрел в этот ранний час на снегом занесенное до оконца зимовье на высоком берегу таежной реки Мульмуги, то такой человек ужаснулся бы от увиденного — от вмерзших в образовавшийся после кровавой оттепели наст оленьих трупов, от двух лежащих в избушке людей: одного — с распухшим, заплывшим сплошным синяком лицом, на голом, грязном полу, а другого — в кровавых повязках на медвежьей шкуре; даже от большой с побуревшей, сваливающейся белой шерстью собаки, которая не успела перед тем, как ее свалил сон, залить свои израненные лапы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«Здравствуй, Коля.

Долго тебе не писала. По правде говоря, не знала, как все тебе сказать. Собиралась с духом, откладывала. Как подумаю, что надо писать, так сердце стынет. Врать тебе, ты же знаешь, я не хочу, да и не умею. А правда моя ох как горька. Вот и тянула.

Сколько слез я пролила, всю душу выплакала. Вот и сейчас боюсь, что залью бумагу, обкапаю... Но я решила больше не плакать по тебе, а то с ума сойду. А мне ведь надо Светочку растить. Светочка ведь только недавно перестала спрашивать о тебе, а так все эти два года мучила меня: «Где папка? Где папка?» Сказать ей все, как есть, у меня язык не повернулся. Да и не поняла бы она. Добрые люди советуют: да скажи ей, что умер, она постепенно и свыкнется. А я не могу. Не умер же ты, хотя — словно умер. Ведь пятнадцать лет, Коля, сроку-то тебе. Прокурор мне так сказал в последний раз, что с такими статьями, как у тебя, раньше срока не выходят, отсидка полная, амнистии не подлежит. Исключения бывают, но очень редко. Нужно быть в заключении примерным и дисциплинированным и работать ударно. Когда я в последний раз добивалась разрешения съездить к тебе на свидание, мне опять отказали. Вот я тебе даже эти строчки списываю, как есть: «Поведение осужденного Н. А. Семерикова не заслуживает никакого поощрения». Что уж ты там, в колонии, вытворяешь, я не знаю, могу только догадываться, что злишься на весь свет, а может, и на себя, вот и ведешь себя плохо нарочно. Я же знаю: в такие моменты к тебе не подступишься ни злом, ни добром. Вот и получается, что сидеть тебе все 15 лет, если еще не накинута за характер твой жуткий.

Погубил себя, Николай. И меня погубил. Счастье мое украл.

И вот что решила я, Коленька. Писать я тебе больше не стану. Ни к чему это. Жалко мне тебя, и любовь еще не перегорела, но то, что ты сделал и за что осужден, дает мне право жить так, как надо, для того, чтобы моя жизнь на жизнь была похожа. Ждать тебя тринадцать лет я не буду — это же целый век бабий. Выращу Светочку сама. Может, скоро выйду замуж. Да! За мной ухаживает один добрый человек. Ты не подумай, я его еще не люблю, но он так хорошо относится ко мне и к Светочке, что я серьезно подумываю о том, чтобы выйти за него замуж. О тебе я ему ничего подробного не рассказывала, хотя он и знает, кто ты и что с тобой. Да он и не спрашивает. Да, забыла сказать, я все-таки ушла с фабрики, а то немоготу мне стало от людской жалости. Где теперь работаю — не скажу, ты уж не обижайся. Ни к чему теперь тебе это знать. Ну а уж если выйду замуж, то мы уедем из Тихорецка куда-нибудь в другое место и начнем со Светочкой все сначала. Свет велик. Все-таки хочется хоть немножко побыть счастливой. Я уж не говорю о том, что ты просто жестоко меня обманул. А я-то, дура, ни о чем не догадывалась сперва. Все это время даже. Вернее, что-то, я теперь припоминаю, тревожило меня. Какие-то твои секреты, отмалчивания, исчезновения. Ты говорил, чтобы я была

спокойна, что все делаешь для нас, для семьи, для нашего счастья. Но, оказалось, какой ценой. И, вспомни, выпившим ты был совсем чужим и страшным. И бил-то меня за что? Меня! А я все терпела. Любила, дура... А ты прикидывался любящим, а любил только себя и свои страшные делишки. Признаю: ты здорово умел притворяться. Ты казался мне добрым, даже когда пьяным бил меня, а я-то, дура, думала — любит, мол, мучает тебя что-то еще. Я, как ты, надеюсь, веришь, простила тебя, твои прежние судимости и даже ни единым попреком не вспомнила о них, только сказала один раз, что если с этим покончено, то я буду с тобой. А ты врал. Зачем? Значит, тебе нужно было это, а не нормальная человеческая жизнь.

Вот так. Всю эту правду я выстрадала, и ты, если ты считаешь себя не сумасшедшим, должен согласиться, что я права. А потому забудь о том, что мы существуем на свете. Не пиши нам больше, не кайся и не высылай денег — я их все равно буду отправлять обратно. Во-первых, деньги нам не нужны, я зарабатываю на двоих нас достаточно, а во-вторых, я не хочу, чтобы моя дочь, когда вырастет, стыдила меня тем, что я пользовалась подачками бандита.

Вот я и сказала тебе наконец все, что давно хотела и должна была сказать. Не знаю, как хватило сил. Но теперь, может быть, мне станет немного легче. Прошу тебя только, умоляю на коленях: забудь нас, не пиши, не разыскивай, не мсти ни в мыслях, ни в делах. Мы ни в чем перед тобой не виноваты. А я прощаю тебя, если, конечно, тебе нужно или что-нибудь даст мое прощение.

Прощай. Елена.

Р. S. На днях получила письмо от твоих родителей. Зовут нас со Светочкой погостить к ним, в Астрахань. Я им ответила, что это невозможно, хотя они, может, и не заслуживают такой обиды.

Елена».

Кильтырой проснулся резко, как от толчка. До утра было еще далеко. Спать бы да спать. Дать отдых измученному телу и разгоряченному сердцу. Но сон отлетел напрочь.

В зимовье тепло, печь протопилась хорошо и еще держала жар; в углях, покрытых серым пеплом, краснели глубокие очажки огня, синее пламя мотыльками порхало то тут, то там, и, когда Кильтырой подкормил его сухими дровами, жадно схватило их и стало пожирать. Так голодный зверь набрасывается на свою жертву. Печь ожила, высветила внутренность избы. Пулька, хромая на все лапы, перебралась к порогу и улеглась там, на прохладном сквознячке. А Кильтырой поставил греть воду в котле, чайник и кастрюлю с последним, недоеденным ужином. На столе не убрано. Пустая бутылка спирта, миски с остатками пищи, зачерствелый, покоробившийся хлеб, кружки, рассыпанная горстка сахара, обгрызенные кости, подсохнувшие лужицы заварки и жира — все это расстроило Кильтырою, уважавшего чистоту и порядок жилища. «Ишь, грязи-то навалили, прибрать не могли», — подумал он и тут же скорбно улыбнулся себе: «Нашел о чем горевать...» Кильтырой зажег керосиновую лампу и, подняв ее над головой, подошел к нарам. Накло-

нившись над раненым, он наткнулся на взгляд воспаленных глаз Семерки, но тут же понял, что это взгляд ниоткуда: широко раскрытые зрачки человека смотрели как будто сквозь него.

Семерка был без сознания, как и прежде.

— Худо, однако, парень.

Тем не менее старик, быстро подкрепившись, начал действовать. Прежде всего он влил лежавшему в рот, с трудом разжав его зубы, добрые полкружки разбавленного спирта (запасец-то у него все же сохранился), потом раздел его и притянул туловище к нарам ремнями, затем освободил правую ногу от шины, промыл вокруг раны спиртовым раствором. Убедившись, что Семерка не чувствует боли, Кильтырой стал готовить кривую иглу — прокалил ее в углях и протер спиртом. Достал из вороха на полке жгуты оленьих жил и продезинфицировал их тоже.

Он умел сшивать раны и человеку, и животному и не боялся, что не справится с этим хирургическим приемом. Больше всего он опасался того, что Семерка, потерявший много крови, не выдержит — лицо его почернело, нос заострился, глаза ввалились. Раненый дышал отрывисто и часто, сердце его трепетало, отдаваясь в руках Кильтыроя неровным пульсом.

Охотник врачевал, не замечая времени. Он спешил закончить все, что считал нужным сделать, до того времени, когда раненый не очнется и когда будет трудно довести дело до конца. Но Семерка в себя не приходил. Более того, через какое-то время Кильтырой ощутил жар, исходивший от тела раненого, который к тому же стал метаться, скрежетать зубами; порой из его пересохшего горла вырывались хриплые звуки, в которых едва угадывались слова. И Кильтырой понял, что началось самое худшее, чего он боялся, — бредовая горячка. Воспаление легких.

Бай, бай,
Бой, бай.
Дитя мое, спи,
Хороший будешь человек,
Вот баюкаю:
Бай, бай, засыпай,
Баю, баю, малютка.
Немножечко поспи.
Скоро твой отец придет.
Он тебе зверя добыл,
Он принес тебе костный мозг.
А ну, не плачь-ка.
Вот баюкаю:
Бай, бай, засыпай,
Бой, бой, засыпай.
Немножечко поспи...

Если бы какой человек набрел в этот вечерний час на берег таежной Мульмуги, где стояло занесенное по самое окно зимовье, и заглянул бы внутрь, то такой человек очень бы удивился. В жарко натопленной избе он увидел бы двух людей: одно-

го — лежащего на нарах, без сознания, укрытого тулупом; другого — сидящего возле первого и поющего по-эвенкийски колыбельную. Большая белая собака шурилась от тепла и внимательно, как показало бы, слушала песню старика.

Нелепой могла бы показаться кому-либо колыбельная не над люлькой, а над ложем взрослого, к тому же тяжело больного человека. Кошунством посчитал бы этот кто-либо слова ласковой песни, адресованной беглому грабителю и убийце, рецидивисту. Но Кильтырой не знал, какую еще можно спеть песню. Он пел то, что пела его душа, что он слышал чаще всего от матери своей, сестер и дочек, качивавших беспомощных и таких милых его сердцу младенцев.

Иногда он прерывал пение, чтобы поправить мокрую тряпку на горячем лбу раненого или напоить того крепким бульоном с глотком спирта... Иногда пение замолкало, так как Кильтырой сламывала дремота. Но, очнувшись, он продолжал свою колыбельную. И ему казалось, что Семерка, словно действительно поддавшись баюканию, успокаивался: его лицо светлело, дыхание выравнивалось.

Следующим утром Кильтырой проснулся так же рано, накормил Пульку и тофаларца, растопил печь и вновь занялся своей главной заботой. Он обратил внимание на то, что раны человека стали спекаться, покрываться рубцами черной корочки. Кильтырой приложил к ним мясо рябчика и прикрыл пластырем из беличьих шкурок — так всегда лечили его предки. Но брала свое горячка: жар не спадал, временами больного сводили судороги кашля. Накормить его не было никакой возможности. Вода — другое дело. Семерка пил ее много, но губы мгновенно высыхали. Кильтырой вливал в него бульон, настой из медвежьей печени и травы чукаhte или листьев багульника. Кильтырой даже не сомневался в правильности своих действий, той самой правильности, веру в которую дает многолетний таежный опыт. А еще он отчетливо сознавал, что, пока довезешь больного до Урокана, лечить уже будет некого. Была и еще одна причина, достаточно веская, чтобы не ехать в Урокан. Причину эту Кильтырой не смог бы объяснить, если бы о ней спросили, но она была, и скорее подсознательная, чем осознанная им.

Третью ночь Кильтырой спал урывками, не отходя от ложа больного. Ему временами начинало казаться, что усилия его напрасны: Семерка то горел нестерпимым жаром, то его охватывала зябкая дрожь, и все лицо и тело покрывал холодный крупный пот. Он так скрипел зубами, что даже Пулька вскидывала голову и настораживала уши.

К утру, однако, сил у Семерки не осталось даже на стоны, и он затих. Как Кильтырой ни пытался скормить ему хотя бы бульон, это оказалось невозможным. Даже пот не проступал больше на его лице, и лишь слабое биение сердца да едва угадываемый через щетину горячий румянец щеки говорили о том, что жизнь еще теплилась в израненном и изломанном болезнью теле. Кильтырой, осторожно поворачивая Семерку, постелил ему сухое тряпье, заменив окровавленную и загрязнившуюся за трое суток подстилку, и стал ждать. Больше ему пока

ничего не оставалось делать. Он снова, сидя у изголовья полумертвого человека, принялся напевать ему свою бесконечную колыбельную:

О-о, бай, бай,
Мой мальчишка, засыпай.
Я пойду на Брянту,
Тебе рыбку принесу.
Ты вырастешь,
Станешь охотником
Или доктором.
Станешь колхозу помогать...

— Что ты наделал, старик... Зачем ты это сделал?..

Голос прозвучал тихо-тихо, сипло-сипло, но для Кильтыроя он раздался все равно что внезапный выстрел в тиши, настолько свyksя с мыслью, что уже не услышит этого человека.

— Зачем ты это сделал? — повторил Семерка.

В зимовье потемнело. Струи снега хлестали по окну и крыше. Начиналась пурга.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Уже которые сутки на необозримых пространствах тайги и лесотундры хозяйничала январская пурга. Всегда она бедственна для всего живого — для дерева ли, для оленя, для человека; но нынешняя словно осатанела. Она не знала ни покоя, ни жалости. Казалось, она вообще никогда не начиналась, а бушевала вечно и потому никогда не кончится, как будто весь мир, вся земля и созданы были для того, чтобы быть отданными ей, неумейной, холодной-холодной белой пурге.

Подполковник Паршин нервничал и уже не мог скрыть этого. Он был не в состоянии сдержать своего нетерпения и более того — ярости от собственного бессилия, от того, что погода нарушила весь сравнительно стройный ход дел. Он злился, и ничего не мог поделать с собой, и поэтому злился еще больше. Раздражали его даже позывные рации, которые, впрочем, он назначил сам.

— «Каштан», «Каштан»... — временами хрипело в приемнике.

— Я — «Каштан», — мгновенно отвечал штабной радист.

— Ну что у вас там? — каждый раз, выхватив микрофон, нетерпеливо спрашивал Паршин.

— «Каштан», я — «Каштан-три», я — «Каштан-три». Как слышите? Прием.

— Слышу вас хорошо. Что у вас «Каштан-три»?

— Координаты те же: квадрат ?0-Г.

Паршин искал на карте третий, или четвертый, или любой другой из его восьми «Каштанов», швырял на стол красный карандаш и начинал мерить большую штабную комнату своими крупными шагами в ожидании следующего вызова. Иногда он подходил к окну и долго вглядывался в непроницаемую серую мглу за стеклами.

Вошли капитан Игнатенко и заместитель Паршина майор Гульчак.

— Александр Петрович, — обратился не по-уставному Гульчак, — идите, пожалуйста, отдыхать. Вас разбудят, если будут новости.

— А если не будут, мне что — так и дрыхнуть? — раздраженно ответил Паршин.

— Ну что вы самом деле, Александр Петрович! Нельзя же так. Ведь ничего не поделаешь — пурга, какой свет не видел. Стихийное бедствие.

— Черт бы ее побрал! Сколько она может продолжаться!

— Когда-нибудь кончится, товарищ подполковник.

— Ну конечно. Вам бы, капитан, лишь бы не летать. «Когда-нибудь кончится»...

— Напрасно вы, товарищ подполковник, на меня обижае-тесь, — как можно спокойнее ответил пилот. — На сегодня сно-ва запрет, и не от нас с вами зависит, отменять его или не от-менять.

Игнатенко протянул Паршину листок с метеосводкой, но тот лишь отмахнулся.

Все — и капитан Игнатенко, и майор Гульчак, и офицеры-опе-ративники, и сменные радисты, и любой в штабе — понимали своего командира, сочувствовали ему. Каждый вместе с Пар-шиным представлял, как, разбросанные по тайге, томятся в па-латках, возле замерзших вездеходов поисковые группы, вынуж-денные пережить пургу. А куда и как идти, когда ветер ва-лит с ног, когда ничего не видно за несколько шагов, когда снег наметает под гусеницы сугробы? Где, как и кого искать?

— Но ведь и они никуда не денутся в такую бурю, Алек-сандр Петрович...

— А вот этого наверняка я знать не могу.

Когда наконец пурга кончилась, Кильтырой залез на чердак, открыл запасной выход, выбросил в проем широкую деревян-ную лопату и спрыгнул вниз сам, пробив снег по пояс.

Прежде всего охотник наведаль тофаларца, который безболез-ненно перенес непогоду: сушеного ягеля в загоне хватало. Киль-тырой приветливо потрепал холку своего любимца. Олень в от-вет лизнул горячим языком руку хозяина.

— Худо олешкам в тайге, — сказал ему Кильтырой.

Все эти дни его беспокоила судьба застигнутых многодневной пургой оленьих стад, которым просто некуда было перекочевать, чтобы свободно копытить корм. Кильтырой-то знал, каких неимо-верных усилий стоит оленеводам сберечь их. А свободные олени? Тем и помочь в такую страшную непогоду некому. Наст при таком ветре, несущем снежную крупу, твердел, как дерево, и олени разбивали в кровь копыта и рога, пытаясь докопаться до ягеля. Повезет тем, кто прибьется на время к своим домашним собратьям. А охотники? Что, если кто не успел добраться до зи-мовья, до пещеры, до какого-нибудь более-менее надежного укрытия? Молодец медведь, который ложится на зиму спать, устроившись в берлоге.

Пришлось изрядно повозиться, прежде чем удалось прокопать траншею до двери. Кильтырой взмок до нитки и не рискнул раздеться на воздухе, чтобы посидеть под кажущимся теплым

солнышком и спокойно покурить. Одежду он скинул, как только вошел в зимовье. Подвесил исподнее на печной веревке, трижды вытерся досуха и затем переделся в сменную пару белья.

Внутренность избы освещалась печным огнем и керосинкой. Окно было засыпано снегом полностью. «Передохну маленько и отрою», — решил Кильтырой. Но передохнуть не дал Семерка, которого вдруг стало рвать, и старик поспешил ему на помощь.

— Что ты улыбаешься? — совсем беззлобно спросил Семериков, когда приступ прошел и Кильтырой вытер его и напоил. — Отравить меня хотел?

— Зачем травить?

Кильтырой был доволен: то, что Семерку вырвало, говорило о том, что его лекарство наконец действовало. Последние три дня он давал больному пить самое ценное свое снадобье. Названия его охотник не знал, но хорошо, еще в молодости, усвоил рецепт, хранившийся в памяти рода. Надо было убить осенью взрослого тарбагана, натопить из него миску чистого жира, настоять этот жир на желчном пузыре того же животного и на горсти синих цветков, вырастающих в июле и корни которого любит тарбаган... Две бутылки этой смеси было припрятано Кильтыроем в зимовье. Одну из них он начисто споел Семерке, который сейчас, как и велит тарбаганья настойка, должен очень захотеть есть.

— Вот черт! — выругался Семериков.

— Пошто черта поминаешь? — равнодушным тоном спросил Кильтырой.

— Глупость какая-то получается. Подыхаю, а жрать вдруг захотел, как собака.

При слове «собака» Пулька, лежавшая у порога, подняла голову и, навести уши, наклонила ее набок.

Накормив Семерикова, держа ему миску, — тот впервые ел сам, обжигаясь, расплескивая дрожащей рукой похлебку, — Кильтырой пошел отрывать окно. Пулька с визгом вылетела вслед за ним на воздух.

Сморенный сытой едой, Семериков уснул.

Сон его не был, однако, спокойным. Все дни и ночи, пока Семериков находился между жизнью и смертью, его преследовали кошмары. Когда он приходил в себя, удивлялся тому лишь, что во сне или в бреду эти жуткие видения пугали его, приводили в ужас, хотя мало чем отличались от той правды, от той яви, что составляли его жизнь. Вот и сейчас, стоило уснуть, как воскресли в цвете и звуке, зашевелились осязаемые картины воспоминаний. Он, как это бывает в такие моменты со всеми, силился проснуться, отогнать от себя видения. И не мог. Не получалось. И его мучения длились, как ему казалось, бесконечно, словно издеваясь над его сопротивляющимся такому насилию разумом, над устывшей, больной душой, над едва живой плотью. Самым странным было то, что он действительно чувствовал: все происходящее — сон. Он был участником всего,

находясь внутри событий и в то же время наблюдая себя как бы со стороны. Часто одни и те же образы, эпизоды, лица повторялись, повторялись, повторялись... И так без конца. И все это становилось таким невыносимым, что Семериков желал себе смерти. И когда он по-настоящему очнулся в первый раз после беспамьяства, переход из полунебытия в реальный мир поразил и расстроил его. Тогда-то он и произнес, увидя Кильтыроя: «Что ты наделал, старик... Зачем ты это сделал?»

Сейчас ему снилось последнее письмо Елены, полученное им в колонии. О, это было говорящее письмо! Письмо, которое разговаривало с ним дрожащими губами жены. Он затыкал уши, отчаянно вертел головой, отворачиваясь от уже забываемого голоса и испепеляющих гневом и одновременно испуганных глаз когда-то любящей его женщины. Он кричал в эти глаза: «Довольно! Хватит! Я знаю наизусть каждую строчку, каждое слово твоего письма! Перестань! Я больше не могу! Разорви письмо! Разорви! Разорви!..»

— Разорви! Разорви! — кричал Семерка и бился головой об обнажившиеся нары.

Кильтырой одной рукой приподнял его голову, другой — подsunул под нее оленью ровдугу, заменявшую подушку, и несколько секунд удерживал Семерку, пока тот не затих.

— А-а... — выдохнул Семериков. — Это опять ты...

— Кому ж быть-то, однако?.. Ты лежи, лежи. А я подле посижу, не то ты себе башку раздолбишь.

— Черт с ней, с башкой... Пить.

Приподнявшись на правом локте, Семериков напился из протянутой ему кружки. Старик тем временем запалил трубку.

— Дай подымить, дед.

Кильтырой немного помедлил, вынул изо рта мундштук, отер его о штаны и подал Семерке, который глубоко и с нетерпением затянулся и, закашлявшись, откинулся на изголовье.

— Э-э... Однако, маленько рано тебе курить, парень.

— Надо же, рано... Чего-то еще рано... Поздно уж все, дядя. А ты — рано...

Кильтырой вдруг охнул и схватился за голову. Все эти дни она не то чтобы не болела, а, гулякая как бочка, раздражала ощущением свернувшегося в ней и дремлющего клубка, который теперь вот проснулся и распрямился, ударив в виски, и затылок, и даже в шею. Левое ухо словно проткнуло шомполом. Кильтырой почувствовал, что из него опять полилось горячее.

Семериков внимательно смотрел на охотника и, когда тот оторвал наконец руки от головы и уставился на испачканную левую ладонь, спросил:

— Что, больно, дядя?

Кильтырой, не ответив, поднялся с нар, полил из чайника на руку, ополоснул лицо и голову, отерся.

— А где... Слоник? — тихо спросил Семериков. — А? Слоник где? С ним что?

— У него, однако, нигде не болит...

— То есть?

— Твоего Слоника серые загрызли.

— А как же я?.. Как я уцелел?

— Видать, бог не велел...
— Ну ты скажешь тоже: бог...
— Ну — черт.
— Вот это верней... Я вот только одного никак не пойму: зачем ты меня спас? Для чего?

— Однако больно много говоришь. Маленько молчи. Худой ты, однако. Хворь из тебя еще не вышла. Не гневи ее, не то осерчает.

— Да плевать... Мне все равно: чем хуже — тем лучше. — И помолчав, Семериков снова спросил: — Нет, ты мне скажи, зачем спас меня. Не понимаю.

— Убивать хотел, однако, — без всякой интонации сказал охотник.

— Ну и что же не убил? Мы же тебя ограбили...

— Было, однако.

— «Было, однако»... Избили.

— Избили.

— Могли и пришить.

— Чего?

— Ну, убить, значит...

— Могли, да не убили.

— И что же ты теперь со мной собираешься делать?

— Лечить стану.

— Не пойму... — стал раздражаться Семериков. — Не понимаю!

— Лечить, однако, стану, — повторил монотонно Кильтырой.

— А если я сбегу?

Кильтырой поцокал языком, подошел к двери, распахнул ее:

— Беги.

— Ну ты умник, дядя! Куда же я сейчас? Нет, вот когда поправлюсь.

— Как пойдешь один по тайге зимой? Без оленей.

— Вот то-то и оно-то... Так нечего благородного из себя ставить, хрен старый! — Все больше распаляясь, Семериков стал срываться на крик и попробовал подняться. — И не подходи ко мне больше!

На этих словах силы оставили Семерикова, и он повалился на нары, заскрипев зубами от боли. Сознание вновь покинуло его.

Кильтырой наклонился над раненым, убедился, что он дышит, и накрыл его полушубком.

— Дед, а дед?

С утра Кильтырой возился у печи.

— Ты это... не бери в голову. Мне в самом деле лучше было умереть. Ты вот спас меня, а подумал, как я буду жить? Чем? Для чего? Мне же все равно крышка теперь...

Со стороны нар послышалось kloкочущее рыдание. Семериков лежал, сотрясаемый им, теребя полушубок побелевшими от напряжения пальцами.

— Выпей.

Кильтырой влил Семерикову настойку из стланика. Настойка свое взяла. Через несколько минут он успокоился, хотя слезы

еще долго не высыхали в его глазах, устремленных взглядом в потолок. Наконец Семериков, морщась, вздохнул глубоко и безнадежно и спросил:

— Дядя Сеня, сколько я валялся без сознания?

— Однако семидневка будет.

Семериков шипяще присвистнул:

— Вот это да... Как же я не подохо?.. Ты знаешь, я тебя спросить хотел вот еще о чем. Мне иногда казалось... да нет, я слышал точно... Точно, слышал. Кто-то как будто пел мне. Вот именно мне. Я ничего не разобрал. По-вашему вроде пели. Как будто женщина... Такие песни были... Ну как это... Странные какие-то. Ну хорошие, что ли, я даже не знаю. Даже вот здесь, — он положил руку на грудь, — отходило. Кто это был, а?

— Никого не было тут. Никто не пел.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— «Каштан», «Каштан», я — «Каштан-пять», я — «Каштан-пять». Как слышите? Прием.

По тому, как были произнесены позывные — торопливо и громко, майор Гульчак понял, что у пятого есть новости. Он схватил микрофон и переключился на передачу:

— Я — «Каштан». Слышу вас, слышу. Докладывайте!

— «Каштан»! «Каштан»! В квадрате 24-В обнаружены части тела, оружие и предметы, принадлежащие объектам розыска. Повторяю. В квадрате...

Гульчак не стал дослушивать, передал микрофон радисту и бросился в кабинет Паршина:

— Товарищ подполковник! Пятый радирует: обнаружены предметы и оружие, принадлежащие крестникам. И еще что-то про части тела.

— Что что-то?

— Не разобрал... Вернее, не стал дослушивать, решил вам доложить. Пятый на связи.

Когда Паршин вошел в штабную комнату, он увидел с десяток сослуживцев, сгрудившихся у передатчика.

— Передайте пятому — не отключаться, — сказал Паршин и повел пальцем по карте, отыскивая нужный квадрат. — Где капитан Игнатенко?

— Отдыхает, товарищ подполковник, — сказал дежурный офицер. — Будите?

— Будите. Пусть готовит машину. Как с прогнозом?

— Только что звонили синоптики. Вот телефонограмма. По моему, погода устойчивая.

— Хорошо. Будите Игнатенко.

— Слушаюсь.

Дежурный вышел, и только после этого Паршин подошел к рации.

— Пятый! Здесь «Каштан». Как слышите?

Сквозь треск и радиопомехи донесся голос:

— Слышу неважно. Связь ухудшается. Вылетайте быстрее, товарищ подполковник!

— Уже готовимся, лейтенант. Доложите обстановку подробнее.

— Здесь, по всему, на нарушителей напали волки. Семериков и Акимычев отстреливались. Обнаружены изуродованные останки... Виноват, обнаружены части тела одного из них. Предварительной идентификацией установлено, что это Акимычев.

— А Семериков?

— Тела не обнаружено.

— Обеспечьте охрану места происшествия. Вылетаем через полчаса... Впрочем, нет — через пятнадцать минут.

— А вот еще загадка...

— Да ты уморил меня, дядя Семен. Все равно не угадаю.

— А ты потужься... Ну вот: большая шкура — вся в дырках. Что такое?

— Черт ее знает!

— Ну подумай.

— Не знаю.

— Эх, ты... Это звезды на небе.

— А похоже...

— А вот еще...

— Да отстань ты, дед! Спать хочу.

— Нельзя тебе спать.

Кильтырой час назад спойл Семерикову отвар, который должен был встряхнуть больного или раненого человека, укрепить его дух и придать силы. Лекарство это применялось тогда, когда необходимо было поддержать желание выжить, но целебное действие его могло произойти лишь при том условии, если принявший его какое-то время не заснет. Семериков, привыкший уже безропотно подчиняться своему лекарю, ничего не мог с собой поделать: веки его слипались, мысли путались, самым желанным сейчас казался именно сон.

— Однако, как тебя звать-то? Сколько дней вместе, а мне недосуг спросить?

— А! Какая разница... Колькой зовут.

— Ты, Колька, давай не спи.

Кильтырой потормошил Семерикова и, видимо, сделал тому больно, так как он вскрикнул.

— Ну-ну, Колька, ненароком я. Ты не спи... Слушай загадку.

— Вот черт какой! Ну давай твою дурацкую загадку!

— Кто на хвосте уголок тащит?

— Самолет?

— Нет. Горностай... Но и на самолет, однако, похоже.

— Что ж я, по-твоему, идиот?

— Молодец, паря... Ну а это: седой старичок век живет.

— Это ты, — засмеялся Семериков. Захихикал и Кильтырой.

— Больно ты хитрый. Думать не хочешь — угадать хочешь... Это Байкал.

— Но и на тебя похоже: век живет... седой старичок...

Кильтырой не унимался. Вспоминая очередную загадку, он чесал свою жиденькую бороденку, щурил глаза и шевелил губами.

— Все, что ли? — спросил в очередную паузу Семериков. — Все загадки?

— Не все, однако... Много-много у эвенков загадок. На всяк случай. Раньше они нам книжки заменяли... А! Вот вспомнил: отчего у глухаря глаза красные?

— Ну, отчего?

— Много плакал, вот отчего.

— А я думал, в сортир хочет.

И снова засмеялся Семериков, и захихикал Кильтырой.

— Ну, а эта: не кабарга, а по скале ползет, не медведь, а по тайге ходит, не собака, а землю нюхает?

— Мильтон! — Семерикова стала забавлять ситуация, когда можно было искать в угадывании двойной смысл. Он даже про сон забыл.

— Нет, это геолог, — серьезно поправил Кильтырой. — Зачем, однако, милиционеру по скале ползать, землю нюхать?

— Эх, дядя Семен. Мой ответ — в самую точку. Хотя бы нас со Слоником искать.

С обоих слетело веселье. Помолчали, каждый думал о своем, о недавнем.

— Все спросить тебя хотел, Колька, — заговорил Кильтырой.

— Ну?

— Пошто вором стал? Зачем людей губил?

— Не надо, дядя Семен. Не спрашивай хоть ты меня. Не могу я тебе на этот вопрос ответить.

— А себе? Можешь?

— И себе не могу... Не знаю. Вообще-то знаю... Какой-то черт во мне сидит. Все думал, особенный я, не такой, как все. А сейчас-то точно знаю: работать не хотел, лямку тянуть. Хотелось побыстрее да побольше. Ну и... Один раз сел, другой... А там уж понесло. Да еще поддать любил...

Семериков говорил, не глядя на старика. Казалось, он вообще ни к кому не обращался неожиданным даже для себя монологом. Кильтырой слушал его, не перебивал, молча кивая головой в такт его словам.

— В последний раз вышел, когда девушку встретил. Понимаешь, дед, девушку! Не шмару, не телку — девушку, которая — надо же — меня, шпану, в общем-то, полюбила. И я ее полюбил. Поженились мы. Дочка родилась... Эх, ну и гад же я, дядя Семен! Стрелять таких, как я, надо и фамилии не спрашивать!

Семериков вдруг зарычал и стал биться головой о нары. Кильтырою стоило большого труда успокоить его. Пулька заскулила, но старик махнул на нее, заставив замолчать. Семерка заснул. Теперь ему можно было спать, но Кильтырой не испытывал удовлетворения. Он сидел рядом с преступником, смотрел в его искаженное страданиями лицо и думал. Думал о жене и дочери этого человека, живущих где-то далеко отсюда и ничего не знающих о том, что произошло. Он думал о своих сыновьях и о сыновьях своих сыновей. А еще он думал о том, что опять разболтался: зачем его дернуло задать Кольке такой дурацкий вопрос? И почему-то вместе со всеми этими думами вертелась в его памяти загадка, которую он не успел загадать Семерикову: «нашего дружка в чужие страны увозят...» Вообще-то это соболь, но что бы ответил Колька?

«Ладно, — решил старик. — Загадаю завтра».

— Накось выпей вчерашнего, — сказал утром Кильтырой, протягивая Семерикову чашку с отваром.

— Да ну его...

— Зачем — да ну?

— Опять загадки будешь загадывать — так я выпался.

— Вот и ладно. Не полегчало сердце-то?

— А черт его знает.

Пулька вздрогнула всем телом и, вскинув голову, наострила уши.

— Чего это она? — спросил Семериков, приподнявшись на локтях.

— Кого-то ждет. Вишь, слушает?

— Так ничего же не слышать...

— Это нам не слышать, а ей, однако, о-ей-ей даже как слышать. — Кильтырой подошел к собаке, наклонился: — Ну что там, Пулька? Кого бог несет?

Пулька вскочила, подбежала к дверям, нюхая щелку и виляя хвостом. Тут и люди услышали вдалеке едва уловимый стрекот вертолета.

Семериков занервничал, попробовал сесть. Кильтырой погрозил ему пальцем:

— Ты лежи, однако, паря. Не дури. Пойду выйду. Гляну.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Семериков быстро возвратившегося охотника.

— К Мачехину порогу полетели.

— Все! Крышка!

— Какая такая крышка?

— Да что ты притворяешься, старик?

Кильтырою и в самом деле притворяться не было никакой нужды, ему тоже все стало ясно, и он с нескрываемой жалостью посмотрел на Семерикова.

— Ну что ты уставился на меня! — закричал тот. — Доволен? Они оттуда напрямик сюда рванут. Как пить дать.

От вертолета к зимовью быстрым шагом двигалась группа военных. Среди них Кильтырой заметил подполковника Паршина и Силантия Увачана. Старик поджидал гостей, покуривая трубку.

— Здравствуйте, Семен Никифорович, — протянул большую ладонь офицер.

— Здравствуй, здравствуй.

— Мы сразу поняли, что они у тебя, дядя Семен, побывали, — пояснил Увачан. — Я Кайрана узнал и вещи твои.

— Да-да... Однако были у меня, были, — согласился Кильтырой.

— Понимаете, Семен Никифорович, они погибли. Один-то уж точно. На них напали волки... Но обнаружили мы лишь тело Акимычева. А вот второй, Семериков... Как вы думаете, Семен Никифорович, куда мог деться человек после такого дела?

Старик молчал, хитровато щурясь.

— Дядя Семен, понимаешь?.. Там, на месте, кое-что выяснилось. Ну, например, то, что Семериков был тоже ранен. Возможно, тяжело. Но он исчез, хотя сам передвигаться наверняка не мог. Пропал человек, и все. Нету его следов. Только есть следы твоих нарт и твоего учуга.

— Подождите, лейтенант, — остановил Увачана Паршин. —

Понимаете, уважаемый Семен Никифорович, нам обязательно нужно знать, где тело Семерикова. Без этого мы не можем объявить о прекращении поисков.

— Дядя Семен! — нетерпеливо обратился к старику участковый.

— Слышу, Силантий. Да токмо... живой он.

В этот момент скрипнула дверь. Все обернулись на звук и увидели сначала валенки, а затем и целиком человека — заросшего, с горящими глазами. Силантий схватился за кобуру.

— Отставить, лейтенант! — остановил его Паршин.

Кильтырой продолжал молча дымить трубкой.

Паршин, заметив, что незнакомец вот-вот упадет, приказал двум солдатам:

— Помогите ему.

— Не надо, — хрипло выговорил тот. — Гражданин начальник, я Семериков. Сдаюсь. Оружия при себе не имею. Гражданин начальник, у меня заявление.

— Слушаю.

— Этот гражданин, — Семерка кивнул в сторону старика, — не стал совершать надо мной самосуда, а оказал медицинскую помощь... Дядя Семен, спасибо тебе. Мы уж больше не увидимся. Только скажи, сколько стоят шкурки, которые мы у тебя взяли, и олени...

Кильтырой молчал.

— Ах, ты, ворюга! Сколько! — не выдержал Увачан. — Тебе таких денег честным трудом вовек не заработать!..

— Товарищ Увачан! — прервал его Паршин. — Спокойнее.

— Ничего, дядя Семен, — сказал Семериков. — Я тебе по частям верну. Вот только бы знать, сколько...

— Это решит суд — сколько, — вмешался Паршин.

Кильтырой подошел к Семерке:

— Однако ты совсем дурак, Колька...

По щекам старого охотника стекали слезы.

Александр ТЕСЛЕНКО

ИСКРИВЛЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Фантастическая повесть

1

С самого утра у Антона Сухова было такое просветленное настроение. Радостный он приехал в клинику, искусно и быстро прооперировал. Операция была сложной, но прошла удачно.

Из клиники Антон вышел не спеша и с удовольствием выша-

Художник Юрий МАКАРОВ

гивал по тротуару вдоль магистрали, под золотисто-багряными осенними кленами. Солнце светило всю после дождей, ливших непрерывно три дня. Сухов, сам того не замечая, улыбался, радуясь ясному дню. Легкий ветерок перебирал его шевелюру с проседью. Домой идти не хотелось.

«Вероники еще нет дома». Мысли о жене врывались сами собой.

Когда-то он искренне любил ее. По-настоящему. Это теперь приходится спрашивать себя, что такое — любить по-настоящему?

— Ах, звезды-звезды, вечно вам сиять... — слышался за спиной знакомый мотив. Сухов обернулся, так и есть. Его догонял анестезиолог Митрофан Степанюк, — ...и одарять кого-то счастьем... Славный денек выдался, Антон. А?

— Осенний подарок галерным.

Между собой они называли друг друга галерными. Тяжело работать в клинике, знаменитой на всю планету. Зато не стыдно и сказать, где ты работаешь. Даже порисоваться, щегольнуть этим приятно. Трудно, но зато чувствуешь себя на переднем крае научного поиска.

— Возьмем машину?

— Торопишься? — спросил Антон.

— Нет. Но в такой день грешно терять время. Просто не верится, настолько великолепна погода. Приеду домой, а окна залиты солнцем. Заберу дочурку из садика. Томка сейчас потешная. А там и жена придет...

Шагал Степанюк (был он крепким здоровяком) неуклюже, как казалось со стороны. Но Антон едва успевал за ним.

— Ну, берем машину? Или я вызову одноместную?

Вместо ответа Сухов остановился у ближайшего пульта магистрального селектора и нажал зеленую клавишу.

Машина остановилась возле них минуты через три. Открылась дверца голубого геликоптера. Митрофан пропустил Антона:

— Садись, тебе дальше ехать, а я в центре сойду.

Они назвали адреса, и машина тронулась с места.

— Мы с тобой завтра не вместе работаем?

— Мог бы не напоминать про завтра, — раздраженно, но с улыбкой сказал Степанюк. — Завтра у меня Гирзанич оперирует...

Женщину с ребенком Антон заметил издалека. Почему-то припомнились ему маленький Витасик и Вероника... Как они с нею тогда были счастливы! Родовались каждому пустяку, как дети. Почему, как все улетучилось? Случались и раньше несогласия с Вероникой, даже ссоры, но Антон не сомневался — это лишь недоразумения. Прежде он не представлял себе жизни без Вероники. И в ее глазах видел отражение настоящей любви. Теперь же он начал думать, что все это ему прежде казалось. Но ведь ничто не исчезает бесследно. Какой-то шутник утверждал: если в душе поселилась ненависть, значит, были когда-то и зерна любви. Но сейчас даже ненависти в душе не чувствовал Антон.

— Остановимся... — неожиданно для самого себя приказал Сухов геликоптеру. — Подвезем женщину...

Степанюк недовольно пробурчал:

— Я тебя понимаю, красивая женщина, но ей куда ехать не нужно. Напрасно ты рыцарствуешь. Она гуляет с ребенком.

— Ты видишь, поблизости нет пульта магистрального селектора...

Женщина держала ребенка на руках. Стройная, в легком зеленоватом плаще, и сама словно сотканная из цветного воздуха, женщина стояла спокойно, неподвижно, но в то же время ощущались ее напряжение, волнение.

Машина остановилась метрах в десяти от нее. Сухов выглянул из салона и крикнул:

— Вас подвезти?

Женщина будто не слышала. Потом медленно обернулась, посмотрела на Сухова настороженно и боязливо, но сразу ответила громко:

— Да, безусловно. Большое спасибо, — приветливо улыбнулась (именно приветливо, но не благодарно, отметил про себя Антон) и уверенно направилась к машине.

Ребенок почему-то вдруг расплакался. Голос у него оказался неприятный, дребезжащий. Сухов подвинулся, и женщина села рядом.

— Тихо, Серафимчик! Тихо. Замолчи!

Пола ее плаща легла на колено Антона, а длинный золотистый локон, упав на плечо, щекотал ухо.

Геликомобиль тронулся и набрал скорость.

— Куда вам ехать? — спросила машина.

Женщина окинула взглядом все вокруг, странно улыбнулась:

— Мне с вами по пути, — сказала уверенно, будто знала, куда едут Антон с Митрофаном. — Ну-ну, тихо, Серафим! Что это с тобой?

А мальчишка никак не унимался. Сквозь плач он что-то говорил, но невозможно было понять ни слова. Полненький, розовощекий, в голубом комбинезончике.

— Так куда вам ехать? — снова спросил геликомобиль.

— Я скажу, где остановиться, — ответила женщина.

А малец на руках у нее орал — в ушах звенело. Антон и Митрофан иронически переглянулись.

— Как тебя звать, мальчик? — спросил Сухов, перекрывая капризный рев малыша. — Ты умеешь уже говорить?

— Меня зовут Серафимом, — совсем спокойно произнес мальчик. — Вы же слышали, как меня называла мама, а спрашиваете... — И заревел с новой силой.

— Сколько ему?

— Два, — неуверенно ответила женщина.

— Такой симпатичный мальчик, а капризный... Ах ты, капризуля... — Антон взял мальчика за ушко и слегка подергал, имитируя умиление, хотя Серафим и его противный голос раздражали его. — Я таких вредных всегда забираю с собой. Видишь, какой у меня большой портфель? Я специально ношу его. Слышишь, Серафимчик?

— Слышу?! Да ты все равно не заберешь меня! — воскликнул малец и раскричался еще громче.

Женщина, извиняясь, посмотрела на Антона и с наигранной беззаботностью произнесла, отчеканивая каждое слово:

— Так вот, сейчас я отдам тебя дяде. Мне не нужен такой плохой, непослушный мальчик.

— Остановите, пожалуйста, я сейчас выхожу, — промолвил Митрофан. — До завтра, Антон. Желаю получше провести этот день. — Он многозначительно улыбнулся.

Степанюк вышел из машины, за ним мягко закрылась дверца. Геликомобиль помчался дальше, а малыш горланил, умолякая лишь для того, чтобы перевести дыхание.

— Забирайте его, — заявила женщина. — Раз не слушается, забирайте. — И как бы машинально положила ладонь Антону на колено. Сухов сам не понял почему, но ему вдруг стало жутко.

— Хорошо, я заберу его, — сказал он, преодолевая неприятное чувство. Взял мальчика к себе на колени, внутренне приготовившись к дикому крику. Но Серафим спокойно перебрался к Антону, не изменив тональности своего плаксивого воя.

— Вот так, Серафимчик, — заявила женщина. — Ты не слушался меня, живи теперь с чужим дядей. Остановите, пожалуйста.

Геликомобиль покорно затормозил.

Антон Сухов не успел и опомниться, как золотоволосая женщина выскочила из машины и пошла по тротуару.

А Серафим моментально замолчал и облегченно вздохнул, заявив совершенно спокойно, не по-детски рассудительно:

— Ну, наконец-то...

Сухов никак не ожидал такого поворота событий. Он пытался скрыть свою растерянность и беспомощность.

— Тебе совсем не жаль расставаться с мамой?

Мальчик посмотрел на него сосредоточенно и многозначительно.

— Сейчас мы тоже выйдем, — громко произнес Сухов.

— Вас понял, — ответил геликомобиль. — Желаю всего доброго.

Сухов с ребенком на руках вышел из салона и осмотрелся вокруг. Женщина в зеленом исчезла, как растворилась. Но не приснилась же ему... Мальчуган-то вот он, приснившимся его не назовешь...

— Поставьте меня на землю! — властно приказал малыш. — Я умею ходить не хуже вас.

— Так что же нам делать? — произнес Сухов. — У тебя, малец, как бы это сказать... У тебя не очень-то разумная мамочка...

— Нормальная мама, — заявил Серафим. — Просто вы ее не знаете. Недостатки имеются у каждого. А моя мама очень устает. Пошли.

— Куда?

— Погуляем. Вон с той горки прокатимся для начала.

— Мне неудобно, — буркнул Сухов. — Там одни дети.

— Неважно. Дети тоже люди. Идем.

Маленькая кабинка пневматического лифта, смешно подергиваясь, подняла их на верх башни, откуда начинался пластиковый спуск. Он тянулся до самого конца парка. Сели, оттолкнулись, и сразу же их понесло, закружило, завертело на

виражах и спиралях, на замедляющих движение подъемах и внезапных, захватывающих дух спусках.

Когда они (наконец-то!) стояли на земле, Серафим оценивающе осмотрел Антона и сказал:

— Ну, разве плохо? То-то же! Но, знаешь, у меня оторвалась пуговка. — На его ладонь лежала голубая пуговица. — Я поймал ее на лету. Я молодец, Сухов? У меня мгновенная реакция.

— Да, ты молодец.

— Но теперь мне нужно ее пришить, — решил Серафим.

— Поехали ко мне домой. Подумаем, как разыскать твою маму. И пуговицу пришьем... У моего Витасика сейчас каникулы. А вечером Вероника, моя жена, придет, — сказал Антон.

— Я не могу с оторванной пуговицей знакомиться с людьми. Зайдем в какую-нибудь квартиру и попросим иголку с ниткой. Пошли!

В подъезде ближайшего от парка дома Сухов подошел к первой попавшейся двери на первом этаже, позвонил. Но никто не ответил. В соседних квартирах тоже никого не оказалось.

— Поднимемся выше, — предложил Серафим.

Сухов послушно подошел к лифту и вызвал кабину.

— На каком этаже выйдем?

— Все равно на каком, — ответил Серафим и нажал кнопку.

Но не успели двери закрыться, как появился какой-то человек.

— Подождите меня! — крикнул он и схватился руками за створки. Двери раздвинулись, запыхавшийся мужчина вскочил в кабину:

— Спасибо... Мне на пятьдесят восьмой...

И вдруг воскликнул удивленно:

— Антон?! Привет, какими ветрами?..

Сухов узнал своего одноклассника по школе, Василия Бора.

— Твой сынишка? — спросил Василий. — Ты здесь живешь?

— Нет, — улыбнулся Сухов, не зная, что сказать дальше. — Я не здесь живу и... сын не мой, а моей знакомой.

— В гости приехал?

— Да, в гости...

— Тебе на который?

— Мне? Мне на третий, — поторопился ответить Сухов, надеясь, что они с Серафимом выйдут, а Василий поедет дальше к себе.

— Как поживаешь? Ты все на том же месте работаешь? В той же славной концентрационной клинике? — Василий громко рассмеялся.

— Да.

Створки лифта раздвинулись на третьем этаже. Антон протянул руку попрощаться.

— Ты надолго к знакомой?

— Не знаю...

— Может, потом ко мне заглянешь? Посидим, поболтаем. Сколько мы не виделись?.. Моя квартира — сто пятнадцатая. Запомнишь?

Выйдя из лифта и дожидая, пока Василий уедет, Антон подошел к ближней двери и позвонил. Дверь открылась. На пороге стояла старая худая женщина в сером с мелкими цветочками домашнем халате. Лицо желтое, с глубокими морщинами на лбу.

— Добрый день, — выдавил Сухов.

Тонкие губы старушки шевельнулись словно в приветствии.

— Галина дома? — как сумел беззаботнее спросил Сухов, назвав первое, пришедшее в голову имя.

Женщина пристальнее посмотрела на него, ее лицо еще больше сморщилось. Затем она взглянула на Серафима.

— Галина? — переспросила она удивленно молодым и звонким голосом.

— Да...

— Заходите, пожалуйста. Она давно вас ждет.

2

Старушка дождала, пока Антон с Серафимом пройдут, и торопливо закрыла входную дверь.

— Будем знакомы, — протянула руку хозяйка, — меня зовут Маргаритой Никопольной. Фамилия — Биос. А вас как?

— Антон Сухов... Но, простите меня, произошла ошибка...

— Ошибка? — подняла глаза старушка. — Почему вы так думаете?

— Маргошка, пришей мне пуговицу! — неожиданно вмешался в разговор Серафим. — Вот пуговка, держи.

Сухов готов был сквозь землю провалиться.

— В вашу квартиру я попал совершенно случайно...

Серафим снял комбинезон и, подпрыгнув, набросил его на плечо старушке. Та улыбнулась мальчику.

— Я сейчас прищью. А ты ступай в свою комнату, озорник.

Серафим убежал, даже не оглянувшись на Антона.

— Я должен извиниться перед вами...

— Неважно, можете не извиняться, — прервала его женщина, — если уже пришли и хотите видеть Гиату, или, как вы сказали, Галину.

Маргарита Никопольна взяла Антона под руку и направилась с ним в комнату.

— Вы можете мне не поверить, но я не знал, что...

— Заходите, пожалуйста. Я вас слушаю. Что вы не знали?

— Я не знал, что здесь живете вы и Галина... то есть Гиата.

— Правда? Какая интересная случайность...

Антон сразу же увидел в кресле возле окна ту златовласую женщину, с которой они ехали в машине. На ней было зеленое платье свободного покроя, волосы эффектно спадали на плечи. Антон услышал, как закрылась дверь. Оглянулся. Старушки в комнате не было.

Что это? Безумие? Шутка? Что-то вообще невообразимое! Но ни руки, ни лицо не выдали состояния Антона. Врач Сухов умел владеть собой.

В большой комнате возле окна стол и два кресла, на столе бумаги, штатив с пробирками и три небольшие реторты, газо-

вая горелка, маленькие аналитические весы, еще один штатив с какими-то реактивами, портативная пишущая машинка и прибор, похожий на кардиомонитор. Все стены в комнате заставлены стеллажами с книгами.

— Вас зовут Гиатой? — Сухов не нашелся спросить о чем-нибудь еще.

— Да. Я — Гиата. А вы — Антон Сухов, я слышала, как вы знакомились с моей мамой. Садитесь, — она указала взглядом на кресло.

Сухов медленно подошел к столу, остановился в напряжении.

— Как все это понимать?

Женщина тихонько рассмеялась.

— Что понимать?

— Вы хотите сказать, что я знал ваш адрес, а вы просто сидели дома и ждали, пока я натешусь с вашим Серафимом... Не так ли?

— Все случилось действительно не очень складно. Я прошу извинить меня, но... — Женщина улыбнулась какой-то заучено-кроткой улыбкой. — Но ко мне вы попали и вправду не совсем случайно. Не нужно волноваться. Никто из нас не сошел с ума. По крайней мере, вы можете поверить мне. Все в порядке, Антон. Можно мне вас называть просто на «ты»? Тебе плохо гулялось с Серафимом?

— Погуляли прекрасно, — процедил сквозь зубы Сухов, — но, может, вы все-таки объясните... этот спектакль?

— Это не спектакль. Надеюсь, что как врач и просто как умный современный человек без лишних комплексов ты не только все быстро поймешь и воспримешь, но и скажешь свое слово... Однако давай по порядку... Чудесный день сегодня. Разве не так? Сегодня у тебя рано закончились операции, ты торопился домой, и вдруг...

— Откуда вы знаете? — удивился Сухов.

— Все элементарно, Антон. Просто я читаю твои мысли. Но не торопись с умозаключениями. Хочешь кофе?

— Благодарю, не хочу.

— Напрасно отказываешься от кофе.

— Может, прекратим имитацию непринужденной беседы?

— Тебе неинтересно?

— Неинтересно.

— Почему? — Она так прелестно, так непринужденно улыбнулась, что у Сухова мурашки пробежали по спине. — А что тебя интересует, Антон? Скажи мне честно.

— Кажется, ты и сама знаешь круг моих интересов, — отчеканил Сухов каждое слово, тоже переходя на «ты».

— Не преувеличивай моих возможностей. — Гиата блеснула рядами ровных белых зубов. — Я могу многое.

— Кто ты?

— Гиата Биос.

— Это я уже слышал. Но, может, ты мне все-таки объяснишь?

Гиата снова лукаво улыбнулась.

— Зачем торопиться? Хочешь кофе?

— Да...

— Вот это уже лучше. Кофе — напиток бодрости. А торопиться не следует. У тебя такой прекрасный день сегодня. А ты такой взвинченный. — Гиата говорила неторопливо, спокойно, доверительно. — Чем ты испуган? Ведь ничего особенного не произошло... И тебе не пристало смущаться в присутствии... очень молодой женщины.

Сухов прикрыл веки.

— Почему ты подчеркиваешь: «очень молодой» женщины?

— Ну... Галантного кавалера, как вижу, из тебя не получится. Не будем распространяться о наших годах. Серафимчик! — Дверь в комнату почти сразу же открылась. — Принеси нам кофе.

Серафим вернулся очень скоро с небольшим подносом в руках. Лукаво подмигнув Сухову, он поставил поднос на стол.

— Милое создание! Не правда ли? — спросила Гиата, закинув рукой прядь волос за спину.

— Да... У тебя интересный сын...

— Сын? — рассмеялась Гиата.

— Разве не сын?

— Антон, а ты не хотел бы иметь такого же умницу сына?

Сухов подумал, что он находится в обществе психически больного человека. Гиата произвольным движением поправила платье, оголив колени.

— Кажется, ты знаешь им цену, — едко заметил Антон.

— По крайней мере, мне кажется, что колени у меня вполне пристойны. Разве не так? Но почему ты заговорил о них?

Сухов понял свой промах; мог бы и не обращать внимания на это, якобы невольное движение.

— Послушай, Гиата, ты, должно быть, плохо читаешь мои мысли...

— Ошибаешься, Антон, именно таким я тебя и люблю.

Это «люблю» прозвучало для Сухова точно выстрел. Он решил немедленно уйти, оставив эту психопатку со всеми ее ретортами, осциллографами, серафимами... Но, сам не зная почему, он улыбнулся и спросил:

— Любовь с первого взгляда?

— Не будем считать мои взгляды, Антон. Можно сбиться со счета.

— Ты хочешь сказать, что наша встреча не случайна?

— А разве в этом мире есть что-нибудь случайное? Буквально все от чего-то зависит, чему-то подчиняется. Вот и наша встреча запрограммирована.

— Тобой запрограммирована?

Гиата удовлетворенно улыбнулась.

— Антон! — сказала Гиата, и с ее лица исчезла маска приветливости. — Ты ведешь себя как мальчишка! Откровенно говоря, я немного разочарована. И почему ты не пьешь кофе? — Последние слова прозвучали почти как приказ.

Антон действительно смотрел на Гиату с нескрываемым раздражением и неприязнью.

— Если ты ждешь, что...

— Пей кофе, — произнесла Гиата вновь коротко и миротворно. — Хочешь, я включу музыку? Что ты любишь?

— Ничего.

— Тебе плохо со мной? — спросила она тихо, с интимной грустью. — Ты хандришь... Скажи, я причина твоего раздражения? Антон, ты только скажи, какую ты хочешь видеть меня, и я стану такой...

— Ты давно была у психиатра?

— Спасибо за откровенность. Но ведь ты сам пришел ко мне. Я не звала, не приглашала. Видимо, какой-то мудрый случай предопределил нашу встречу.

— Рассчитанный тобою?

— Оказывается, ты совсем не понимаешь шуток. Ну как я могу рассчитывать? Я обыкновенная женщина... Ну, не совсем ординарная. Но... кого теперь удивит умом, способностью мыслить... А нашему знакомству мы обязаны моему Серафиму, он большой шутник...

Сухов с тоской вспомнил о жене, о детях. С радостью подумал о завтрашнем дне. В который уже раз захотелось уйти. Но все сидел, что-то удерживало его.

3

Антон Сухов выбежал на магистраль и остановил геликомобиль. Было далеко за полночь. Он сидел в кабине машины совершенно опустошенный. Вспомнил Веронику, она, безусловно, спит уже. И дети тоже. О Гиате старался не вспоминать.

Хотелось спать, но в утомленном теле преобладало нездоровое возбуждение. Антон, закрыв глаза, дремал, как частенько случалось на ночных дежурствах, — сторожко, продолжая все слышать, чувствовать. Нередко засыпал так и дома, в кресле возле стола. И лишь когда бывал переутомлен до крайности, ему требовалось полное расслабление — провалиться на несколько часов в пропасть полного забытья.

— Простите, — сказал геликомобиль. — Я не заметил, что вы задремали. Резко затормозил...

— Все в порядке, — буркнул Сухов.

— Кажется, в вашем доме пожар, — сообщил геликомобиль.

— Что-о?

Антон сам открыл дверцу. Быстро вышел из кабины. В ночных сумерках, тускло освещенных редкими фонарями, увидел, как из форточки на втором этаже валит дым. Антон знал: в той квартире живет старая Наталья. Фамилии он не помнил, но хорошо знал эту женщину — одинокую, всегда бодрую.

Антон выпрыгнул из геликомобиля и тут услышал завывание пожарных машин. Биокиберы-пожарники быстро полезли вверх по телескопической лестнице.

Наконец пламя унялось. Все четче становились очертания фигур пожарников. Один из них крикнул из окна:

— «Скорую помощь» вызвали?

Антон вдруг вспомнил, что он врач, побежал к дому.

Дверь квартиры была распахнута. Сухов переступил порог. Биокибер ослепил его фонарем и загородил проход.

— Я врач. Живу в этом же доме.

Пожарник направил луч в комнату. На полу лежала Наталья. Антон сразу понял: врач ей уже не нужен.

Он огляделся: дверцы шкафа открыты, книги выброшены на пол. Очевидно, Наталья старалась погасить огонь. В комнате стоял тошнотный запах мокрого пожара и горелых волос.

— В какой вы квартире живете? — спросил пожарник.

Антон ответил.

— Вы ее хорошо знали? Понимаете ли, здесь такое дело... Очень похоже на самоубийство. Противопожарное устройство сознательно заблокировано. Точнее — выведено из строя...

Войдя в свою квартиру, Сухов долго непослушными пальцами переобувался. Проходя мимо детской комнаты, споткнулся о пушистый коврик перед дверью, разбудил сына.

— Это ты, папа?

— Да, это я, сынок.

— Опять ты поздно... Включи свет.

— Не нужно, Аленка проснется.

— Папа, ты не брал дистанционный пульт от Антика?

— Нет, не брал. А ты занимался сегодня математикой?

— Да... Но без Антика скучно. Ты не знаешь, где пульт?

— Не знаю, спи.

Вошла Вероника, сказала сердито:

— Зачем беспокоишь ребенка? Думаешь лишь о себе.

— Наталья сгорела, — сказал он чуть слышно.

— Какая Наталья?

— Та, из нашего подъезда.

— Когда?

— Я только что из ее квартиры,

Не глядя на жену, Сухов пошел в свою комнату.

4

Загадочное космическое тело было обнаружено совершенно случайно. Строго говоря, не тело, а изменение на одной из спектрограмм. Поначалу этому не придали должного значения, приняв за дефект изображения. Профессор Виктор Гар сделал контрольные снимки, и все поняли — службе околосолнечного пространства предстоит работа.

Микола Сухов — брат Антона Сухова, академик, член Высшего Совета Земли, — срочно связался с Козубом — заместителем председателя Европейского филиала Совета. Выслушав Сухова, тот немедленно вылетел в распоряжение третьей лаборатории.

— Как долго этот объект находился на земной орбите? — спросил Козуб.

— Полагаю, сравнительно недавно, — ответил Сухов.

— Не уверен, коллега, совсем не уверен...

Козуб уселся поудобнее в глубокое кресло, пригладил рукой седые пряди волос:

— Не исключено, что мы имеем дело с гостями из далеких миров, которые почему-то скрываются от нас. Согласитесь: имея добрые намерения, незачем прятаться!

— Но ведь им неизвестны наши намерения, — улыбнулся Виктор Гар. — Помните, казус с центурианами? Они были прекрасно информированы о земной жизни и могли не бояться.

— Негостеприимство? — профессор хрипло засмеялся. — А какими были осторожными, до смешного.

— Да, помню. И мне все понятно. Но не нравятся мне эти детские забавы с искривленным пространством. Меня это, откровенно говоря, раздражает... Видимо, старею. Когда человек теряет любовь к играм, он уже стар. Не так ли? — Козуб достал сигарету и щелкнул зажигалкой. — Придется нанести им визит.

Двенадцать минут спустя они стартовали со взлетной площадки экстренной спецлинии. Заместитель председателя Высшего Совета молчал, устало прикрыв глаза, массировал себе надбровья.

— Почти не спал этой ночью. Поверите ли, просто зачитался. Воспоминания о Редине... Однако сближаемся! Внимание! — Козуб напряженно всматривался в экран внешней панорамы.

— Я их вижу! — воскликнул Гар. — Предлагаю подойти как можно ближе. Посмотрим, что из этого выйдет.

— Потом мы так и сделаем. А сперва пройдем мимо. Сделаем вид, что мы их не заметили. Интересно, как они на этоотреагируют? — возразил Козуб, включая систему автоматического управления полетом.

Участок дрожащего пространства на экране быстро уменьшался.

— Смотрите, они переходят на другую орбиту!

— Я попытаюсь сигнализировать им. — Виктор Гар положил руку на пульт, включил периодические световые сигналы, затем перешел на сигналы когерентными лучами, прошелся по всем каналам радиодиапазона.

На следующем витке он повторил все сначала.

Глаза профессора возбужденно блеснули, он напряженно ждал, что гости вот-вот выключат защитное поле, и глазам землян явится чужой корабль.

Вдруг космический объект ожил, запульсировали вспышки голубого сияния, и он, резко увеличив скорость, устремился в открытый космос.

5

Сухов позвонил, почему-то думая, что, как и в прошлый раз, дверь откроет старушка. Но перед ним появилась сама Гиата. Она была в рабочем комбинезоне и фартуке с пятнами от какой-то розовой жидкости.

— Ты работаешь? — спросил Сухов.

— Я всегда работаю. И в любое время могу не работать. А почему ты спрашиваешь? А-а-а, тебя смутила моя одежда...

— А где твои мать и сын? — сам не зная зачем, уточнял Антон.

— Ты хочешь их видеть? Серафимчик спит. Я его уложила с полчаса назад. И мама отдыхает. Но я могу разбудить, если хочешь.

— Нет, нет, не нужно. Я просто...

— Вот ты какой. Спрашиваешь просто так, — лукаво сказала

женщина. — Или зашел немного развлечься?.. Но это не в твоём характере.

— Если ты работаешь, я не стану тебе мешать.

— Заходи. Мне очень хочется, чтобы тебя здесь ничто не смущало, — улыбнулась Гиата. — Мы почти коллеги: ты — врач, я — биолог. Помнишь, я как-то рассказывала о своей работе... Садись, пожалуйста. В то же кресло, где сидел прошлый раз. Мне кажется, что ты из тех людей, которые быстро привыкают к необычным ситуациям...

— А где традиционный кофе? — пытался бодриться Антон.

— Сейчас принесу.

Гиата торопливо вышла. Антон подумал: «Зачем я пришел?» В глубине души ловил себя на мысли, что пришел только потому, что Гиата — очень красивая женщина...

— Ты не скучаешь? — Она вошла, неся кофе на подносе.

— Нет, нет.

— А ты все же любишь этот напиток? — спросила Гиата, глядя Сухову прямо в глаза, словно от этого зависело что-то очень важное.

— Люблю ли я кофе? — удивленно переспросил Антон и вдруг вспомнил слова Гиаты. — Бесспорно. Ведь все существует в этом мире только для того, чтобы его любили.

— О, ты быстро проникся моей философией! — рассмеялась Гиата.

— Точнее было бы сказать, что я предпочел все на свете любить, чем все — ненавидеть... Мне кажется, что и ты рассуждаешь так же. Не правда ли?

— Не совсем... Но близко по смыслу... Ты мне нравишься, Антон. Пей кофе.

— Знаешь, Гиата, я все больше убеждаюсь, что ты не безумная.

Гиата расхохоталась.

— Но до сих пор я и не подозревал о существовании таких... людей.

— Таких женщин — хотел ты сказать.

— Мне кажется, что такими, как ты, могут быть и мужчины.

— О-о! Откуда тебе это известно, Антон? Ты не ошибаешься, могут быть и мужчины... А знаешь, Антон, откровенно говоря, я очень сомневалась, что ты придешь ко мне сегодня. Но ты молодец. Я тут затеяла одну работу. Поможешь мне?

— Посмотрим.

— Садись, пожалуйста, ближе к столу. Я займусь своими делами, а ты сначала только смотри, что я делаю... Эксперимент. Очень интересный эксперимент.

— В чем он заключается?

— Это трудно объяснить словами. Иногда лучше промолчать, чем говорить о сложных вещах примитивно. Правда? Со временем я тебе все расскажу.

Над письменным столом была, по-видимому, ниша за небольшой дверцей. Гиата открыла ее, и в пристроенный рядом желобок выбежало длиннохвостое серенькое существо, похожее на большую мышь. Гиата ловко подхватила ее за все четыре лапки, погладила за ушком и поднесла к мордочке гибкий

шланг от розового баллона. Под столом стояли три баллона: черный, розовый и серый. Условное обозначение красок Сухов знал по операционной: углекислый газ, циклопропан, закись азота.

Мышка быстро затихла, а Гиата, взглянув на Сухова, сказала:

— Усыпаю, чтобы не метались. Кровь разбрызгивают. А ты, я вижу, скучаешь. Мог бы и помочь. Это же твоя профессия.

— Не сказал бы, — буркнул Сухов.

— Ты чем-то недоволен?

Гиата положила сонного зверька на большую доску, взяла скальпель, быстро отрезала голову. Туловище Гиата небрежно смахнула в ящик для мусора, стоявший рядом. Несколько капель крови попало на фартук, и Гиата вытерла их небрежно зеленым платком. На фартуке добавились розовые разводы. Антона удивило, что все это делается в той же комнате, где Гиата, очевидно, и спит. Угадав мысли Антона, женщина сказала:

— Нужно будет попросить специальное помещение для лаборатории... Я слышала, что вчера в том самом доме, где ты живешь, освободилась одна комната. Это правда?

— Какая комната? — переспросил Сухов, но тут же сообразил, что речь идет о квартире Натальи.

— Небольшая комната. В ней жила одинокая женщина... — пояснила Гиата.

— Да, и сгорела...

— Кажется, так. Но не это важно. Я сразу подумала: следует попросить именно эту комнатку для моей лаборатории.

— А почему ты работаешь не в институте?

— В каком институте? — усмехнувшись, спросила Гиата. Она приоткрыла дверцу в стене и ждала, пока выбежит очередной зверек.

— Но ты работаешь где-то?

— Я работаю дома, Антон. И ни с каким институтом свою судьбу и творческую энергию связывать не желаю. Я привыкла всегда чувствовать себя абсолютно свободной. Во всем!

— Может, ты и училась дома, по индивидуальной программе?

— Совершенно верно. Ты очень догадлив, Антон. Я училась дома. Имею уже несколько научных открытий в области биологии и кибернетики...

Гиата привычным движением опустила зверька на доску, взяла нож, продолжая говорить с Антоном:

— Вполне возможно, что мы станем соседями... Она была старой?

— Кто?

— Та женщина, которая сгорела.

— Да, она была старой.

Взяв маленькую ложечку, Гиата начала выбирать мозг из отсеченной головки.

— Ты рад, что мы будем соседями?

Сухов промолчал, лишь удивленно посмотрел на Гиату.

— Симпатичные эти существа, правда? — спросила растроган-

но и, не ожидая ответа Сухова, продолжила: — Они такие кроткие, такие чистюли. И мозг у них очень приятный на ощупь. Вот попробуй. — Она протянула Антону ложечку с мозгом.

Сухов отшатнулся.

— Зачем тебе все это?

— Я объясняла уже. Об этом долго рассказывать, и не время пока. Одним словом, этот мозг нужен для одного препарата.

— Понятно...

— У тебя красивая жена?

— Что-о?

— Спрашиваю, красивая ли твоя жена?

Лицо и шея Сухова покрылись холодной испариной. Он достал носовой платок и вытер лоб, щеки.

— Самое время поговорить о моей жене...

— А почему бы и не поговорить? Ты любишь детей?

— Да, — скупой ответил Сухов, еще раз вытирая лицо. Он уже пожалел, что пришел к Гиате.

— Детей вообще или только своих?

— По-твоему, это существенное разделение?

— Существенное, — сказала Гиата. — Мне интересно, что в тебе превалирует — индивидуальные или общественные чувства.

— Зачем это тебе нужно?

— Мне сейчас ничего не нужно, кроме моих дорогих, милых, симпатичных мышек. Какие прелестные существа! Правда, Антон? — И она стряхнула следующую порцию мозга в стаканчик. — Они такие смирные, безобидные, ты просто сухарь, настоящий цивилизованный сухарь. Я вижу, ты не способен воспринимать красоту, не способен наслаждаться жизнью... А она так прекрасна...

Гиата заглянула внутрь маленького черепа, что-то там высматривая, и вдруг спросила:

— Антон, ты счастлив?

Сухов внезапно почувствовал тошноту, подступающую к горлу.

— Да, безусловно, я очень счастлив... Но, знаешь... мне надо идти. Я забыл, что обещал одному товарищу встретиться с ним. И виною этому ты, Гиата. — Антон попытался беспечно улыбнуться, и это удалось. — Загляделся на твои чудные золотистые локоны и обо всем забыл.

«Что за вздор я горожу? Зачем? Теряю чувство реальности. С ума схожу... Нет, я ее боюсь. Должен скорее уйти. Сбежать?! Да!»

— Ты хочешь уйти?

— Да, меня ждут... Ты уж прости, Гиата.

Она закрыла за ним дверь, помедлив, вернулась в комнату, взяла со стола металлический стаканчик и с жадностью выпила его содержимое.

6

Сухов долго не мог уснуть. Чем больше он убеждал себя в необходимости отдохнуть перед напряженным операционным днем, тем дальше убегал от него сон. Перед глазами, словно изображение на воде, колебалось лицо Гиаты Биос — красивое

женское лицо, на которое он смотрел с наслаждением и за-
таенным страхом одновременно. Он не мог объяснить причину
своего страха, но страх этот жил, не поддаваясь анализу, и от
этого казался Сухову еще более мерзким и коварным.

«Кто она, эта женщина? Неужели просто-напросто больная?
Что ей нужно от меня? Она упорно добивается чего-то. Взять,
к примеру, наше странное знакомство, когда Серафим — вун-
деркинд-малыш — непонятным образом заставил меня зайти
в гости к Гиате... Причудливый ряд не менее причудливых собы-
тий. И почему я потом не видел Серафима? Да и сама Гиата
довольно странно относится к нему — сын ли он ей? Если нет,
то кто же тогда?»

В тяжком полусне черты лица Серафима постепенно удли-
нялись, обезображивая его, и приняли подобие морды щенка,
не обросшей шерстью, с умными, пытливыми глазами. Сухов
дернулся в постели от столь неожиданного видения, но оно
не только не исчезло, а начало дополняться подробностями.
Из рта Серафима вывалился большой язык, послышалось ча-
стое собачье дыхание. На полуморде-полулице вспыхнула яз-
вительная улыбка:

«Ну, Сухов, вот так ты сможешь? — он сложил язык трубоч-
кой. — А вот так? — Щенок начал махать большими ушами. —
Ничего путного ты, Сухов, не умеешь!»

«Глупец ты, Сухов! — внезапно послышался голос Гиаты. —
Ничуть не умнее Натальи, твоей сгоревшей соседки».

Мурашки пробежали по спине Сухова. Вспомнились слова
пожарника в ту жуткую ночь: система противопожарной защи-
ты оказалась заблокированной. А сама Наталья лежала на по-
лу... Самоубийство?.. Антону не верилось. Он достаточно хо-
рошо знал свою соседку. Наталья иногда консультировалась
у Сухова, Антон же частенько пользовался ее прекрасной би-
блиотекой.

Никогда Сухов не видел Наталью даже печальной, она пря-
мо-таки излучала бодрость или какую-то живительную энергию.
Рядом с нею приятно было находиться, приятно разговари-
вать.

Одним словом, Сухов не мог поверить, что Наталья сама
ушла из жизни... Но утверждать однозначно тоже не мог.

Серафим смеялся, размахивая длинными ушами:

«Наталья быстро сгорела. Она почти не мучилась. Правда,
Гиата?»

«Правда, Серафим. Такие, как она, никогда не мучаются. Они
всему радуются», — сказала Гиата и вдруг истерически захо-
хотала.

7

Экстренное заседание Высшего Совета Земли состоялось
в большом зале. Но приглашенных было всего одиннадцать
человек. Все свободно разместились за круглым столом. Си-
дели немного смущенные перед пустым залом, ожидая пред-
седателя Высшего Совета — Ирвина. Никто не мог понять,
зачем он собрал их именно здесь, а не в своем кабинете.

— Дорогие друзья, уважаемые коллеги, ученые! — обратился

к присутствующим Ирвин. — Я понимаю, что сказанное мной вызовет у вас удивление. Тем не менее призываю самым серьезным образом отнестись к информации. Мой европейский заместитель академик Козуб обратил внимание на весьма удивительные явления, которые в последнее время начали распространяться по всей Земле. Речь идет о многочисленных случаях психозов, а также о массовом появлении на планете не просто вундеркиндов, а детей с фантастически ускоренным метаболизмом. Об этом более подробно доложит сам академик Козуб.

Юрий Георгиевич Козуб поднялся, поправил прядь волос.

— Уважаемые коллеги. Несколько дней назад мы заметили на околоземной орбите объект, замаскированный искривленным пространством. Посмотрите на фотографии, спектрограммы и гравитограммы одного и того же квадрата. Вот гравитограммы, сделанные с борта «Роляра». Думаю, ни у кого не вызовет сомнения то, что объект искусственного происхождения. — Юрий Георгиевич медленно обводил лучом световой указки наиболее важные места на большом экране, где проецировалось изображение. — Можно, конечно, допустить что-либо сверхфантастическое, к примеру, неведомый науке фактор, приводящий к подобному искривлению пространства, но придется отбросить эту мысль. При нашей попытке приблизиться к нему и неизвестный объект сначала перешел на более удаленную от Земли орбиту, а потом и вовсе умчался в открытый космос. Есть основания утверждать, что массовые психозы, наблюдаемые на Земле, связаны с пребыванием на орбите неизвестного космического объекта. За последнюю неделю я посетил видных психиатров и сопоставил истории болезни многих людей. Имею в виду именно те психозы последних лет, которые у разных больных схожи, как две капли воды. Сейчас познакомлю вас с одной из фонозаписей. Это копия разговора врача с молодым инженером, обратившимся за помощью.

Козуб нажал на пульт клавишу. В зале необычайно живо слышались голоса:

«Сколько вам лет?»

«Двадцать восемь исполнится через три месяца».

«А вид у вас — восемнадцатилетнего».

«Это меня не утешает, доктор. Мне нужно с вами посоветоваться. Можно иметь вид восемнадцатилетнего и выбиться из колеи, спятить с ума».

«Вы женаты?»

«Нет. Мы с Луизой собирались еще в прошлом году... Но после того, как со мной началось... Я боюсь...»

«Слушаю вас».

«Впервые он пришел ко мне года полтора назад. Точно не помню. Тогда я не придавал этому значения. Сон, да и только. Но на другую ночь он снова пришел. И сказал то же самое, слово в слово».

«Что именно?»

«Он сказал: «Привет! Ты меня хорошо слышишь?»

«Как выглядел ваш ночной визитер?»

«Худощавый мужчина в респектабельном костюме неопреде-

ленного цвета, землистое, морщинистое лицо. Во вторую ночь я тоже не испугался, но помню, что и во сне удивился. Это надо же, думаю, чтобы сны так повторялись. Ничего не ответил тому худощему. Проснулся, выкурил сигарету. И в третью ночь... Вроде бы шел я по степи, а он выходит из густой травы навстречу: «Привет! Ты меня хорошо слышишь?» Я взорвался: «Какого черта ко мне пристал?!» А тот заулыбался: «Наконец-то ты заговорил. А мне казалось, что ты и впрямь меня не слышишь». Положил мне руку на плечо и спросил: «Как тебе живется?» — «Спасибо, — говорю. — Кто вы такой?» — «Твой друг».

«Тот человек похож на кого-то из ваших родных, знакомых?»

«Нет! Нет! Он вообще не похож на живого человека. Он искусно изготовленный манекен».

«Понятно. Рассказывайте дальше».

«Понимаете ли, доктор, мне больше не о чем рассказывать».

«Он не сказал, как его зовут?»

«На мой вопрос об этом он ответил: «Называй меня маргоном».

«Называйте его маргоном, так будет проще».

«Я его маргоном не назвал ни разу. И не назову!»

«Вот как? Простите».

«Тот человек начал со мной разговор о Луизе. Я спросил, откуда он знает о моей дружбе с ней. А он заявил, что знает обо всем, что происходит и что произойдет в будущем. А потом сказал: «Кстати, она больна, у нее спарсис». — «Она мне не говорила об этом». — «Скажет, когда уже не сможет скрывать». Я отвечал ему что-то, а сам, понимая, что это сон, силился проснуться. А потом тот говорит: «Я знаю, что тебе нужно от жизни. Оставь свою Луизу. Мы дадим тебе все. Без Луизы... Ты сможешь иметь сына или дочь, кого захочешь. Скажи только, что ты их полюбишь и воспитаешь сам, и завтра же утром станешь счастливым отцом. Не волнуйся ни о чем, ни у кого не возникнет даже вопроса, откуда у тебя появились... появился младенец».

Юрий Георгиевич выключил фонозапись.

— Это лишь небольшой фрагмент. Но достаточно красноречивый. Для всех этих странных психозов характерно то, что воображаемый человек неопределенного возраста, худощавый, называет себя маргоном и так или иначе предлагает «взять на воспитание», «усыновить», «родить», «найти» ребенка. Следует отметить, что каждый раз маргоны играли на самых лучших человеческих чувствах. За прошедшую неделю я ознакомился с бесчисленным множеством людей, пересмотрел множество видео- и фонозаписей и сейчас демонстрирую вам самые характерные, типичные. Сейчас приведу несколько страничек-копий из одной, не случайной, истории болезни.

На экране появился текст:

«Санитарной машиной СГ-16-д-5 больная доставлена в стационар. Возбуждена, делала много лишних движений, бредила, о себе ничего конкретного рассказать не сумела, много рассуждала на общие темы, от осмотра категорически отказалась.

При дальнейшем обследовании соматических отклонений не выявлено. Больная много времени проводит в постели. Неспособна

койна, с подозрением оглядывает окружающих. В первый день лежала спокойно, шепча что-то неразборчивое, потом вскочила с кровати, надавала пощечин соседке и затем умиротворенная возвратилась на место. Правильно называла дату, когда ее привезли к нам, однако не могла долго понять, где она.

По словам самой больной, она может «вызвать» для беседы любого человека на планете, может «лечить гипнозом на расстоянии», может предсказывать будущее и тому подобное. То и дело к чему-то прислушивается, что-то шепчет. Сама себя считает исключительно одаренной личностью, но, «к сожалению, не может спасти планету от надвигающейся катастрофы. Гибель близка». На вопрос, о какой катастрофе она говорит, отвечает: «Увидите сами. Изменить ничего уже нельзя. Мы проиграли». На втором месяце болезни она имитировала роды: принимала характерные позы, требовала, чтобы весь персонал приготовился, и кричала: «Я должна родить маргона!»

Юрий Георгиевич отключил проектор, экран погас.

— Если бы не последняя фраза о маргоне, эти строки можно было бы принять за выписку из обычной истории болезни. Шизофрении. Произошла уникальная случайность, что среди сотен историй болезни, в основном однотипных, я натолкнулся как раз на эту и интуитивно заинтересовался личностью больной. Скажу сразу — это Луиза Хенкель. Да, та самая Луиза, о которой говорилось в предыдущей фонозаписи. Санитарную машину за Луизой вызвали случайные люди, которых удивило поведение молодой женщины; она стояла на берегу реки и кричала: «Алло! Алло! Говорите громче! Я вас плохо слышу!» Когда Луизу насильно привезли в больницу, у нее нашли записную книжку, а в ней — что-то вроде дневника. Записи ее оказались для врачей лишним подтверждением ее болезни, а для меня... Вот посмотрите хотя бы одну страничку:

«...он опять приходил. Я уже боюсь засыпать. Иногда кажется, что схожу с ума. Избегаю встреч с Игорем. В прошлом году мы решили пожениться, но я сознательно оттягиваю срок, жду, чем все закончится... Прошлой ночью он говорил: «Скажи Игорю, что больна спарасисом. Должна же ты проверить его чувства. Если любит — не испугается...»

— Вот такая запись, — продолжал Юрий Георгиевич, — для меня она поставила точку в спорах о природе неопознанных психозов. Бессмысленно искать физические, химические, иные факторы. Налицо коварное сознательное вторжение. А в случае с Игорем и Луизой наблюдаем типичную провокационную игру. Надеюсь, нет необходимости что-то еще объяснять?

Юрий Георгиевич, замолчав, обвел взглядом присутствующих.

— И еще одно. Появление небывалого числа вундеркиндов в последние годы тоже следует связать с пребыванием на земной орбите неведомого объекта. Думаю, это тоже возражений не вызовет. Вундеркиндами займемся самым серьезным образом, активно, но осторожно, с пониманием возможной их агрессивности. Об усилении патрулирования по всей Солнечной системе и о немедленном создании специальной комиссии говорить тоже не приходится, это понятно...

— Тебе не кажется, что мы совсем разленились? — Дирар вздохнул и скатился с полукруглого сиденья.

— Отдыхать не только приятно, но и необходимо. Отдых — неременная часть и продолжение работы. К тому же, откровенно говоря, с каждым годом я все меньше верю в успех.

— Напрасно, все прекрасно задумано.

— Но слишком медленно развивается. На этой планете нам не везет.

— Вызвать тебе замену? Ты устал?

— Устал от пятилетнего безделья? — Мар громко рассмеялся и сплел все верхние щупальца вместе, смеялся долго и неудержимо, так, что все три глаза затянулись пленкой.

— Я не сказал ничего смешного.

— Безусловно, — согласился Мар и тут же успокоился. — Не смеялся бы, скажи ты что-либо остроумное. Зачем смеяться, когда и так смешно? А вот когда тебе хотят окончательно испортить настроение, можно и посмеяться. Не так ли, коллега? Они слишком хорошо знали друг друга, чтобы обижаться, споря.

— Ну, согласишься же, Мар, что все-таки наш эксперимент проходит вполне успешно.

— Ты кого убеждаешь? Меня или себя? Я уже распух от неудач и просчетов.

— Никаких неудач я не вижу. Просто очень затянулся эксперимент... С землянами ужасно трудно работать.

— С ними просто невозможно работать! — закричал Мар. — Я начинаю терять контроль над собой после каждого переворота, после каждой встречи с ними. Большинство землян научились читать мои мысли. Это меня обезоруживает. Я уже не знаю, кто на кого больше воздействует — мы на них или они на нас?

— Оставь, ты всегда склонен преувеличивать. Никто из землян понятия не имеет о нашем с тобой пребывании на орбите.

— Пять земных лет! — кричал Мар. — Ничего себе — пребывание!

— Не вопи!

— Быстрой и блистательной победы не получилось. наших каров не берут, по крайней мере в том количестве, которое могло бы обеспечить успех. К тому же я не уверен, обошлось ли недавнее происшествие. Вне всякого сомнения — нас заметили. И вполне возможно...

— Нет, они не станут атаковать. Ведь мы не проявляем агрессивности. — Маргон зловеще рассмеялся. — Нужно выйти и подробнее узнать, что они о нас, невидимых, думают...

— Четвертый у Гиаты еще не обозначился?

— Кажется, еще нет. Крепкий орешек. Но Гиата его приручит.

— Так говоришь, будто бы это все кардинально решит. Нет надежды на быстрое приручение врача, а чтобы выйти на его брата, который в Высшем Совете, нам и жизни не хватит.

— Замолчи! Или я доложу Чару о твоей деградации.

— Попробуй, попробуй. Хотел бы я посмотреть на тебя пос-

ле этого. Ну, ладно, хватит. Просто мы оба вконец обленились.

— Нашей вины в этом нет. После того как нас заметили, нам просто необходимо было затаиться на некоторое время. Вот мы и отлеживались без дела. И не нашли ничего лучшего, как поссориться.

— Кажется мне, что мы несколько беспечны. Перед этой планетой мы практически безоружны.

— Не думаю. Если не окажется выхода, можно даже выйти на контакт. Но пока для нас единственным законом жизни остается приказ Чара: сохранить в полной тайне наше пребывание на орбите.

— Чар далеко, а мы, к сожалению, можем рассчитывать только на собственные силы.

— Безусловно. Очень жаль, что земляне находятся на высокой ступени развития. Не было бы никаких проблем, если бы они пребывали в дикости. Но что поделаешь... Мы запоздали в наших поисках.

— Да и кары появились у нас сравнительно недавно. А без них очень трудно колонизировать планеты, даже населенные дикарями. Ну а с карами мы и здесь справимся. Год-полтора, вот увидишь, и все произойдет так же, как на Дираузе — тихо и мирно.

— Да, если мы удачно выполним программу, расширим владения Чара, наши владения. Героями станем. Все у нас будет.

— Конечно, пока не прилетят наши. А когда они освоятся, то и здесь придется ограничиться заслуженным Бункером Счастья.

— Можно опять отправиться в поиски новых миров для Великого Чара. Согласись — пока что-то ищешь, до тех пор и счастлив.

— Мы с тобою уже постарели. Успеть бы пустить корни здесь.

— Напрасно так рассуждаешь. Да что впустую болтать. Скоро мы встретимся с Гиатой и Ровичем. Да и всем остальным следует больше уделять внимания. Тем более после нашего вынужденного безделья. К Гиате, пожалуй, я выйду в ближайшее время. А может, ты?

— Деградируем мы с тобой. Разленились. Слишком вжились в образ землян, земной антураж. Сами едва в землян не превратились!

Дирар рассмеялся, оттолкнулся сразу тремя нижними конечностями и сделал красивый пируэт.

— Уменьшить бы еще немного гравитацию, не возражаешь? Ты же знаешь, как мне нравится невесомость.

— Оставь эти разговоры! — закричал Мар. — Я терпеть не могу, когда не ощущаю массы своего тела.

9

Она была в простом пестром халате, распахнутом на груди, улыбалась, что-то дожидаясь, когда Сухов открыл на сигнал свою дверь.

— Приятного аппетита, — пошутил Антон вместо приветствия, удивленно рассматривая одетую по-домашнему Гиату.

— Спасибо. Как видишь, мы уже соседи. Почему не приглашаешь?

— Да, безусловно, входи.

— Жена дома?

— Нет. Никого нет.

— Жаль. Мне хотелось бы повидать твою жену. Вот возьми для детей. — Гиата ткнула Сухову два батончика «Мечты». — А где они?

— Пошли в театр. У Витасика каникулы... А я отсыпаюсь после ночного дежурства.

— Я тебя разбудила? Прости. — Долго застегивала пуговицы на груди, но две так и оставила расстегнутыми. — Поверь, я не знала, что ты отдыхаешь. Пойдем, посмотришь мою лабораторию.

— Гиата...

— Ты словно боишься меня. — Она рассмеялась так чарующе, что Сухов невольно улыбнулся.

— Я очень устал, Гиата. И хочу спать.

— Вот не думала, что ты такой соня. Не поспал одну ночь и раскис. Пошли, мне нужна твоя помощь.

Антон, ругая себя в душе за слабование, ответил:

— Я сейчас, — и обреченно добавил: — Только переоденусь.

— Зачем? К чему такие формальности? Чувствуй себя со мной совершенно свободно. Пусть тебя не шокирует моя прямолинейность. Скажем, я могу спросить: не хочется ли тебе переночевать у меня, или — не желаешь ли ты сменить работу, или... в общем — что угодно... Воспринимай все как обычный вопрос. Прости, но такой у меня характер. Я очень импульсивна и непосредственна — сразу должна удовлетворить свое любопытство. Так пусть тебя ничто не удивляет. Договорились? — Гиата лукаво улыбнулась.

— Договорились. — И тоже улыбнулся.

Комната Натальи стала неузнаваемой. Прежде всего бросалось в глаза множество картин на стенах. Сухов с удивлением отметил, что на каждой одно и то же чудовище: зеленая голова с тремя глазами и многими щупальцами. Заметив его недоумение, Гиата сказала:

— Все я сама нарисовала. Это маргон.

— Маргон?

— Да. Он часто приходит ко мне во сне. Вроде бы страшный, а в самом деле такой добродушный. Я очень его люблю. С нетерпением жду каждую ночь, чтобы увидеть его. Но он не всегда приходит.

— А зачем так много одинаковых картин?

— Одинаковых? Ну что ты, Антон, разве не видишь — на каждой картине он разный. Не смотри на меня как на сумасшедшую... Хочешь, я его попрошу, он и к тебе придет?

— Нет. Благодарю. Не хочу, — ответил Сухов вполне серьезно. — А где Натальяна библиотека? Ее книги?

— Остался один хлам, а не книги. Все сгорело. Библиоскопы, сам знаешь, не выдерживают высокой температуры.

— Да, знаю. Жаль...

— А мне не жаль. Зато мы теперь соседи. — Гиата на мгновение стала непохожей сама на себя, даже волосы приобрели

непривычный коричневый оттенок. — Мне запомнились слова одного человека. Как-то на старом кладбище он сказал, глядя на древние, вытесанные из камня кресты: «Нас не станет, а эти камни будут стоять». А потом мы подошли к могиле его матери с современным миниатюрным надгробием. Я спросила: «А почему вы не поставили мраморной плиты своей матери?» Он посмотрел на меня с чувством превосходства и сказал: «Зачем? Нас не будет, а камень будет? Так что — мы хуже камня? Пусть и его не останется после нас». Я спросила: «А память?» Он глянул искоса. «А память — вечна», — изрек он. Мне вдруг стало страшно, а потом легко-легко. И мне кажется, что именно с той минуты я стала такой, как вот сейчас. А какая я сейчас? Какая? Скажи, Антон.

— Что я могу тебе сказать?

От его слов Гиата будто пробудилась от сна, смешно тряхнула головой, поправила рукой прическу, и в глазах ее засветились привычные Антону холодный огонь и наигранная кротость.

— Какая странная, ужасная, бессмысленная смерть Натальи, — произнес Сухов, глядя прямо в глаза Гиате.

— Зато у меня теперь настоящая лаборатория. И совсем рядом с тобой...

— Жилсовет знает о твоём переселении?

— Безусловно, знает.

Сухов не мог объяснить причины своих сомнений, но он не верил этой женщине, не верил, и все.

«Нужно сегодня же позвонить, а лучше зайти в жилищный совет. Там хотя бы узнают, кто она, Гиата? Безумная или действительно ученая? Да, сегодня же. Или сначала посоветоваться с Миколой?»

— О чем ты задумался, Антон? — Гиата посмотрела на него лукаво и сосредоточенно, и Сухову показалось, что она читает его мысли.

— Ты же сама прекрасно знаешь, о чем я думаю...

Гиата рассмеялась.

— Прошу тебя, отрежь голову вот этой симпатяге, — неожиданно сказала она, указав взглядом на стол, где лапками вверх лежало серое существо, похожее на мышку. — И выбери мозг в серебряный стаканчик. Хорошо? А я тем временем приготовлю что-нибудь вкусненькое.

Сухов крепко сжал губы, чтобы и видом своим не показать, что он думает обо всем этом, о Гиате.

Она тут же замерла и, чеканя каждое слово, тихо выговорила:

— Кажется, я ничем не провинилась перед тобой. Своих жизненных принципов не навязываю. Прежде чем осуждать кого-то, оцени собственную жизнь...

10

Переступив порог дома брата, Антон вымученно улыбнулся:

— Здравствуй. Ты, наверное, спать уже собирался?

— Я поздно ложусь. Читаю перед сном, пока не отключусь. Раздевайся. У тебя что-то случилось?

— Да нет. Хочется поговорить. Ты уж извини.

— Ты чем-то взволнован? — Микола обнял брата, потом включил все светильники, но Антон недовольно поморщился: — Не нужно столько света. Глаза режет.

Сели за стол.

— Я у тебя заночую, ладно?

— О чем ты говоришь!.. Веронике сказал, что останешься у меня?

— Веронике? — отчужденно переспросил Антон, встретился с братом взглядом и смотрел, ничего не понимая. — Я могу позвонить ей. Но она не ждет. Когда операция затягивается, я, случается, остаюсь ночевать в клинике. И часто забываю предупредить.

— Ты сейчас с работы?

— Нет. Понимаешь ли, в последнее время... Я так устаю в последнее время... Ты же слышал, что сейчас повсюду творится?

Микола удивленно поднял брови.

— Что ты имеешь в виду?

— Позавчера вызвали «скорую» и забрали прямо от операционного стола нашего анестезиолога. Психоз... Все чаще и чаще слышу этот диагноз. Ты не можешь не знать об этом.

— Да, кое-что слышал, — уклончиво произнес Микола. — А что с вашим анестезиологом?

— Он внезапно закричал: «Нет! Нет! Я на работе! Оставьте меня в покое!» А затем набросился на одного из хирургов, щекотал его и грозился: «Я тебя выведу на чистую воду, маргончик! Я тебя давно узнал!» Мы заперли его, когда он вошел в раздевалку, и вызвали машину. Микола, что происходит? Кто эти маргоны?

— Мы призраками не занимаемся, — беззаботно рассмеялся Микола. На мгновение возникло желание рассказать брату о неизвестном космическом объекте, замеченном на околоземной орбите, но воздержался, вспомнив решение Высшего Совета: «Действовать исключительно силами Совета, без разглашения, чтобы не вызвать паники и недоразумений среди населения». — К тебе же эти маргоны не приходят по ночам?

— Ко мне нет. Но к моей знакомой... У нее вся стена увешана картинами о маргонах.

— Твоя знакомая, вероятно, уже в психиатрической клинике.

— Она сейчас находится в моем доме, в восемнадцатой квартире и занимается научной деятельностью, если это можно назвать так...

— Как зовут твою знакомую?

— Гиата Биос. Если она и безумная, то это ее обычное состояние.

— Вот как? Ты давно ее знаешь?

— Совсем недавно. Познакомился с ней очень странно. Мы вместе с Митрофаном, с тем самым анестезиологом, которого позавчера забрала «скорая», ехали на машине, а у обочины магистрали стояла женщина с ребенком на руках. Мне почему-то захотелось их подвезти. Митрофан еще высмеял меня: мол, напрасно рыцарствую. Но мы остановились, и она села. А потом началось...

Он рассказал все, как было, и задумался, вспоминая, не забыл ли чего!

— Ты переутомился, — спокойно сказал Микола. — Но если еще будешь у Гиаты, попробуй расспросить ее о маргонах. Любые мелочи могут оказаться полезными.

— Вы занимаетесь этим? — обрадовался Антон.

— Психозы, если их следует называть так... — начал Микола, но тут же и умолк. — Не волнуйся. Я уверен, что очень скоро удастся докопаться до первопричины.

— Расскажи. Я буду молчать, клянусь.

Микола посмотрел на брата устало и сочувственно:

— Я и сам ничего не знаю, Антон. К сожалению...

11

— В чем дело, Дирар? Ты слышишь, как они плачут?

— Воют. Голодные.

— А что случилось?

— Неисправность автоматической кухни. Это твоя вина, Мар.

— Что-нибудь серьезное?

— Не знаю. Но они все погибнут, если ремонт затянется.

— Неужели нельзя ничего придумать?

— Придумай.

— Вообще-то, меня давно беспокоила эта затея Чара. Зачем нужно было закладывать в генетическую программу каров потребность разрывать зубами каждого, кто захочет накормить их?

— Накормить — значит, приручить. Чару у таких, как ты, ума не занимать.

— Можешь не разоряться, он тебя сейчас все равно не слышит.

— Чар все слышит и все видит. Но если бы и не слышал, я все равно скажу, что Чар в твоих советах не нуждается. Он сам знает, что делать. Что это за оборотень, которого можно приручить...

— Пускай Чар все видит и все слышит, но я тоже хочу нормально существовать. Он далеко, а земляне близко! Каждая встреча с ними — как капля отравы. И меня это бесит!

— Успокойся.

— А что с теми вырожденками делать, если не будет отремонтирована вовремя система автоматического кормления?

— Не знаю. Может, придется уничтожить.

— И опять выхаживать новых? Эти уже доросли до запуска на Землю.

— Как жалобно плачут! Только недели через две мы сможем вживить им универсальные энергоблоки. И все это время кормить их нужно стационарно.

— Вызови Беларара. Он сумеет помочь. Превосходный робот.

— Сто седьмой! Приказываю выйти в тамбур сектора номер три! Сто седьмому приказываю выйти в тамбур третьего сектора!

— Включи аварийный сигнал.

— Сто седьмой! Приказываю немедленно выйти!

— Вызывай сто восьмого!

— Сто восьмой! Немедленно выйти в тамбур третьего сектора!

— Там что-то случилось. Беларар сразу вышел бы после вызова.

— Брунар, что со сто седьмым? Почему не выходит?

— Очень неприятный случай, маргоны. Я даже не успел доложить... Это произошло только что. Беларар имел неосторожность имитировать автоматическое кормление. И они его разорвали. Ведь это же кары! С ними нельзя расслабляться, а Беларар был слишком чувствительным роботом.

— Когда ты сможешь наладить автоматическое кормление?

— Точно не знаю. Без Беларара. Такого мастера нет.

— Понятно. Значит, каров нужно немедленно уничтожить.

— Послушайте сто восьмого!

— Что ты хочешь сказать?

— Я понимаю, что я обыкновенный робот, но... Мне кажется, не следует уничтожать каров. Предлагаю заслать эту группу на Землю недозрелыми. Они уже очень похожи на земных собак, и никто ничего не заподозрит. Можно считать это экспериментом. Возможно, некоторые из них сумеют дозреть на Земле, если удачно перейдут на режим самостоятельного питания.

— Ты толковый робот, Брунар. Спасибо за удачную мысль. Очень интересный эксперимент. Пускай теперь на Земле поломают головы, как из собак вырастают люди. Паника поднимется. Если выживет хотя бы несколько... Нужно доложить Чару. Думаю, эта идея ему понравится.

12

Председатель жилищного совета долго смотрел на Сухова-старшего.

— В определенном смысле я могу вас понять. Ваше удивление и ваш интерес... Дело в том, что я знаком с Гиатой.

— Вы давно ее знаете? — спросил Сухов.

— Сравнительно недавно. Но, надеюсь, вы согласитесь со мной, что для того, чтобы по-настоящему узнать человека... Одним словом, необязательно пуд соли есть всю жизнь. Не так ли?

— Так вы согласны со мной, что Гиата Биос — человек очень...

— Очень странный она человек, — решительно перебил его председатель. — С этим нельзя не согласиться. Но, впрочем, у вас гораздо большие возможности, — утомленно произнес он. — Поэтому вам, простите, больше оснований утверждать — большая она или здоровая. А я, увольте, в вундеркиндах не разбираюсь.

Сухов-старший заявил:

— Уверен, она не больная. Больных людей председатели жилсоветов не боятся.

— Вы ошибаетесь. Я не боюсь ее. Но мне, честно говоря, трудно определить свое отношение к Гиате Биос.

— Почему?

— Понимаете ли, жизнь меня научила: не следует быть слишком категоричным в своих утверждениях.

— Поверьте, я пришел к вам не просто так. Надеюсь, это понятно?

— Да. Но поймите и меня: я ее не боюсь. Она, конечно, очень интересная, сказал бы даже, привлекательная женщина...

Микола Сухов неожиданно для самого себя рассмеялся. Никак не ожидал, что беседа перейдет на тему об отношениях между мужчинами и женщинами.

— Простите, но мне, как представителю власти, сложно говорить...

— А от вас никто этого не требует! — заявил Сухов. — Меня не интересуют ваши личные отношения с Гиатой Биос. Я пришел к председателю жилищного совета и требую серьезного разговора.

— Вас удивляют ее эксперименты?

— Да. И то, в частности, что она вселилась в помещение трагически погибшей старой женщины. С вашей помощью вселилась. Имею основание подозревать, что смерть эта не была случайной.

— Для меня Гиата Биос не просто житель нашего города, она, как акселерат-вундеркинд, требует особого внимания. Ведь ей, — он перешел на шепот, — всего три с половиной года от рождения! Представляете? Я не видел никаких оснований отказывать ей в желании иметь собственную лабораторию. Но если вы настаиваете... давайте создадим квалифицированную комиссию...

Пауза затянулась. Сухов не знал, как теперь быть. Он впервые услышал, что не только Серафим Гиаты, но и она сама — акселерат-вундеркинд.

13

Сказать определенно, что он услышал какой-либо звук, Антон не мог. Ему лишь показалось, что прозвучал входной сигнал, и он поднялся из-за стола, дочитывая абзац в монографии «Особенности биохимических реакций и хирургических больных при длительном режиме искусственного дыхания».

Ощущение того, что кто-то стоит за дверью его квартиры, было настолько реальным, назойливым, что он приоткрыл дверь и выглянул. Никого.

И тут он услышал тихое повизгивание. На полу сидел маленький рыжий щенок, беспомощное живое существо.

Щенок скулил жалобно, настойчиво.

Антон наклонился, взял в руки маленький лохматый клубочек.

— Откуда ты такой?

Щенок как-то не по-собачьи пискнул.

— Как же тебя назвать? Рыжиком или... просто Приблудой?

— Тяв-ав!

— О, да ты уже с характером, — улыбнулся Антон.

Он внес песика в свою комнату, постелил на полу в уголке свой старый плащ, поставил рядом мисочку, накрошил хлеба и полил вчерашним бульоном.

— Спать, дружок, спать! Куда тебя утром дену, ума не приложу. Ну ладно, придумаем. Правда, Рыжик? Утро вечера мудренее.

Щенок слушал так внимательно, будто понимал каждое слово.

— Хочешь есть?

Приблуда подполз к мисочке, полакал немножко, а потом вновь поднял взгляд, словно спрашивал: есть еще или уже нельзя? Сухов с улыбкой смотрел на него. Затем нашел тюбик с пастой «Уни». Собачке паста понравилась.

— Смешной ты, Приблуда. Такой комичный. Ну, спать!

— Тяв-ав!

А утром Антон с удивлением заметил, что щенок заметно подрос за ночь. Бросилось в глаза и то, что цвет шерсти посветлел, стал уже не рыжим, а соломенно-желтым. Показалось, что и продолговатые черты собачьей мордочки вроде бы притупились. Однако Сухов объяснил все это своим переутомлением и буйной фантазией.

Он сменил воду в мисочке, попросил Веронику, которая выходила на работу чуть позднее, чтобы не сердилась за то, что взял Приблуду в дом. Жаль, мол, стало живое существо. И детям будет радость. Вероника, к удивлению Антона, не возмутилась и восприняла появление Приблуды просветленным, кротким взглядом.

— Такой милый песик!

Во взгляде Вероники — тепло и покладистость. Как в прежние времена. И всплыло в памяти давнее, волнующее. Захлестнула на миг томительная нега.

Сухов встрепнулся, с металлическими нотками в голосе проворчал:

— Мне пора бежать. А ты не обижай Приблуду. Пусть поживет у нас. Я постараюсь сегодня прийти пораньше. Если удастся.

Вероника оставила его обычные слова без внимания. Склонилась над рыжеватым щенком, ласкала его. Антону даже захотелось самому стать таким же рыжим, лохматым и бездомным.

Вечером Сухов убедился — собачонка действительно растет очень быстро. И не просто растет. Приблуда изменялся. Менялся цвет шерсти, менялся абрис мордочки.

— Что же из тебя вырастет, Приблуда?

— Тяв-ав-ав!

На следующее утро Сухов ушел из дома рано.

Витасик с Аленкой подошли к маленькому песику, по очереди погладили его.

— Какой ты забавный! Как хорошо, что к нам приблудился! Мне с тобой почти так же хорошо, как с Антиком. Даже лучше, потому что ты живой, хотя и не умеешь разговаривать.

— Тяв! Гав!

«Я с самого появления на свет знал их язык. Я оказался неполноценным, и единственное, что заложено во мне в полной мере, — это желание жить. Может, мне все-таки удастся стать настоящим каром — во всем похожим на людей и одновременно во всем отличающимся. Какое это счастье — знать, кем ты станешь завтра, послезавтра, знать свое предназначение, ощу-

щать развитый ум взрослого существа в маленьком тельце щенка...»

— Ты просто чудненький. Как же тебя назвать? Папа назвал тебя Приблудой, а нам не нравится.

— Гав!

— И тебе тоже не нравится? А как же тебя назвать?

«Я чувствую, как осыпается моя шерсть под их маленькими ладошками. Чувствую, как расту с каждой минутой, как меняются очертания моего тела...»

— Ну, мне нужно идти, песик. Аленку в садик отвести, а потом, до школы, обещал с товарищем встретиться. Завтра у нас контрольная по математике...

— Вечером мы с тобой поиграем, — весело перебила Аленка.

«И знаю, каким стану завтра. Каждую минуту, каждое мгновение я становлюсь СОБОЙ. Сходит с меня моя рыжая шубка, моя шерсть. Прекрасно!..»

Возвратившись вечером домой, Вероника не сразу сообразила, откуда взялись рыжие клочья на полу, на столе.

— Витасик! — позвала она. — Аленка!

Но детей не было дома. Вероника, не раздеваясь, взяла пылесос, включила его, и тут ее осенило — это шерсть Приблуды. Заглянула в комнату Антона, где она оставила щенка. Его там не было.

Случайно открыла шкаф и испуганно отпрянула. В шкафу, свернувшись, спало совершенно голое, без шерсти, существо. Ребра под розовой кожей ритмично поднимались и опускались.

Вероника стояла бледная, обескураженная. Приблуда вздрогнул, открыл глаза и порывисто, как это обычно делал Антон, сел. Именно сел, а не встал на лапы, свесив передние конечности вдоль туловища.

— А-а-ав...

— Что случилось? — хрипло выдавила из себя Вероника. И тут же поймала себя на мысли, что обратилась к собаке. Даже мурашки пробежали по спине.

— Авава! — зевнул Приблуда.

Веронике показалось, что собака улыбается.

— Что? Чего ты хочешь? Что с тобой произошло? Как все это понимать? — бормотала Вероника.

— Авава. Вава.

Чудище подошло к пылесосу и правой лапой — Веронике вдруг привиделось, что лапа Приблуды чем-то напоминала человеческую руку, — нажало на клавишу.

Стараясь не смотреть на Приблуду, Вероника взяла пылесос и пошла к мусоропроводу, выбросила, брезгливо морщась, ком рыжей шерсти.

Когда Вероника вернулась, Приблуда сидел на ковре, по-восточному скрестив ноги, морда его почти не походила уже на собачью, застывшая без движений фигура напоминала древнего идола.

Веронике показалось, что она совершенно теряет чувство реальности. Галлюцинации?

Приблуда махнул лапой и выдавил из себя:

— Бавар-р-р-р. Вевер-р-рон...

Он вновь улыбнулся, разинув пасть. И тут же разом обмяк, будто увял, повалился на левый бок и закрыл глаза. Казалось, что он умер. Но Приблуда дышал. Ровно, глубоко. Он спал.

С чувством жалости, омерзения и невероятного удивления Вероника отнесла Приблуду в кабинет к Антону, положила в углу на плащ.

Вечером принесли мертвого кота Юпитера. Вероника открыла дверь, предполагая увидеть мужа и собираясь сказать свое равнодушно-традиционное: «Где ты был? Я звонила в клинику...» — хотя никогда она в клинику не звонила, даже радуясь порою, что он не торопится домой... Но в тот поздний вечер, когда Приблуда так напугал ее, Вероника с нетерпением ждала Антона.

У двери стояли дети из их двора.

— Простите, это ваш кот? — печально сказал мальчик. — Мы случайно нашли его за трансформаторной будкой.

Юпитер расслабленно, как пушистая тряпка, лежал на руках мальчика.

Из комнаты выбежали Аленка и Витасик. Аленка расплакалась.

У Юпитера оказалось прокушенным горло. Маленькая, едва заметная ранка на шее под шерстью, окрашенной кровью.

Антон Сухов вернулся домой очень поздно. Жена и дети спали.

Он тихо вошел в свою комнату, включил свет и, повернувшись, остолбенел: за его рабочим столом сидел... Серафим.

Антон почувствовал, что его охватывает химерическое, жуткое состояние, как при встречах с Гиатой.

— Как ты оказался у меня?

— А ты не помнишь? Ты сам внес меня в эту комнату. Ты назвал меня Приблудой. Просто я немножко вырос с тех пор.

Темные круги поплыли перед глазами Сухова. Он пытался что-то понять.

— Ты не Серафим?

— Не знаю. Ты хочешь назвать меня Серафимом? Хорошо, я буду Серафимом. Спасибо тебе, что взял в свою комнату. Я погиб бы от голода, если бы еще немного полежал под дверью. Спасибо.

— Кто ты? — прошептал Сухов пересохшими губами, садясь на краешек дивана. — Как ты... Если ты и вправду... тот рыжий щенок... Как ты попал к моим дверям?

Ужас сковал его, и он уже не понимал, что говорит.

— Как попал? Не знаю. Но я все припомню. Завтра. Или чуть позже. А сейчас давай спать. Я хотел бы лечь с тобой. Можно? Мне не хочется спать на полу.

— Со мной?

— Да. Можно?

— Гм-гм... Сейчас я постелю. Подожди немного.

Антон вышел из комнаты медленно, но, как только прикрыл дверь, бегом на цыпочках кинулся в комнату Вероники. Не включая света, тронул ее за плечо. Она сразу проснулась.

— Антон? Наконец-то! Ты всегда так поздно приходишь... — В ее голосе, к большому удивлению Сухова, не было раздражения, звучали полузабытые, но так знакомые ему нотки... Как в пору их молодости. — Ты заходил уже в свою комнату?

— Да.

— И видел Приблуду?

— Да.

— Испугался?

— Расскажи, что тут произошло у вас.

— Я пришла с работы. Первое, что заметила, — клочья рыжей шерсти по всей квартире.

И Вероника рассказала все по порядку. И о Юпитере.

— Ты давно его видела?

— Кого?

— Приблуду.

— Говорю же тебе, что он уснул, и я положила его в твоей комнате. Это было вечером, в шесть.

— И после этого ты не заходила в комнату?

— Я боялась, Антон. Очень боялась. Даже дверь закрыла на ключ. И детям запретила входить.

Вероника долго не могла попасть ногами в пушистые тапочки.

Ручка двери казалась непривычно холодной.

Серафим сидел за столом и что-то рисовал на листке бумаги.

— Кто это?!

Вероника застыла на пороге, побледнела.

Сухову показалось, что и за прошедшие несколько минут Серафим еще подрос.

— Это он?

Сухов кивнул.

— Как же это, Антон? Как же это?!

Вероника вдруг закричала и бросилась бежать, но, запутавшись в длинной сорочке, упала в коридоре. Тело ее содрогалось, как от рыданий, но глаза были сухими. Антон подбежал, зажал ей рот ладонью.

— Детей разбудишь.

А она смотрела на него блуждающими глазами и, когда он убрал руку, начала бессмысленно повторять:

— Как же это, Антон? Как же это?!

— Я понимаю не больше тебя. — Сухов старался сохранить на лице маску беззаботного спокойствия. — Но ты успокойся. Разве так можно?!

Открылась дверь, и появились заспанные Аленка и Витасик.

— Что с мамой?

— Ничего. Спите, дети. Мама очень испугалась...

— Это я ее напугал! — прозвучал вдруг резкий голос Серафима. — Но я никого не пугал, одно мое присутствие... Простите. И большая благодарность за то, что не дали погибнуть от голода, холода и как там у вас говорится. Спасибо. И особенно вам, Вероника. Давайте знакомиться. — Серафим взглянул на детей, они, как маленькие галчата, разинули рты. — Ваш муж, Вероника, а ваш папа, дети, назвал меня Серафимом. Итак, я — Серафим! — Он протянул руку сначала Веронике, сидевшей на полу и смотревшей на все затаманенными глаза-

ми, потом Витасику с Аленкой. — Кстати, Витасик, не найдется ли у тебя штанишек и рубашечки? Видишь, я совсем голый, — Серафим похлопал себя по животу и звонко рассмеялся. — А сейчас нужно спать. Время уже позднее. Пошли, Антон.

Вероника через силу пыталась встать с пола. Сухов помог ей подняться.

— Антон, нам нужно поговорить. Помоги мне дойти до кровати. Мне плохо.

На кровать Вероника просто упала.

— Ты назвал его Серафимом?

— Да.

— Взял и назвал? Ты даже не удивился, не испугался. Как это понимать? — Вероника всхлипывала, часто дышала. — Ты знал, что так случится? Ты знал?!

— Я ничего не знал. Напрасно ты... Я тоже испугался сначала. Но... Этот, не знаешь, как и назвать его, напомнил мне мальчика, одного вундеркинда. И когда я вошел в комнату, мне показалось, что именно тот самый Серафим пришел ко мне. Понимаешь? Я обратился к нему, назвав имя знакомого. А он и говорит: «Если хотите, то зовите меня Серафимом». Вот и все...

— Мне страшно, Антон. Юпитера он загрыз! — внезапно закричала Вероника и сама себе закрыла рот рукой, а затем продолжила шепотом: — Я уверена, что он его загрыз. Твой Серафим.

— Оставь...

— Не мог же я без настоящей пищи гулять целый день. Я расту. — Серафим стоял в дверях комнаты, сложив руки на груди. — Я расту, вы сами видите. И мне многое нужно. Если бы я... Честно говоря, другого выхода у меня не было. А Юпитер — очень старый кот, старая кровь, старый мозг... Не понимаю, чего ради горевать. Ничто не вечно в этом мире. Зато у нас появилась счастливая возможность общаться. И поверьте мне, вы еще поблагодарите судьбу. Вот я немного подрасту и смогу стать вам очень полезным. Вот увидите, как славнo мы с вами проживем. При условии, понятно, если... не будем торопиться.

— Мамочка, — послышался умоляющий голос Витасика из соседней комнаты. — Мамочка, можно мы с Аленкой придем спать к тебе?

Серафим решительно подошел к Антону:

— Пошли и мы спать. Нам с тобой еще нужно немного поговорить. А они пускай успокоятся.

— Не волнуйся, Вероника, — попытался успокоить ее Антон. — Со временем все встанет на свои места. Любые химеры всегда имеют вполне реальные объяснения. Постарайся заснуть.

— Уходи! Убирайся со своим Серафимом! — прошипела Вероника, но Антон не обиделся и никак не отреагировал на ее грубость. Он сам едва держался, чтобы не сорваться и не закричать, подобно Веронике.

Когда они вошли в кабинет, Серафим по-деловому приказал:

— Запри дверь. Я уверен, что нас могут подслушивать.

Сухов запер дверь на ключ, пытаясь скрыть свое состояние. Достал из стенного шкафа постель. Движения его казались спокойными, предельно расчетливыми, Серафим наблюдал за ним, сидя в кресле.

Вдруг он воскликнул:

— Ну, хоть ты успокоишься наконец-то? Чего испугался? Ну, можно понять Веронику... — Серафим так искусно скопировал выражение испуганного лица Вероники, что Сухов криво улыбнулся. — А ты, как вижу, только бодрись. Я очень признателен тебе за все. Возьми себя в руки. Ничего страшного не случилось.

— Расскажи-ка лучше, кто ты и каким образом попал к нам?

— Сначала ты должен успокоиться.

— Я совершенно спокоен.

— Меня не обманешь. Я читаю твои мысли.

— Расскажи, как ты попал сюда.

— Сам не знаю. Но вспомню...

Сухов вздохнул. Судя по всему, поспать и восстановить силы перед завтрашней сложной операцией ему уже не удастся.

— Не расстраивайся, Антон, тебе хватит времени выспаться и отдохнуть, — сказал Серафим, улыбаясь. — Тебе хочется знать, как я попал сюда? Слушай. Мне помнится ночь, глубокая, темная, как колодец. На дне того колодца лежит мое имя. И легкое дуновение звездных мелодий колыбель мою в пространстве качает. Я помню ночь. Ночь зарождения амебы по повелению высочайшего творца. Прикосновенья помню рук железных к смятенному и теплому лицу... Ну, как я импровизирую? Не правда ли, очень талантливо? Я — вундеркинд. Продолжать?.. Да, помню все, хоть ничего не знал я, запомнилась мне ночь, вобравшая в себя день первый. Голод, страх и жажда — мне не забыть нигде и никогда. Жуть космоса не стала мне преградой, я выжил — и к людям...

— Погоди, Серафим. Завтра мы встанем пораньше, — перебил Сухов, — и до начала моей работы заглянем с тобой к моему товарищу, он сам биолог, известный ученый, ему интересно познакомиться с таким вундеркиндом, как ты... Возможно, ты останешься с ним...

— А вот этого я тебе не советовал бы делать.

— Что-о?

— Не советовал бы тебе избавляться от меня. Это не в твоих интересах. Будет очень жаль, если ты поймешь это слишком поздно... Юпитер мог бы тебе кое-что рассказать, если бы он был жив и умел разговаривать. Но, к сожалению или к счастью, те, на кого разгневался Серафим, уже не хотят ничего рассказывать, не желают делиться своей мудростью. Ты меня понял?

— Ложимся спать! — зло приказал Сухов.

— Ты действительно ничего не понял? — произнес Серафим и, внезапно приподнявшись с кресла, прыгнул легко и грациозно почти через всю комнату...

Оказавшись рядом с Антоном, сразу же укусил за шею.

— Теперь понятно? Но сегодня ничего не бойся. И вообще никогда не бойся, если станем друзьями. Искренними друзьями! Договорились? А о себе я расскажу завтра.

Выключили свет и легли вместе, как настоял Серафим. Но за-
нуть Сухову не удавалось. Он лежал неподвижно с закрыты-
ми глазами, стараясь глубоко и ровно дышать. Серафим при-
жался к нему своим маленьким тельцем. Сухов неимоверным
усилием воли сдерживал внутреннюю дрожь всего тела, опа-
саясь пароксизма истерических конвульсий. Внушал себе уми-
ротворенность и спокойствие... Но безрезультатно. Сердце бе-
шено колотилось. В голове стоял гул. Серафим несколько раз
за ночь тихо спрашивал:

— Почему не спишь?

Но Сухов ничего не отвечал ему.

— Не хочешь со мной разговаривать? Ну, как знаешь.

Утром, выбравшись из-под одеяла, Серафим спросил:

— Мне кажется, ты согласился со мной. Правда? Оставь мне
поесть, да побольше, а сам иди на работу. Я тебя буду ждать.
И не вздумай наделать глупостей! — сказал поучительно, под-
няв палец.

Антону нестерпимо захотелось стукнуть вундеркинда и
пнуть еще ногой, как нашкодившего щенка. Но сдержал себя.
Посмотрел искоса: почувствовал ли Серафим его порыв? По-
казалось, что тот ничего не заметил. Это его успокоило.

— Ладно, — сказал он. — Поесть найдешь в холодильнике.
Да на плите Вероника всегда что-нибудь оставляет. Ты, я ви-
жу, такой, что не пропадешь. До вечера.

14

Во время операции Сухову стало плохо. Перед глазами по-
плыли фиолетовые круги, затем красные, а потом начала на-
валиваться серая пелена забытья. Сухов успел отойти от опера-
ционного стола, сел на стульчик и потерял сознание. Коллеги
с трудом привели его в чувство. Другие бросились искать ему
замену, опасаясь за больного, оставшегося на столе.

После третьего укола Антон Сухов наконец открыл глаза.

— Простите, хлопцы... Что со мною?

— Как себя чувствуешь? Отвезти тебя домой или полежишь
немного в родной клинике?

Ложиться в палату Сухов отказался, но и возвращаться
домой...

— Я малость посижу. А там видно будет.

Он колебался: не рассказать ли прямо сейчас обо всем? По-
нимал: говорить можно не с каждым. Прежде всего нужно
связаться с братом, пусть Высший Совет Земли решает, какие
службы поднять на ноги. Но в то же время Сухова не остав-
лял страх. И за себя, и за детей. Вдруг вспомнил прикоснове-
ние зубов Серафима к своей шее... Начал убеждать себя, что
не следует спешить, нужно сориентироваться. Может, сами со-
бой улягутся страхи, разрешатся проблемы? Но чувствовал: са-
мо собой ничего не произойдет. «Почему я сейчас такой? —
спрашивал мысленно себя. — Как послушная кукла. Я — по-
слушная кукла. Юпитера нашли убитым. День солнечный.
Все вокруг как в кривом зеркале. Трудно дышать... А дома
ждет Серафим. Нужно немедленно позвонить Миколе! Кружит-
ся голова. Нет, подожду, страшно...»

— Я поеду домой, хлопцы. Простите. Все будет хорошо.

По дороге в машине-такси у Сухова пошла носом кровь.

«Случись это несколькими минутами раньше, меня бы госпитализировали, — подумал Сухов. — И, пожалуй, так было бы лучше. Дома Серафим. Без присмотра... Страшно подумать...»

Подойдя к двери, Антон долго стоял в нерешительности, опасался заходить, боялся увидеть то, что и представить себе трудно.

Однако ничего не случилось. И Серафим почти не изменился, хотя и порос заметно, но никаких метаморфоз с ним не произошло.

Серафим вышел к Сухову из его кабинета, одетый в старый костюм Витасика, с книжкой в руках.

— Молодец, Антон. Сегодня ты не поздно. А я читаю. Заинтересовался «Диалектикой существования». У тебя неплохая библиотека. Мне нравится у тебя.

— Ты что-нибудь ел?

— Да. Спасибо. Я прекрасно позавтракал. Я съел твою Веронику.

Антон побледнел.

— Ну какой же ты... Пошутил я. Все в порядке с твоей Вероникой. Витасик в школе. Аленку я сам в садик отвел...

— Ты отвел?

— А почему ты удивляешься? Или недоволен? Мог бы и сам отвести дочку в садик пораньше, — произнес Серафим, точно копируя интонации Вероники, когда она в плохом настроении.

— А как Вероника восприняла это?

— Вероника? Она уже не боится меня. И даже полюбила. С ней мы ладили. Не волнуйся. Пошли к тебе в кабинет, нужно серьезно поговорить.

Взяв Антона за руку, Серафим повел его в кабинет.

— Садись. Вчера ты хотел услышать, откуда я свалился на твою голову. Сейчас все расскажу. Но слушай внимательно, не торопись с выводами. И... верь каждому моему слову, иначе сказанное потеряет всякий смысл.

— Продолжишь читать свою поэму? — довольно грубо перебил его Сухов. — Я помню ночь, и колыбельку, и колодец... Так, кажется?

— Напрасно иронизируешь, — чеканя каждое слово, произнес Серафим. — Это лишний раз доказывает то, что земляне пребывают на низком уровне развития. Вот так, Сухов. Надеюсь, ты все же понял из моих слов, что я существо неземное. Но создан подобно землянам.

Сухов опустился в кресло за столом.

— Почему ты такой бледный? Плохо чувствуешь себя?

— Устал очень.

— Может, отдохнешь?

— Нет. Все в порядке. Рассказывай дальше.

— Я действительно помню ту ночь, когда меня создали. Мне кажется, что помню себя даже одноклеточным. Вокруг — какая-то мерцающая темнота, живая темнота. — Серафим, зажмурив глаза, говорил приглушенно, заговорщически. — Я чувствовал, понимал ту темноту всем своим существом, всем телом.

Она была доброй, та ночь, ночь моего рождения. Клетка разделилась, и поначалу мне казалось, что я стал существовать в двух особях, но очень быстро понял: мы настолько зависимы друг от друга, что составляем нерасторжимое целое. Потом каждая из этих клеток разделилась, затем следующие... Я очень быстро привык к собственной множественности. Антон, дай мне, пожалуйста, лист бумаги и карандаш... Благодарю... Итак, я постепенно рос. И вот, в какое-то мгновение ночь взорвалась — и я прозрел. Я не был от этого в восторге; каждая клеточка болела. Но мне предстояло развиваться дальше. — Серафим говорил и одновременно рисовал что-то на бумаге. — Знаешь, Антон, как странно и неприятно сознавать собственные щедеушие и уродство. Огромная голова, хвост...

Отложив карандаш, Серафим протянул Антону рисунок.

— Вот посмотри, нравятся тебе такие существа?

На рисунке было изображено нечто походившее на спрута или кальмара, но щупальца располагались по три — сверху и снизу.

— Милое созданище... Это ты таким был?

— Нет. Таким я не был. Но скажи честно, что ты подумал бы, если бы встретился с таким вот, но только живым?

— А где же твоя способность читать мои мысли?

— Мне хочется, чтобы ты сам сказал это. Чтение мыслей требует много энергии.

— Я тебе уже сказал: милое созданище. — У Сухова по коже побежали мурашки. Он прекрасно сознавал: все это не сон, не бредовые видения, но воспринимать болтовню Серафима серьезно никак не мог.

— Короче говоря, вот так выглядят те, кто создал меня. Вообще-то, они могут приобретать любые формы, превращаться в кого угодно, но на самом деле они именно такие, как я нарисовал. Они — вершина совершенства... Но, знаешь, мне нужно хорошенько поесть, а потом мы закончим разговор. Скажу только, что называют они себя маргонами. Прилетели из невообразимой дали. Они очень разумные, мудрые существа. Хотят осесть на Земле, хотят поднять землян на высший уровень развития. И ты, Сухов, должен помочь мне, помочь маргонам... Ну, пошли есть!

Серафим жадно глотал все подряд и никак не мог наесться. Впивался зубами в пищу и рвал ее, как дикий зверь. И чему-то улыбался.

— Спасибо, Сухов! — сказал он наконец. — Итак, продолжим. Маргоны — это далекая высокоразвитая цивилизация, которая стремится помочь землянам в их развитии.

— Прости, Серафим, мне странно и смешно, даже дико, но... Я вынужден говорить с тобой, как с совершенно взрослым, умным существом. Скажи мне, почему маргоны ведут переговоры с землянами через таких, как ты? И кто ты сам? Если ты хочешь, чтобы я что-нибудь понял, должен говорить конкретно и ясно.

— Еще конкретнее и еще ясней? — Серафим двусмысленно улыбнулся. — Очень странный ты человек. Даже мысли твои читать трудно.

— Это потому, что читать нечего, — пробурчал Сухов. —

Когда кто врет, я и сам прекрасно знаю. Состояние говорящего чувствую. Но хватит болтать... И пусть тебя не удивляет, что очутился ты именно под моей дверью. О маргонах мне известно, пожалуй, побольше, чем тебе, — сказал и пристально посмотрел на Серафима, ожидая его реакции.

Как и предполагал Антон, Серафим насторожился.

— Не понимаю, о чем ты...

— Чего ты, собственно, не понимаешь? Я сказал вполне определенно, без всяких намеков.

— Что ты знаешь о маргонах?

Сухов припоминал разговоры с Гиатой, ее картины на стенах.

— Тебе хочется услышать о маргонах от меня? — спросил Антон с иронией. — Так слушай! Они... зеленые. Форму их тела ты нарисовал правильно, — продолжал издеваться над Серафимом Антон, удивляясь, как это ему удается.

— Да, они и вправду зеленые, — пробормотал вундеркинд.

— Но временами их окраска может несколько меняться и...

— Появляются розовые оттенки, — быстро перебил Серафим, видимо, опасаясь, как бы Сухов не заподозрил его в недостаточной осведомленности.

— Я немало знаю. Знаю, наконец, что ты не маргон, — сказал Сухов, внимательно всматриваясь в лицо вундеркинда: не ошибся ли?

Серафим отвел в замешательстве взгляд в сторону.

— Да, я не маргон. Я — кар. Дитя их разума. Я — рабочий, исполнитель их воли. — И вдруг Серафим расплакался. — Ты не представляешь, Антон, как мне было жутко неделю назад. Неимоверный голод терзал! Ты знаешь, что такое настоящий голод! Я знаю!

Они стояли посреди кухни. Серафим прижался к Сухову и плакал. Антон четко ощутил: всего какой-то миг отделяет его от безумия. Но, собрав всю волю, переборол внутреннюю слабость, понял свое преимущество в этом невообразимом диалоге, и это его успокоило.

— Я мог умереть. Заснуть и погибнуть... Но спасибо...

— Мне спасибо, — тихо, но властно произнес Сухов. Чувствуя искренность слов Серафима, увереннее перешел в наступление.

— Да-да, тебе спасибо, Антон.

Серафим крепче обхватил колени Сухова, его тельце вздрагивало от рыданий.

— Я н-не знал... Я... я не мог знать. Мне... мне просто снилось, что я все знаю. В меня заложены какие-то начала знаний...

— Какая-то программа, — строго перебил его Сухов.

— Ты — маргон! — благоговейно прошептал Серафим.

Сухов многозначительно насупил брови и строго уставился на вундеркинда, как на пациента, нарушившего предписанный режим.

— Не мне ли ты хотел рассказать о далеких пришельцах и их желании помочь людям в развитии?

— Прости... Прости меня. Я уже ничего... Спасибо!.. Не дай мне погибнуть. Мне хочется жить... — твердил он, смеясь. — Если бы ты знал, как страшно умирать от голода,

страшно не выполнить своей программы. Меня выбросили за борт, красиво выбросили... Они боялись, что мы... что я...

— Успокойся, Серафим. Все образуется. Лучше расскажи мне о чем-нибудь.

— Что ты хочешь услышать? Я все скажу.

— Ты знаешь Гиату Биос?

— Не знаю. Правда. Я не знаю ее. Кто она?

— В чем твоя миссия на Земле? — грозно спросил Антон. — Мне кажется, ты многое забыл и ведешь себя слишком беззаботно.

— Мое наз... Моя миссия? Ну... как и у каждого кара.

— Неужели? — Сухов заставил себя пренебрежительно усмехнуться. — Придется проверить, что ты вообще знаешь, кроме импровизации про ночь, колодец и колыбель. Итак, я слушаю.

— О чем ты хочешь услышать, Антон?

— Не скули! Живое: земное назначение каждого кара. Повтори слово в слово. Мне кажется, что у тебя не голова, а решето!

— Слово в слово? — переспросил вундеркинд, и Сухову на миг показалось, что он хватил лишку. Но успокоил себя, решив: инициатива пока в его руках. Страх сменился отвагой.

— Да, слово в слово, четко и однозначно.

— Каждый кар, соответственно с ситуацией принимая то или иное обличье, — затараторил Серафим, судорожно всхлипывая при вдохе, — должен разграничивать всех землян на две категории: кто сможет работать на маргонов и кто работать на маргонов не сможет... Первые остаются жить под постоянным надзором и контролем каров, вторые — уничтожаются, соответственно с ситуацией... их мозг и кровь используются для питания вновь создаваемых каров...

— Так. Все правильно, — прервал его Сухов, неимоверным усилием воли сдерживая дрожь в голосе. — А конкретно твое задание?

Серафим долго сосредоточенно молчал, изучающе глядя на Сухова.

— Да, припомни. Иначе я не гарантирую, что все закончится для тебя нормально.

— Мое задание?

— Да! Да! Чем ты отличаешься от других каров?

— Чем я... я отличаюсь? Ты знаешь? Чем... Чем... — бессмысленно повторял Серафим и вдруг опять расплакался: — Не убивай меня... Я хочу жить. Не я виноват, что во мне дефект. Я очень старался... Дай мне еще поесть, Сухов! Только придумай что-нибудь настоящее, ты же знаешь, что всем растущим карам нужен мозг и кровь. Тогда я стану каром. Вот увидишь! Антон, еще одного Юпитера... Хотя бы... Возможно, только этим и отличаюсь. Я не могу пока принимать живительную энергию маргонов... Пока не могу! Мне нужны мозг и кровь... Красная кровь... Пожалей меня...

— Ну ладно, пошли в кабинет. Я сделаю тебя настоящим каром.

Сухов опасался лишь одного — вдруг наркотический препарат, который он держал дома для хозяйственных нужд (в основ-

ном для мытья кистей и пульверизаторов после ремонтно-художественных авралов Вероники), окажется недостаточно действенным. Откуда ему знать, какой организм у каров? Стоит только Серафиму догадаться... Из комнаты не выйдешь. И позвонить никуда не успеешь. Одолеть тщедушного с виду противника Сухов не надеялся. Представились почему-то поединки с ядовитыми змеями, хищными зверями, и воображение буйно рождало лишь драматические картины... Надежда теперь на «средство для отмывания малярных кистей».

— Давай побыстрей. Я вижу, что уже пора, — уверенно говорил Сухов. — Спустя несколько минут ты станешь настоящим каром. Несложная процедура — и ты сможешь получать энергию от маргонов.

В кабинете Антон открыл флакон фторотана, плеснул на вату и протянул ее Серафиму.

— На, подыши немножко. Ложись вот здесь и дыши. И разговаривай со мной. Все время говори. Говори обо всем, что чувствуешь.

Серафим послушно взял вату и поднес ее к носу.

— Как неприятно пахнет, — сказал он, но вдохнул глубоко. — Что это такое?

— Потом расскажу... Не теряй времени. Здесь все: и мозг, и кровь — все, что тебе нужно. Скоро ты станешь настоящим каром.

— Спасибо тебе. Я знал, что Дирар говорил мне правду. А он говорил: «Не бойся, малец, все будет хорошо. Мы позаботимся о тебе. Все будет хорошо. Вот увидишь».

— Дыши, дыши. Глубоко дыши.

— Да. Я дышу. Интересное ощущение. Будто я отрываюсь от всего, зависаю в воздухе. И лечу...

Антон еще раз плеснул из флакона на ватку.

— Говори, все время говори, все время говори. Слышишь меня?

— Слышу... Как тебя звать на самом деле? Ты давно на Земле?

— Давно. Сейчас для тебя другое важно... Дыши глубже...

Серафим закрыл глаза и улыбался.

«Это мое счастье, что фторотан подействовал. Пройдет еще несколько минут, и он уснет. Я позвоню... и этот ужас закончится».

— Я лечу. Я проваливаюсь в черный колодец. Я рождаюсь вновь, нахожу свое имя. — Серафим громко смеялся, открыл глаза, а Сухов еще раз подлил фторотана.

«Ну, еще немножко. Дыши поглубже. Сейчас пройдет стадия возбуждения... Давай, давай, Серафимчик, дыши глубже».

— Я лечу. Спасибо тебе. Я хочу жить. Я лечу. Я птица высоко в поднебесье. Как тебя звать, Сухов? Ха-ха-ха-а... Спасибо. Лебеди летят в глубокий колодец. Летят... Ночь... Ночь, вобравшая в себя день. Лечу, оставив позади голод, страх. Теперь все позади!..

— Ты проснешься настоящим каром.

Но Серафим никак не засыпал. Лежал с улыбкой на губах.

Антон был на грани реального и неизвестного... вновь наплывало беспамятство. Перед глазамиплыли темные круги. Что-то

теплое стекало по губам. Антон коснулся губ ладонью и увидел кровь. Он быстро отвернулся, чтобы вытереть ее тайком. Но Серафим успел заметить:

— Маргон?! Что я вижу? Красная кровь? И белые лебеди... Ты обманул меня, Антон?!

В несовершенной памяти Серафима вспыхивали вполне реальные ассоциации.

«Он не маргон. Красная кровь. У маргонов — зеленая! Он меня уничтожит. Я лечу. Белые лебеди в черный колодец... Я пью... Приходит... последний шанс! У него вкусная красная кровь. Хватит ли сил высосать его мозг? Хватит ли сил?»

Серафим отшвырнул вату с лица, вскочил. Но покачнулся и упал на диван. Сухов навалился на него всем телом, начал лить фторотан прямо на лицо. Вундеркинд кричал, вертел головой, но с каждой минутой становился все более вялым, успокаивался. Когда он обмяк, Сухов почувствовал смертельную усталость.

Когда Антону показалось, что кар перестал дышать, он метнулся в кладовку за капроновой веревкой и начал связывать Серафима, туго обматывая маленькое тельце. Завязав последний узел, подбежал к видеофону, торопливо набрал центральную справочную службу:

— Как связаться с Высшим Советом Земли?

Девушка любезно назвала ему номер и тут же спросила:

— Какой конструкции у вас аппарат?

— Сорок два В-Д-Р. А почему вы спрашиваете?

— Нажмите розовую клавишу на центральной панели.

— Благодарю. Я не знал... Забыл...

Антон Сухов нажал клавишу. Почти сразу же на экране появилось лицо худощавого человека:

— Европейский филиал Высшего Совета слушает.

Сухов уставился на экран, не имея сил произнести ни слова.

— Слушаю вас.

— Приезжайте немедленно, приезжайте! — бормотал Антон и скороговоркой назвал адрес. — Мой брат Микола Сухов... сообщите...

Серафим слегка пошевелился.

— Что у вас произошло?

— Я не знаю. Ничего не понимаю... Приезжайте... Вооруженные! Миколу скажите обязательно! Разыщите его!

— Вот как?! — поднял брови дежурный на экране.

Прежде чем отключилась связь, Антон успел еще услышать: «Седьмая спецбригада — срочный вылет!»

Серафим открыл глаза, впился в Сухова невидящим взглядом, но уже через несколько секунд его взгляд стал осмысленным, *этим*.

— Ну так что, Сухов? Ты, верно, думаешь, что поймал меня? Антон молчал.

«Интересно, слышал ли Серафим разговор по видеофону?»

— Но я не все тебе успел сказать. Очень жаль, что мы не стали друзьями. Жаль. Но я тебя предупреждал...

Сухов бросился за другим флаконом фторотана. Когда вернулся, увидел, что Серафим уже освободил правую руку от пут. Тело кара удлинилось, становилось тоньше.

Пока он стоял, ошарашенный увиденным, кар освободил вторую руку. Флакон фторотана выпал из рук Антона, но не разбился, фторотан тонкой струйкой вытекал на пол, наполняя воздух специфическим сладковатым запахом.

Сухов совсем растерялся, не зная, что предпринять. Понимал, что теряет драгоценные секунды...

Седьмая специальная бригада прибыла через пять минут.

Входная дверь была распахнута.

Антон Сухов лежал на полу. На шее и на затылке у него были небольшие ранки, из которых сочилась кровь. Воздух был наполнен парами фторотана.

...В скверике перед домом, на детской площадке сидел мальчик лет шести и напевал песенку: «Как весело живется нам в поле среди трав...»

Когда в распахнутую пасть санитарной машины укладывали тело Антона Сухова, мальчик подошел вместе с другими детьми и спросил:

— Что это с дядей Антоном?

Ему никто не ответил.

15

Служба Околосолнечного Пространства наконец вновь заметила зону искривления. Все пункты наблюдения находились в состоянии полной готовности. Заметить в сотнях километров от Земли практически невидимый объект — дело трудное.

Таинственных пришельцев зафиксировали одновременно три патрульные машины. За несколько дней до этого на расширенном заседании Совета было решено: при обнаружении зоны искривленного пространства и в случае отказа неведомых существ вступить в контакт использовать все средства для уничтожения объекта.

Машины Высшего Совета окружили колеблющуюся, как марево, шаровидную зону. Всеми имеющимися сигналами требовали выйти на связь, но неведомые существа не отвечали.

...Мар с Дираром находились в крайне угнетенном состоянии. Они знали о решении Высшего Совета Земли и надеялись лишь на то, что землянам не удастся их обнаружить, по крайней мере так быстро. И вот настало время решать: как поступить? Надеяться на помощь или совет Чара не приходилось: времени не оставалось. Да и что им могли посоветовать на расстоянии многих световых лет? Вступить в неравный бой? Выйти на связь и согласиться на контакт? Бессмысленно. Они знали, что земляне догадывались о происхождении вундеркиндов, о причине массовых психозов. Согласиться на контакт означало в лучшем случае, как считал Дирар, стать живыми экспонатами одного из земных музеев.

— На Дираузе было веселее, — мрачно произнес Дирар.

— Не вспоминай. Мы тогда были намного моложе... А теперь я совсем не знаю, что предпринять.

- Попытаться сбежать? Теперь, пожалуй, и это не удастся.
- Не удастся.
- Если и сбежим, то Чар нам этого не простит.
- Может, все-таки пойти на контакт? Схитрить?
- Земляне нам не простят всего, что мы тут натворили.
- Что же делать?
- Есть один выход. — Мар поднялся и подошел к центральному пульту.
- Не-ет! — завопил Дирар.
- Единственный выход...

Шар дрожащего пространства ярко вспыхнул, заполнив все вокруг голубым сиянием. На экранах внешнего обзора появились контуры громадного расколотого ореха.

После самоуничтожения неведомого космического объекта Земля стала полниться слухами о множестве фантастических смертей: люди умирали внезапно, в самых неожиданных местах и позах, усыхая на глазах. Это погибали кары, лишённые энергетической поддержки из космоса. Как стало известно после всестороннего изучения остатков неизвестного объекта и этих умирающих каров, каждый из них имел вживленный универсальный энергетический блок, который питал организм кара лучистой энергией определенной частоты от генератора, расположенного на борту околоземной базы маргонов. Маргонам было необходимо держать всех каров в зависимости от себя, обеспечивая их жизнедеятельность со своей базы. Вундеркинды-акселераты, развиваясь сами и воспитывая новых каров, должны были сформировать абсолютно зависимое от маргонов могучее, жестокое ядро.

...Председатель жилищного совета нажал кнопку вызова, но в помещении никто не отзывался. Дверь оказалась незапертой.

Члены комиссии зашли друг за другом и первое, что увидели, — ребенка лет шести, лежавшего ничком на полу. Лицо его напоминало воздушный шарик, из которого выпустили воздух.

Гиата Биос сидела на стуле, положив руки и голову на стол. Будто заснула. Когда до нее дотронулись, тело покачнулось и упало. Пожалуй, даже не упало, а шурша, опустилось. Словно сбросили со стула зеленоватое платье Гиаты.

Сухов-старший, осунувшийся, желтый, с черной траурной ленточкой на лацкане форменной куртки, тоже был членом комиссии.

— Вы были правы, — тихо сказал председатель жилсовета. — Необходимо было раньше вмешаться...

Сухов ничего не ответил, остановился над телом Гиаты, достал камеру видеозаписи.

Он фиксировал все, что казалось заслуживающим внимания. Особенно долго задержался возле картин, висевших на стенах.

Богомил
РАЙНОВ

УМИРАТЬ— В КРАЙНЕМ СЛУЧАЕ

РОМАН

Обстановка в комнате довольно безликая, если не учитывать изобилие нейлоновых шкур, сложную стереофоническую установку, стоящую на комоде, и множество пластинок. Но кто сегодня не имеет подобной аппаратуры. И кто в наши дни устоит перед искушением произвести этот модный продукт — шум?

Окончание. Начало в предыдущем выпуске.

Хозяйка квартиры, ненадолго исчезнувшая в кухне, в этот момент появляется с огромным подносом в руках.

— Что это вы разлеглись, Питер! Идите помогите мне.

Я принимаю поднос, заваленный холодными закусками, сыром, рыбой и мясом, а Линда возвращается в кухню за чаем и кофе.

— Мы будем завтракать или обедать? — спрашиваю я просто так, из чистой любознательности, когда мы усаживаемся за низкий столик.

— Лично я собираюсь объединить это, — отвечает мисс Грей, намазывая маслом тост.

Объединение это — чистая аномалия, которая у мисс Грей давно превратилась в неизбежную повседневность. Ранний послеобеденный час моего появления для нее равнозначен раннему утру, и день начинается с этого момента, проходя в хозяйственных делах, походах по магазинам, чтобы закончиться на рассвете, когда приличные люди видят свои последние сны, самые сладкие, как всякий десерт, перед звонком проклятого будильника.

— Что-то у вас сегодня мрачный вид, Питер, — замечает Линда к концу завтрака. — Что с вами? Вам не по себе от плохой погоды или вчера вы выпили лишнее?

— К подобным мелочам я давно притерпелся. Скорее, меня мучают некоторые философские мысли и в наибольшей степени — мысли о смерти.

Линда смотрит на меня испытующе, — ах, эти бирюзовые глаза, в которых можно утонуть с первого взгляда.

— А откуда у вас эти философские мысли?

— Понятия не имею. Может быть, потому, что вчера вечером едва избежал встречи с этой всеобщей тетушкой — смертью. — После чего в нескольких словах пересказываю случай с Райтом. И заканчиваю: — Кажется, за дружбу с вами я должен дорого заплатить, Линда. Правда, это естественно. Женщина вашего уровня...

— Не говорите глупостей, Питер! — перебивает меня дама. — Между мной и этим Райтом никогда ничего не было. Понимаете: абсолютно ничего!

Завтрак закончен.

— Какую музыку вам поставить, пока я буду одеваться? — спрашивает мисс Грей. — Наверное, что-нибудь веселое, чтобы отвлечь вас от мыслей о вашей любимой тетушке?

— Вовсе нет. От веселых мелодий мне становится грустно. К сожалению, и от грустных мне не делается весело. Вообще, если хотите, мне более всего нравится тишина.

— Вы совершенно не чувствуете музыки, — делает вывод дама, отправляясь в дальнюю часть холла, служащую ей спальней.

— Это верно, я не чувствую особой любви к песням. Зато к певицам, в особенности к одной из них...

— Замолчите, лгунишка!.. — обрывает меня Линда, сбрасывая халат, чтобы заняться этим ежедневным женским бременем — одеванием.

Художник Геннадий НОВОЖИЛОВ

Выходим из дома, дождь уже перестал. Ветер гонит низкие мокрые тучи за горизонт. Мы пересекаем Чаринг-кросс и направляемся в Пиккадилли.

— Скажите, Питер, если ревность Райта — блеф, почему он хотел убить вас? — спрашивает дама.

— Ревность Райта действительно существует, — отвечаю я. — Только это ревность служебного характера.

— Вы собираетесь занять его место?

— У меня нет подобных претензий. Но что делать, если в данный момент я нужнее Дрейку, чем Райт, и он предпочитает обсуждать все не с Райтом, а со мной.

Она не отвечает, и некоторое время мы шагаем молча по мокрому асфальту Шетсбери-авеню. Пока мисс Грей вновь не берет слово:

— Я до сих пор никогда вас не спрашивала, и, конечно, вы можете мне не отвечать, но вы действительно хотите связать свою жизнь с этим ужасным человеком, Питер?

— О, «всю жизнь»! Не нужно этих слов, Линда. Что значит «всю жизнь»? И вообще, что думать о завтрашнем дне, когда вы и сами знаете, что наше завтра ненадежно.

Она не отвечает. Точнее, отвечает, лишь когда мы приходим на Пиккадилли:

— Нет, я правда не могу вас понять. Вы затесались в этот квартал, словно нарочно, чтобы покончить жизнь самоубийством, но стараетесь придать самоубийству вид несчастного случая. Нет, Питер, честное слово, я вас не понимаю.

* * *

Когда следующим утром я прихожу к шефу по его вызову, узнаю, что он взял на себя гуманитарную миссию примирителя:

— Нужно стабилизировать отношения между вами и Райтом, дорогой мой, — объявляет Дрейк. — Я знаю, что, кроме служебных, люди имеют право на личные отношения. И я не хочу, чтобы одно мешало другому.

— Что касается меня, то я не имею ничего против вашего секретаря, — спешу я его уверить. — Особенно если он перестанет ломать голову над проблемой, как укоротить мне жизнь.

— Об этом не беспокойтесь, — произносит шеф. — Эта проблема не будет больше его занимать. И я рад узнать, что вы незлопамятны. Вы похожи на меня, Питер, — принципиальны, но незлопамятны.

Шеф смотрит на часы и говорит:

— Куда, к черту, подевался этот Ал? Уже полчаса, как я послал его за Райтом.

Он идет к столу и нажимает невидимую кнопку. Никакого результата.

— И Боб не отвечает, — досадует Дрейк. — Будьте любезны, Питер, сходите к нему и велите сейчас же явиться ко мне. Вы ведь знаете, где его контора: там, в подвале, где вы лечили свои нервы.

Выполняя его распоряжение и спускаюсь в подвал. В коридоре темно, но из щели под дверью помещения, где я, по выра-

жению шефа, «лечил свои нервы», пробивается свет. Делаю несколько шагов, нажимаю на ручку двери и вхожу. И как только вхожу, что-то внезапно обрушивается на меня сверху. Что-то очень тяжелое и сильно пахнущее одеколоном «Сирень».

Придя в себя от изумления и взглянув под ноги, куда упал свалившийся на меня предмет, я обнаруживаю, что это не что иное, как бездыханное тело агента похоронного бюро Джона Райта. Он уже не сможет присутствовать ни на чьих похоронах, кроме собственных. Крови не видно. С ним покончено самым экономичным способом, так, чтобы не запачкать безупречно черный костюм потерпевшего. Если судить по сине-красным рубцам на шее жертвы, смерть последовала в результате удушения посредством платка или веревки.

Я, конечно, не судэксперт и такие подробности меня не интересуют, так что я предпочитаю оставить, и как можно скорее, злосчастную камеру, не забыв на всякий случай стереть носовым платком отпечатки пальцев с ручки двери.

— Я не нашел Боба, — сообщаю шефу, снова оказавшись в кабинете со спущенными портьерами. — Зато нашел Райта. С ним ничего особенного не случилось, кроме того, что он чуток умер. Что, разумеется, вам известно.

— Известно? — поднимает брови Дрейк. — Вы странный человек, Питер. Откуда мне может быть известно, что происходит внизу, в подвале.

Все же в своем лицемерии он не доходит до того, чтобы спросить, каким образом совершено убийство. Только уныло качает головой и бормочет:

— Бедняга Райт... Бедный мальчик...

В этот момент кто-то стучит в дверь. Но вместо того, чтобы прорывать обычное «войдите», Дрейк делает несколько шагов и высовывает голову. Затем берет что-то, что подает ему невидимый посетитель, закрывает дверь и возвращается к письменному столу, не забыв шутливо погрозить мне пальцем:

— Ах вы хитрец! Значит, и на этот раз предьявили счет противнику простейшим способом! А совсем недавно пытались убедить меня, что не имеете ничего против Райта!

И, чтобы я не гадал, о чем идет речь, Дрейк показывает мне снимок, только что вынутый из поляроидного аппарата: убийца Питер склонился над своей жертвой — Джоном Райтом. Не знаю, кто фотографировал в данном случае и где он прятался — за кроватью или за сундуком в углу, — но снимок сделан отлично. И выглядит очень красноречиво.

— Это не слишком ценное доказательство, мистер Дрейк, — позволяю себе заметить безучастным тоном.

— Да, правда, если бы вас засняли в самый момент убийства, снимок был бы более убедительным, — признает Дрейк. — Однако не забывайте, дружище, что этот снимок, как дополнение к предыдущему преступлению, достаточно весом.

— И зачем вам нужна новая фальшивка, мистер Дрейк?

— О, фальшивка! Вы порой очень строги в своих оценках, Питер, — ворчит шеф, открывая сейф и пряча туда снимок. Затем оборачивается ко мне и разводит руками жестом человека, находящегося в затруднении: — Зачем он мне нужен? Не имею понятия. Может, и не понадобится. Может, он понадо-

биться скорее вам, дружок. Я уже говорил вам: чем крепче я держу человека в руках, тем больше ему доверяю. А вы только выиграете от моего доверия, Питер.

Он вытаскивает из карманчика свою обычную сигару. Но прежде, чем приступить к последующим операциям, поглядывает на меня своими голубыми глазками, в которых сейчас лучится искренняя симпатия, и добавляет:

— Вообще, если вы позволите мне неслужебное замечание, я хочу вам сказать, что вы ужасный счастливчик, Питер!

— Возможно. Хотя если и вы мне позволите замечание, я не понимаю, в чем состоит мое счастье.

— В том, что судьба забросила вас сюда, дорогой мой. И что сам Дрейк взял вас к себе помощником. Ибо с тех пор вы становитесь моим первым помощником, Питер. Личным секретарем, шефом канцелярии, ответственным лицом за секретные операции... Представляете себе, какая огромная власть будет сосредоточена в ваших руках?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Несколько дней спустя мы с Дрейком обедаем в китайском ресторанчике, выбрав столик в самом конце зала. Обед состоит из запеченного цыпленка и нежного, как мечта, риса. Шеф не питает пристрастия к тухлым яйцам и червякам, которыми гордится старинная китайская кухня.

— В сущности, я только потому пригласил вас сегодня обедать, — говорит Дрейк, — что в отличие от Райта вы умеете делать дело без лишних слов. Должен вам сообщить, что первая партия товара беспрепятственно прошла по каналу и достигла Вены.

Он испытующе смотрит на меня своими глазками, чтобы проверить реакцию. И эта реакция соответствует его ожиданиям — оказывается маской сдержанного, но приятного удивления. Совершенно фальшивая, впрочем, ибо по своему каналу я уже получил сведения.

— Я надеюсь, ваше непомерное недоверие примет теперь разумные пределы, — отвечаю я тихо.

— Да, первая партия прошла, — повторяет Дрейк, не вникая в мои слова. — Просто зло берет...

— Вы хотите сказать, что партия была небольшой?

— Догадались... Что за хитрец!.. — смеется шеф хриплым смехом.

— Ничего. Я лично готов довольствоваться и процентами с маленькой партии, — успокаиваю я его.

— Ваши проценты будут вашими согласно уговору, — в свою очередь, успокаивает он меня. — К сожалению, дорогой, получается ровно два шиллинга.

— Вы, конечно, шутите.

— Вовсе нет, — произносит шеф печально. — Потому что груз состоял из чистого крахмала. Десять килограммов крахмала — вот что это за груз, Питер!

Смотрю на него во все глаза, не забыв открыть рот якобы

от изумления, хотя и эта подробность уже известна мне от моего информатора.

— Но это же черт знает какая глупость! — восклицаю я.

— Напротив: необходимая осторожность! — поправляет меня рыжий. — Вы достаточно умны, чтобы понять: мы не пошлем по непроверенному каналу груз стоимостью в миллионы.

— Но я сделал проверку. Тщательная подготовка — разве это не лучшая проверка?

— Ту проверку вы устроили для себя. А мы организовали свою. Хотя сейчас, понятно, мне хочется лопнуть от злости. Если бы это были десять килограммов героина, представляете себе...

Я ехидничаю:

— Меня утешает только то, что из-за этой дурацкой проверки вы потеряли гораздо больше, чем я, учитывая мои скромные проценты.

— Ваши проценты со стоимости десяти килограммов героина вовсе не так скромны, — произносит шеф тоже не без ехидства.

— Я думаю, что это удовольствие и вам и мне доставил наш великий эксперт мистер Ларкин?

Дрейк не отвечает, а рассеянно смотрит в другой конец ресторана, где за окном виднеется почти безлюдная в этот час торговая улица с пестрыми витринами магазинов.

— Зеленый чай? — предлагает китаец, уловив задумчивый взгляд шефа и истолковав его по-своему.

— Нет, дорогой, мы пойдем куда-нибудь выпить кофе, — сухо отвечает рыжий.

— У нас и кофе подают... чудесный кофе... — спешит уверить его китаец.

— Что же тогда вы подсовываете нам свой чай? — ворчит Дрейк. — Разумеется, дайте кофе! Чай в Англии пьют в пять часов, а не после приличного обеда.

Он достает из карманчика традиционную сигару, освобождает ее от целлофана и совершает ритуал обрезания. Однако не торопится закурить. Он дает возможность китайцу поставить кофе и удалиться. Затем отпивает глоток и морщит нос:

— Цыплята были превосходны, однако кофе по-китайски то же самое, что по-английски, только еще хуже, — устанавливает он.

Чтобы сгладить впечатление от кофе, шеф закуривает сигару и заглатывает две-три обильные порции дыма. Между клубами дыма слышатся слова:

— Как бы я не заподозрил вас, дружок, в желании поссорить меня с Ларкином...

— Ваша подозрительность мне хорошо известна, — произношу я довольно равнодушно. — Но все же у нее должны быть разумные основания. У меня нет никакого интереса обвинять Ларкина по той простой причине, что я не могу занять его место, а, следовательно, и присвоить его проценты.

— Вот именно, — кивает Дрейк. — И не следует никогда этого забывать. Насколько вы нужны мне, чтобы доставлять то-

вар сюда, настолько нужен Ларкин, чтобы перебросить товар отсюда далее. Он мне необходим, вам ясно, Питер? Иначе я не дал бы ему обирать себя.

* * *

Ларкин необходим Дрейку — это я должен зарубить себе на носу. И хотя неплохо, если шеф будет постепенно привыкать к мысли о возможном предательстве американца, однако не стоит давить на него и ускорять события, чтобы не навредить себе. Ларкин необходим мне. Но я, однако, редко получаю возможность наблюдать его даже издали. Этот человек не принадлежит к фауне Дрейк-стрит. И появляется на нашей улице лишь тогда, когда возникает необходимость обсудить что-то шефом. И Питер, первый помощник шефа, никогда не приглашается на эти обсуждения.

А вот Ларкин не испытывает во мне необходимости. Американец ни разу и ни в какой форме не попытался установить контакт со мной. Следовательно, Ларкину наплевать на возможность продолжительного использования моей группы в Болгарии. Значит, если он действительно агент ЦРУ, передо мной один из неприятнейших вариантов: моя группа будет использована как орудие политической провокации. Так же, как и Дрейка используют сейчас для этой цели.

Поистине самый отвратительный вариант. Я и мои люди можем, в свою очередь, сыграть ему на руку. И поскольку канал уже опробован, провокацию не замедлят организовать. То есть — нельзя терять времени.

А я в эти дни только и делаю, что теряю время. Болтаюсь по книжным лавчонкам Дрейк-стрит или читаю газеты в кафе, но и в том и в другом случае внимательно слежу за входом в наш генеральный штаб, чтобы не пропустить появления Ларкина. Мне удалось, соблюдая все меры предосторожности, установить местопребывание американца. Это отель «Сплendid» на маленькой улочке с другой стороны площади. Великолепие отеля ограничивается только его названием. На самом деле это заведение для туристов средней руки. Ларкин снимает комнату под номером 305. Окно его выходит на улицу, что и позволяет мне наблюдать, горит там свет или нет. Ничего более.

Мне представилась и другая возможность: проследить, опять же соблюдая все меры предосторожности, за американцем от штаб-квартиры на Дрейк-стрит до отеля «Сплendid». Я хорошо запомнил, по каким улицам он проходил, у какого киоска останавливался, чтобы купить газету, и даже не пропустил тот знаменательный факт, что, кроме газеты, он купил журнал «Тайм». И ничего более.

Вы можете с таким же успехом следить за каким-нибудь типом, продающим по закоулкам марихуану. Но если этот тип совершает свои сделки с глазу на глаз, единственным результатом слежки будут стертые подметки. Как в случае со мной. Не имея другой возможности, стираю подметки.

Единственное полезное дело, которое мне удастся, это восстановить связь. В определенные дни, в определенное время я прохожу по улочке, где находится нужный дом с интересующей

меня дверью. И в нижней части двери, так же как у многих других дверей, есть маленькое отверстие для корреспонденции. И если у меня есть корреспонденция, я опускаю ее. А если я должен получить что-то, то это что-то едва виднеется, прижатое латунной створкой отверстия для писем. Если же ничего не виднеется, я прохожу мимо.

Письма, которые я посылаю, как и те, что я получаю, это обыкновенные рекламные листки из тех, которые раздают на улицах прохожим с предложением использовать такую-то стиральную машину или путешествовать самолетом такой-то авиакомпании. Такой вот безбидный рекламный листок, который если даже и попадет случайно не туда, куда нужно, едва ли привлечет чье-либо внимание, так как подобные рекламы опускают во все почтовые ящики.

Тайнопись в наше время, подобно всем слишком долго используемым секретам, уже изжила себя. И все же она еще делает свое дело, особенно если вы применяете ее там, где ее никто не станет искать. Типичный пример — рекламные листки, которыми пользуюсь я. Кстати, они практически не содержат тайнописи. Но сам факт, что я опускаю их в определенный день и час, означает: «Жив, сообщений не имею».

Два листка, которые я вытащил из ящика, после нагревания донесли до меня два текста. Один информировал об известных материалах, опубликованных в западной печати в связи с торговлей наркотиками. Другой был предельно лаконичен: «Первая партия пропущена сегодня по каналу на Вену. Содержание: десять килограммов чистого крахмала».

Дом, почтовый ящик которого служит мне тайником, находится неподалеку от квартиры Линды, так что даже если кто и увидит, что я прохожу здесь, мой маршрут легко объясняется визитами к мисс Грей. Конечно, лучше всего, чтобы никто не видел меня, и пока риск в этом отношении минимален. С тех пор, как надзор за мной поручен Линде, всякая другая слежка прекратилась. Что же касается моих операций с почтовым ящиком, то они длятся не более двух секунд, и я проделываю это, почти не останавливаясь в вечерний час на полутемной улице, где мои действия могли бы быть зарегистрированы лишь с помощью инфракрасных лучей. Но Дрейк и инфракрасные лучи... Это звучит примерно так, как я и оперная музыка.

И если сейчас кто и беспокоит меня, то это не Дрейк, а Ларкин. И, конечно, обстоятельство, что Ларкин необходим Дрейку. В противном случае все могло бы решиться легче и быстрее. Но только как напасть на этот случай?

Американец совсем не похож на человека из преступного мира. Его образ жизни и привычки не имеют ничего общего с субъектами, обитающими на Дрейк-стрит. Женщины и карты его не интересуют. Как и алкоголь. Жизнь Сохо, очевидно, чужда ему, и он приходит сюда только, когда должен увидаться с шефом. Есть ли еще связи? Это именно тот вопрос, который не дает мне покоя. Пока мне не удалось установить ни одной связи Ларкина. Разумеется, свои служебные контакты он может поддерживать и с помощью радио. В наш век техники это не так трудно... но маловероятно. В конце концов Ларкин не в тылу врага, чтобы пользоваться радиосвязью. Однако, чтобы

выявить его связи, мне необходимо наблюдать за ним беспрестанно с утра до вечера. А это исключено, потому что я должен быть всегда под рукой у Дрейка, на его улице, и по поводу каждого своего отсутствия давать обстоятельные объяснения, пробуждающие излишнее недоверие.

И даже если я нащупаю подобную связь, что из этого? Увижу, как Ларкин прогуливается с каким-нибудь типом. Или пьет кофе с другим типом. Или переглядывается еще с одним. Один цэрэушник тет-а-тет с другим. И что из этого? Два цэрэушника — и ничего более.

* * *

— Ну, что нового? — спрашивает меня шеф и поглядывает с затаенным удовольствием человека, отлично понимающего, что это новое известие именно ему, а не собеседнику. В сущности, и мне известно это новое, причем уже со вчерашнего дня, когда я принес домой соответствующий рекламный листок и, награв его должным образом, прочел: «Пропустили в Вену второй груз. Содержание: три килограмма героина».

— Ничего, — отвечаю я апатично. — Кроме того, что погода опять испортилась.

— Для кого испортилась, Питер, а для кого и улучшилась, — глубокомысленно замечает Дрейк.

И снова смотрит на меня с тем же выражением скромного довольства.

— У меня для вас неплохая новость, дружище. Вторая партия получена в Вене. И на этот раз не крахмала.

— Сколько килограммов? — спрашиваю деловито. — Десять?

— Не будьте так алчны! — предупредительно поднимает шеф свой толстый палец. — Алчность погубила многих людей. На этот раз только два килограмма. Но не крахмала, а героина. Надеюсь, вы понимаете разницу и не разучились считать в уме!

— Я уже посчитал, — отвечаю без особого энтузиазма. — И именно поэтому не вижу причин плакать от радости.

— Но это пять тысяч фунтов, Питер! Или десять тысяч долларов! Нет, в самом деле... я не думал, что вы такой сребролюбец...

Он с изумлением качает головой и спешит утешить себя глотком виски. У меня нет никакого желания осведомлять его, что, по моим сведениям, килограммов не два, а три. И мне наплевать на фунты и доллары. Меня тревожат вещи другого характера.

— Согласитесь, мистер Дрейк, что сумма не такая уж фантастическая, даже для такого бедняка, как я. И имейте в виду, что эта сумма стоила мне немало хлопот.

— Но это только ваша первая прибыль, Питер! Первая из длинной, может быть, очень длинной серии прибылей.

— Совсем нет, мистер Дрейк. Она первая и последняя. И именно по этому пункту вы не хотите меня понять.

— А, вы опять цепляетесь к Ларкину... — с досадой ворчит Дрейк.

— Да, ибо я убежден...

— Ларкин только что был здесь, — прерывает меня шеф. —

И должен вам сказать, он очень, очень доволен развитием событий. И готов переправить за океан какое угодно количество.

— Но за товар там, на Востоке, платите вы?

— Естественно. Не вы же!

— И если товар пропадет, вы потеряете деньги, а не Ларкин, правда?

Игра рискованная. Но сейчас, когда первый груз героина прошел через страну, у меня нет времени для раскладки, и я вынужден избрать рискованный путь.

— Ларкин потеряет проценты, — говорит шеф, немного подумав.

— Вот именно. Потеряет то, чего не имеет. В то время как вы потеряете собственный капитал.

— Ну, рассудите сами, Питер, — терпеливо объясняет Дрейк. — Какой интерес Ларкину лишаться больших денег?

— Никакого, — соглашаюсь я. — Но только в том случае, если Ларкин тот, за кого себя выдает: то есть контрабандист наркотиков, который действует к своей выгоде и от своего имени. Однако представьте себе, что ваш Ларкин действует не от своего имени, а от имени какой-то инстанции, вовсе не заинтересованной в том, чтобы ввозить наркотики в Штаты. Что тогда?

— Что тогда? — как эхо повторяет шеф.

Он почесывает в своем рыжем затылке — обычный жест человека, попавшего в затруднительное положение, и говорит:

— Прежде чем задавать такой вопрос, нужно иметь основания для подобных сомнений. Дайте мне эти основания, Питер, и я тут же соглашусь с вами.

— Допустим, что сейчас у меня их нет. И что я буду в состоянии преподнести их вам позднее. Но каковы ваши собственные сведения о Ларкине? Вы уверены, что они достаточно полны и достоверны? Застрахованы ли вы от возможных связей Ларкина с какой-либо инстанцией?

— Вы, естественно, не ожидаете, Питер, чтобы я показал вам досье отдела кадров, — смеется шеф коротким хриплым смехом. — Я этого не сделаю, не то вы умрете от скуки. Могу только сказать, что я навел соответствующие справки. И получил необходимую информацию.

При этих словах, сказанных не столько для моего, сколько для своего успокоения, Дрейк достает из карманчика традиционную сигару.

— Не знаю, читаете ли вы разные журналы и книги, мистер Дрейк, но, поскольку я иногда читаю, могу вам сказать, в свою очередь, что, когда такой человек, как Ларкин, готовится предпринять операцию, подобную нынешней, он предварительно и очень тщательно разрабатывает легенду, цель которой в том, чтобы представить вам всевозможную информацию и тем самым отвести от себя все подозрения.

— Я знаю это, Питер, и без ваших книг, — уверяет меня Дрейк, отрезая кончик сигары. — И не нужно давить с такой силой на клапан недоверия, потому что этот клапан, если вы заметили, у меня и так хорошо действует. Я вам уже сказал: дайте мне хотя бы одну серьезную улику, и я на вашей стороне.

— Хорошо, мистер Дрейк! Я представляю вам эту улику. Клянусь, представляю! — заявляю я решительно.

Дрейк энергично затягивается, чтобы сигара лучше разгорелась, но это не мешает ему взглянуть на меня испытующе, желая понять, действительно ли я так уверен в себе или блефую. — Но и вы должны предоставить мне некоторые средства, чтобы я смог добраться до улики.

— Какие средства? — поднимает брови шеф.

— Не денежные. Мне придется хотя бы несколько дней не спускаться с Ларкина глаз, а для этого необходимо знать, где он живет, чтобы быть по возможности ближе к нему.

— Хорошо! — делает щедрый жест Дрейк. — Живет он в отеле «Спленидид», а отель принадлежит моим людям, так что, если хотите, могу вам предоставить комнату в соседстве с Ларкином.

— Это решает дело. Если не считать двух-трех мелких приспособлений, которые помогут мне раскрыть вам глаза.

— Я должен предупредить вас, однако, что вы должны быть внимательны, — произносит шеф. — Американец ни в коем случае не должен понять, что за ним следят. Я думаю даже, что если придется за ним следить, то лучше это сделать кому-нибудь другому, а не вам, Питер.

— Зря беспокоитесь, — говорю я. — И не нужно возлагать на другого задачу, ради которой я готов сложить голову!

— Голову! Вы обижаете меня, переходя всякие границы, — обрывает Дрейк. — У меня нет желания посягать на вашу голову. Особенно теперь. Пока ваш канал функционирует, можете быть уверены, что вы сам будете функционировать, Питер.

— В таком случае я думаю, все в порядке.

— Действуйте, дорогой, действуйте, — подбадривает меня шеф не без тени известной иронии. — Идите к управляющему «Спленидидом» Стентону, он все устроит.

Но перед тем как мне уйти, добавляет:

— А что касается тех маленьких приспособлений, не думайте, что я не читаю разные книжки. Если бы Ларкин вел какой-то интересный разговор в «Спленидиде», это уже было бы известно старому Дрейку.

* * *

Должен признаться, последняя реплика до некоторой степени охладила мой энтузиазм. Но только до некоторой степени.

Шеф, чья врожденная недоверчивость действительно не нуждается в допинге, еще в самом начале организовал слежку за Ларкином, включающую в себя, по всей видимости, наблюдение за его передвижениями по улицам и прослушивание в номере. К Ларкину были применены те же элементарные трюки, что и к моей особе. Но только подобные трюки совершенно неэффективны по отношению к такому типу, как Ларкин, достаточно опытного, чтобы их предвидеть.

Вообще сам по себе факт, что шеф оборудовал подслушивающей аппаратурой номер американца, еще не означает, что он его действительно прослушивал. Настоящее прослушивание должен осуществлять я и непременно добиться нужного результата, раз уж я торжественно обещал изобличить Ларкина. И если я провалюсь, мне несдобровать.

Стентон устраивает мне комнату в отеле рядом с комнатой интересующего меня объекта. Я, естественно, зарегистрирован под вымышленным именем. Заручившись рекомендательным письмом того же Стентона, я отправляюсь в торговую фирму специальной аппаратуры, где и получаю необходимую мне мини-установку. К сожалению, предприятие пока не располагает средством становиться невидимым. А для меня очень важно оставаться невидимкой для Ларкина. И не столько ради интересов Дрейка, сколько ради моих собственных.

Вот почему я вхожу и выхожу из отеля, стараясь не быть замеченным и принимая соответствующие предохранительные меры, которые в подобном случае неизбежны, но описывать кои неинтересно.

Организовать прослушивание и наблюдение за соседней комнатой — для меня детская игра, только несерьезно ожидать каких-либо результатов от подобных игр. Поэтому, выждав некоторое время после того, как Ларкин заснул — примерно около трех часов ночи, — осторожно выхожу в коридор и позволяю себе ненадолго взять ботинки американца. Сделать это проще простого, поскольку обувь в гостиницах на ночь выставляется в коридор, чтобы прислуга почистила ее к утру.

Следующая часть операции уже сложнее, но я вооружился для исполнения своего замысла всем необходимым и могу сказать без излишнего самомнения, что справлюсь со своей задачей. Американец носит добротные ботинки на резиновой подошве и с резиновым каблуком. Несмотря на средний рост, Ларкин носит 46-й размер. Хотя это его забота. Моя — оторвать каблук правого башмака, сделать в резиновой подошве малюсенькое отверстие и положить в него микрофончик. Чтобы улучшить качество звука, прикрепляю тоненькую проволочку и вывожу едва видимый кончик между каблуком и подошвой. Затем специальным клеем, порекомендованным мне специалистами, приклеиваю каблук на свое место и смотрю на свою работу придирчивым взглядом.

Конечно, если человек начнет обследовать башмак миллиметр за миллиметром с лупой в руке, то неудивительно, что он сможет обнаружить кончик проволочки. Но кто осматривает свою обувь с лупой? А устройство это настолько микроскопично, что практически невозможно обнаружить его невооруженным взглядом.

На следующий день я начинаю ходить за американцем с раннего утра. Впечатления, накопленные мною до вечера, довольно полезны для сочинения на тему: «Как проводит день человек, которому нечего делать». Впечатления, не только обильные, но и влажные, так как целый день идет дождь. Хождение по магазинам, чтение газет в разных кафе, обед в испанском ресторане в Сохо, небольшой отдых в «Сплениде», затем опять шатание по городу, два часа, убитых на фильме «Дочь Дракулы», а вечером — смена костюма в отеле, и затем пешеходная прогулка до ресторана «Белый слон». Можно задуматься над проблемой, собственно, почему, вопреки традиции, слон белый, а не золотой, но я лично в данный момент занят другой проблемой. Если после стольких часов бесцельного хождения по городу Ларкин

наконец должен встретиться с кем-то, то это произойдет скорее всего именно здесь, в этом дорогом, уютном ресторане, чья тихая обстановка настраивает на задумчивый разговор. К сожалению, разговор без меня. Большой глупостью было бы устроиться за каким-нибудь столиком, рискуя быть замеченным американцем. Если бы это была какая-нибудь дыра в Сохо, можно было бы сыграть под дурака, изобразив совпадение. Но «Белый слон» на Бонд-стрит и Питер с Дрейк-стрит — вещи несовместимые.

Осматриваю улицу. Дождь наконец перестал. Редкие прохожие и обилие света. Плюс полицейский в темном шлеме, что уныло торчит на соседнем углу. В эту минуту я завидую ему: он может здесь торчать до утра, никто не обратит на него внимания, в то время как мне приходится непрерывно курсировать. Направляюсь медленно в обратном направлении, ради интереса вынимаю приемничек и нажимаю кнопку.

— Вы действительно не будете устрицы? — слышится на фоне неясного постороннего шума незнакомый мне голос.

— Не потому, что не хочу, а просто не желаю отравиться, — раздается голос Ларкина.

— Мистер Мортон хорошо знает наш ресторан, — звучит уже совсем слабо другой голос, вероятно, метрдотеля.

— Я говорю не о заведении, а об устрицах, — едва улавливаю голос американца.

Выключаю аппаратик. Нет смысла тратить напрасно магнитофонную ленту, которая автоматически включается вместе с приемником. Значит, могу рассчитывать на прослушивание в радиусе около ста метров. И значит, Мортон...

Новое имя. И новый вопрос. Я надеюсь, что если Мортон — тот самый человек, на которого я делаю ставку, то разговор едва ли будет вестись в ресторане, даже в таком, как «Белый слон». Поэтому я отказываюсь от пришедшей мне в первый момент рискованной идеи: устроиться каким-то образом у черного входа или попытаться приблизиться к заведению через подъезды соседних домов. Довольствуюсь простейшим решением: трижды хожу из конца в конец по Бонд-стрит с видом человека, совершающего вечерний моцион. Я бы продолжал прогуливаться и дальше, если бы полицейский не проявлял упорно странный интерес к «Белому слону» и не торчал в соседстве с ярко освещенным входом.

— Я думаю, что кофе мы можем выпить и дома, — слышу я в своем приемнике голос Мортон.

— Как хотите... Все же я бы взял еще мороженое... — отвечает Ларкин.

Для кого-то разговор этот может показаться незначительным. Но не для меня. Спешу вниз по улице к стоянке такси.

Наблюдение за черным «плимутом», в который сели Ларкин и Мортон, не представляет особых трудностей и происходит на безопасном для меня расстоянии. «Плимут» выезжает на широкую Оксфорд-стрит, заворачивает влево, проезжает мимо Марбл-Арч, далее к Гайд-парку и, поворачивая вправо по Гайд-парк-стрит, останавливается на маленьком перекрестке. Мы с моим водителем, естественно, достигаем перекрестка с неизбежным опоз-

данием. Ларкин и Мортон уже вышли из машины и не могут нас засечь.

К моему сожалению, улица, где мы остановились, хорошо освещена, что мешает мне встать у входа и заняться радиоперехватом. И здесь мне в помощь приходит мысль об английском дворе. Установив, что улица поблизости совершенно пуста, открываю железную дверь самой примитивной отмычкой, закрываю ее за собой, спускаюсь по ступенькам во двор и прячусь в темном углу — в том, что находится рядом с лестницей, на тот случай, если кому-то вдруг вздумается выйти из кухни.

Голоса, которые доносятся из приемника, убеждают меня, что разговор уже начался. При таком первобытном способе слежки не приходится рассчитывать на исчерпывающую информацию и довольствуешься только фрагментами:

— Вы не правы, Ларкин, — слышится трубный бас Мортон. — Вопрос не в том, чтобы формально исполнить свою задачу, а нанести крупный удар...

— Три килограмма героина — это не мелочь, — сухо замечает американец.

— Бесспорно. Особенно если при существующих рыночных ценах рассчитываешь положить себе в карман солидную сумму.

— Три килограмма героина — это не мелочь, — настаивает Ларкин.

— Три килограмма — мелочь, дорогой, — звучит бас Мортон. — И если мы потеряли столько времени в ожидании, то не ради этой ерунды.

— А какова гарантия, что мы дождемся чего-то более серьезного? Этот старый хитрец Дрейк колебался даже в отношении этих трех килограммов. Его предложение было, как вы знаете, переправлять груз по одному килограмму.

— Этот ваш старый хитрец просто старый дурак, — заявляет Мортон. — Достаточно вслух сделать расчет, чтобы показать, какую фантастическую сумму он положит себе в карман после переброски партии в десять килограммов, и он тут же закажет десять килограммов. А тогда уже...

— Вы недооцениваете старика, Мортон, — возражает Ларкин. — Подлец и мошенник высшей пробы — это да. Но не дурак. Я сильно опасаясь, что в один прекрасный момент он может вернуться к своему первоначальному плану: больше рейсов, меньше груза, чтобы избежать риска.

— Такой способ не менее, а более рискован.

— Скажите это ему, а не мне. Что вы хотите: этот человек не привык работать в американских масштабах. Это не мафиози, а мелкий гангстер из Сохо.

Наступает молчание. Столь длительное, что я подумываю о том, что мне пора покинуть мое убежище. Затем вновь звучит голос Мортон:

— Мне кажется, что беда не столько в этом старом дураке, сколько в вас, дорогой...

— Но я...

— Соболаговолите не прерывать меня, когда я говорю. Вы не умеете работать с людьми, Ларкин. Я уже говорил вам это. Вы исполнительный работник, я этого не отрицаю, однако вы привыкли работать по указке. У вас нет способности втереться человеку в доверие, чтобы расположить его к себе, повлиять на него, вообще, сделать его таким, каким он вам нужен.

— Признаюсь, я лишен педагогического дарования, мистер Мортон, — произносит Ларкин после краткого молчания. — Но мне кажется, что институт, в котором я работаю, далеко не педагогический.

— А я должен признать, что мне не нравится ваш тон.

— Извините меня, мистер Мортон, если я не так сказал. Я хотел только...

— Бросьте! — звучит с досадой голос Мортон. — Объясните в двух словах, что вы предлагаете, и я доложу. Вместе со своим мнением, разумеется.

— Я бы не хотел, чтобы мое мнение шло вразрез с вашим, мистер Мортон, — произносит Ларкин с ноткой явно уловимого угодничества. — И если я попытался сформулировать иную точку зрения, то лишь из боязни, что излишний максимализм мог бы сорвать наш план. Это был бы преждевременный провал канала...

— Провал, конечно, не исключен, — соглашается Мортон, чей голос стал мягче. — И именно поэтому следующая партия должна быть такого размера, чтобы положить конец предпринятию.

— Какого размера, мистер Мортон?

— Я уже сказал — десять килограммов. Или что-нибудь в этом роде. Довольно возиться с мелочами.

— Я сделаю все, что в моих силах.

— Вот это ответ, — звучит добродушный бас.

Затем следует несколько незначительных реплик, предназначенных для того, чтобы восстановить хорошие отношения. И наконец, последняя важная подробность:

— Доложите мне обо всем послезавтра в девять вечера, — уточняет Мортон. — А если за это время что-нибудь случится, позвоните мне по телефону.

У меня нет времени дожидаться ответной реплики Ларкина. Оказывается, что у меня уже нет времени и на отступление. Едва я успеваю спрятать в карман приемник и поставить ногу на ступеньку, как вдруг над моей головой раздается звук поворачиваемого ключа. Быстро отодвигаюсь в сторону и вращаюсь в стену под прикрытием тени. Неплохое прикрытия на случай, если никому не взбредет в голову посмотреть через ограду вниз, во двор.

— Подбросить вас на машине или возьмете такси? — слышу с полной ясностью голос Мортон уже без всякой аппаратуры.

— О, не беспокойтесь, я возьму такси, — вежливо отвечает Ларкин, словно ему действительно предоставлен выбор.

— В таком случае спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мистер Мортон.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— А-а, мистер Холмс! — радушно встречает меня шеф. — Как идет расследование? Подозреваю, что вы мне приготовили чертовски интересное разоблачение.

Он, разумеется, подозревает совершенно обратное, и явно готовится поиздеваться над моим провалом, и, как свидетельствует его хорошее настроение, очень доволен только что закончившимся разговором с американцем.

— Боюсь, вы действительно правы, сэр, — отвечаю с подходящей случаю озабоченностью. — Разоблачение действительно интересное и, к сожалению, достаточно неприятное.

Улыбка медленно сползает с лица Дрейка, и, предчувствуя, что ему придется чем-то подкрепить душевную бодрость, он встает из-за стола и медленно идет к передвижному бару.

— Ну, что вы ждете? Чтобы у меня был разрыв сердца? — спрашивает рыжий без особого волнения, хватая бутылку «Балантайна». — Говорите!

— Пусть говорят они, — заявляю я, доставая из кармана магнитофон.

Включаю его.

Звук далеко не лучшего качества, не очень громкий, но это не мешает Дрейку по достоинству оценить смысл реплик, которыми обмениваются Ларкин и Мортон.

— Подлый янки, — цедит сквозь зубы шеф, прослушав запись. — Он мне за все заплатит...

— Уходя, Мортон опять назвал вас «старым дураком», — уточняю я, чтобы подлить масла в огонь. — А Ларкин возразил ему и сказал, что вы не дурак, а хитрый мошенник и подлец...

— Бросьте эти живописные детали, Питер! — прерывает меня Дрейк. — Могу вас уверить, что я готов к действию и без вашего допинга. Ну, что замолчали? Когда я не желаю вас слушать, болтаете как попугай, а когда должны говорить, молчите как бревно. Я жду вашего комментария.

— По-моему, все ясно и без комментариев, — отвечаю я, вставая, и, в свою очередь, направляюсь к бару.

И, взяв темно-коричневую бутылку, лаконично говорю:

— ЦРУ.

— ЦРУ? А почему не Интерпол? — спрашивает шеф.

— То или другое, это не меняет ситуации, — замечаю я. — Но если бы это был Интерпол, то дело бы закрылось еще после отправки партии и мы бы уже сидели за решеткой.

— А что, по-вашему, нужно ЦРУ?

— Большой скандал. Политическая сенсация. А чтобы сенсация и скандал были нужного калибра, необходим и груз нужного калибра. Вы же слышали претензии этого господина: не менее десяти килограммов. Устраивают капкан в нужном месте, захватывают груз и поднимают шум в печати, обвиняя коммунистов, что они травят свободный мир. А самое интересное то, что все это оплачивается деньгами из вашего кармана.

Дрейк некоторое время молчит, мысленно анализируя мою гипотезу.

— Как будто так и есть, — кивает он. — Или что-нибудь в этом роде. Во всяком случае, ловушка очевидна. И ведь всего несколько минут назад этот грязный янки убеждал меня послать крупную партию, беря на себя труд незамедлительно переправить ее за океан.

Он устало садится в кресле напротив меня, опускает голову и погружается в размышление.

Я допиваю виски и выкуриваю сигарету, когда наконец рыжий медленно встает и выходит из комнаты вопреки своему правилу не оставлять меня одного в кабинете. Его отсутствие длится, впрочем, не более двух минут. Когда он возвращается, то меланхолично произносит:

— Придется проститься с Ларкином, дружище. Вы знаете, что я человек гуманный, но что делать: придется проститься с Ларкином.

— Может, уже поздно, — говорю я. — Может, он уже сообщил данные Мортону...

— Что сообщил?

— Ну, например, дату отправки следующего груза.

— Значит, и вы считаете меня старым дураком, Питер, — произносит с укором шеф. — Вы считаете, что старый Дрейк совсем выжил из ума...

— Ничего подобного я не думал, — спешу его уверить.

— Думали, дружок, думали! — грозит он мне пальцем. — Но ничего, я не злопамятен.

Затем он вновь возвращается к предыдущей мысли:

— Ну, что? Вы найдете в себе силы вынести это, Питер?

— Что вы имеете в виду?

— Прощание с Ларкином, что же еще!

— Не забывайте, что Ларкин — человек ЦРУ.

— Как забыть! Ведь именно поэтому мы устроим ему маленькое траурное чествование.

— У ЦРУ длинные руки, мистер Дрейк.

— Но не настолько, чтобы соваться на Дрейк-стрит. Здесь, в Сохо, ЦРУ не котируется, дорогой мой. Мы здесь справляемся и без него. Так что призовите все свое самообладание и обуздайте скорбь. Вы знаете, что я тоже чувствительный человек, но эмоции не должны мешать чувству справедливости и исполнению своего долга. Иначе дело полетит к черту.

Рыжий усаживается в кресло и начинает заниматься любимым делом: подготовкой к употреблению традиционной сигары. После чего погружается в размышление и в облака дыма.

— А, Ларкин! — радушно приветствует он американца, когда через четверть часа тот входит в кабинет. — Простите, что я побеспокоил вас вторично, но только что возникли некоторые осложнения, которые нужно разрешить. Но что же вы стоите, садитесь, прошу вас!

Ларкин садится на диван с привычным неподвижным выражением смуглого лица. Ждать долго не приходится, так как шеф подходит к столу и пускает запись.

Приятно иметь дело с опытным профессионалом. Во время прослушивания его физиономия остается все такой же неподвижной, и лишь по напряженному взгляду можно догадаться,

что он сосредоточенно думает над тем, как выйти сухим из воды, как наиболее убедительно объяснить эти фразы, звучащие в этом закрытом и задымленном кабинете.

— Ну, придумали версию? — добродушно спрашивает рыжий, когда тихий сигнал возвещает окончание записи.

— Почему я должен что-то придумывать, Дрейк? — поднимает Ларкин тяжелый взгляд.

— Потому что материал, прослушанный нами только что, этого требует, — все также добродушно отвечает шеф. — Или, может, вы отрицаете его подлинность?

— Нет, представьте, не отрицаю, — сухо произносит американец. — Но мне нет никакой необходимости лгать, поскольку правда всецело на моей стороне.

— Не сомневаюсь, — кивает рыжий. — Вы знаете, что я вам беспредельно доверяю. И все же я бы хотел послушать объяснения, так, для проформы.

— Мортон прижал меня к стене, — спокойно говорит Ларкин. — И если я не говорил вам об этом, то только потому, что не хотел вас беспокоить лишней раз.

— А кто такой этот Мортон? — спрашивает опять-таки для проформы Дрейк.

— Думаю, и так ясно: он из Интерпола. Знал меня еще в Нью-Йорке. И в силу нелепого совпадения встретил здесь, в Лондоне. И пошел по моим следам. Он получил информацию, очевидно, через свои источники, которые я пока не знаю (здесь Ларкин выразительно смотрит на меня), и понял, чем мы занимаемся. И он прижал меня к стене.

Объяснение выглядит непривычно длинным для такого молчаливого человека, как Ларкин, но американец не настолько глуп, чтобы не понимать, что молчание тут не поможет.

— И что же Мортон хотел от вас? — любопытствует все так же для проформы шеф.

— Но вы же слышали: хочет поймать нас с поличным на пересылке по возможности большого груза, чтобы блеснуть. Вы ведь знаете амбиции этих господ. Они не то что мы, работают не за кусок хлеба, а за высокий пост и большую пенсию.

— Да, правда, у каждого свои заботы, — признает Дрейк.

Затем поворачивается ко мне и замечает:

— Вот видите, Питер! Я же говорил вам, что это только видимость. Ларкин не ведет двойную игру, как вы думали.

— По сути, я вел двойную игру, — спокойно возражает Ларкин. — Но по отношению к Мортону, а не к вам. Я всячески дезинформировал его, я водил его за нос, чтобы выиграть время. Ждал, пока мы с вами проведем две-три операции и сорвем порядочный куш, а потом, если бы Интерпол начал проявлять нетерпение, поставил бы в известность вас, чтобы вовремя свернуть операцию.

Ларкин умолкает, потом вновь смотрит на меня подозрительно и говорит:

— Существует, однако, еще один человек, который вел двойную игру, Дрейк. Я не хочу проявлять чрезмерную мнительность, но это подтверждается информацией, которой располагает Мортон. И этот человек вел двойную игру не по отноше-

нию к Интерполу, а по отношению к вам. И он, без сомнения, среди нас.

— Логично, — признает рыжий.

Затем поднимает задумчивый взгляд к потолку, посылает в хрустальную люстру струю дыма и спрашивает:

— А почему вы думаете, что это Интерпол, а не ЦРУ, например?

— Ну какой интерес ЦРУ заниматься подобными аферами?

— Вот и я спрашиваю, какой интерес?

Ларкин, вероятно, считает, что вопрос к нему не относится, потому что не благоволит ответить, а вместо этого напоминает:

— Мне кажется, сейчас важнее установить, кто передает сведения Мортону...

— Да, действительно! — спохватывается Дрейк и переводит взгляд с потолка на американца. — А каково лично ваше мнение по этому вопросу?

— Мне кажется, не так уж трудно добраться до истины, — произносит Ларкин.

— Каким образом?

— Очень просто: методом исключения. Я думаю, только три человека в курсе операции... Или я ошибаюсь?

— Нет, нет, не ошибаетесь, — успокаивает его рыжий. — Мы трое и больше никто.

— Думаю, лично вы вне подозрений...

— Спасибо за доверие.

— Я тоже, по-моему, вне подозрений. И дело вовсе не в доверии, а в элементарной логике. Вы же знаете, какая прибыль мне полагается, и едва ли всерьез допускаете, что я такой идиот, чтобы лишиться прибыли ради интересов Интерпола.

— Тогда? — позволяет себе спросить шеф.

— Тогда? — отвечает, как эхо, Ларкин и пожимает плечами, показывая, что не видит необходимости отвечать на дурацкие вопросы.

— Ну, Питер, что скажете в свою защиту? — обращается ко мне Дрейк.

— Ничего, — отвечаю я.

— Как «ничего»? — удивляется рыжий. — Видите, как замечательно оправдывается Ларкин. А вы — «ничего»!

Американец невозмутимо молчит, хотя отлично видит кривлянье шефа.

— Вы оба поистине ставите меня в трудное положение, — признается после короткой паузы шеф. — Один молчит, другой только и делает что оправдывается...

— Не имею никакого желания оправдываться, — холодно возражает американец.

— Да, надо признать, вы абсолютно спокойны, — кивает Дрейк. — Вот видите, Питер, какую уверенность приобретает человек, когда работает в ЦРУ.

Он бросает в пепельницу окурков, не давая себе труда погасить его, лениво поднимается и произносит немного другим тоном:

— Я думаю, пора кончать.

И поскольку американец молчит, поясняет:

— Кончать с вами, Ларкин!

— Из ЦРУ я или еще откуда-нибудь, — все так же невозмутимо говорит Ларкин, тоже вставая, — но за моей спиной стоят сильные люди, Дрейк. Они в курсе дела. Не исключая и той подробности, что сейчас я нахожусь в вашем кабинете.

— А-а, значит, все же открыли карты! — восклицает шеф, засмеявшись коротким хриплым смехом. — Значит, я поймал вас на крючок! Только это мне и было нужно. — Он смотрит на Ларкина своими маленькими голубенькими глазками и делает пренебрежительный жест: — Теперь можете убираться! И лучше не показывайтесь мне на глаза!

После приближается к письменному столу, и я догадываюсь, что он нажимает невидимую кнопку. Но даже если бы я не догадался, неожиданное появление Боба и Ала достаточно красноречиво говорит об этом.

— Проводите его, — приказывает шеф.

И добавляет фразу, заставившую американца застыть в дверях:

— В коридоре чтоб никакой крови. Отдайте его Марку в подвале...

— Слушайте, Дрейк! — произносит Ларкин уже не таким спокойным тоном. — Вы угадали: я действительно из ЦРУ!

— Знаю, знаю! — соглашается рыжий. — Но что делать, когда все люди смертны, не исключая и тех, кто работает в ЦРУ.

Гориллы хватают американца, и в этот момент, оставив свое ледяное бесстрашие, он пронзительно кричит и пытается вырваться, но Боб сильно бьет его кулаком в зубы, а Ал выкручивает руку, в то время как Дрейк отечески наставляет:

— Спокойно, ребята, я же сказал вам, здесь не надо крови...

...Марк и на этот раз отлично справился со своей задачей. Прекрасный работник этот Марк. Посол смерти, проникшийся полным сознанием ответственности за выполняемую миссию.

* * *

Прошло уже несколько дней после ликвидации Ларкина, когда однажды вечером, направляясь к Линде, я заметил, что за мною следят. А так как у меня есть все основания думать, что слежка ведется не по инициативе Дрейка, то становится совершенно ясно, кто еще может заинтересоваться моей скромной персоной. Тем более что наблюдение ведется из автомобиля. Ни водителя, ни сидящих на заднем сиденье мужчин я раньше нигде не встречал.

Черный «форд» упорно тащится за мной от Пиккадилли до Чаринг-кросс. Это вынуждает меня юркнуть в маленькую улочку, куда запрещен въезд автомашин, затем свернуть в другую и, наконец, в третью. Пусть теперь эти типы объезжают квартал, раз у них нет других дел.

Они, однако, не объезжают. Они просто подкарауливают меня. Им, очевидно, хорошо известны мои привычки, потому что,

едва свернув за угол к подъезду Линды, я наталкиваюсь на застывшую у тротуара черную машину. По-видимому, я замешкался на секунду, соображая, войти в дом или вернуться. Не делаю, однако, ни того, ни другого. Со мной делают третье: выскочившие из машины здоровяки заламывают мне за спину руки и быстро заталкивают в черный «форд».

— Кто вы такие? Что вам нужно? — спрашиваю я возмущенно.

Никакого ответа. Точнее, вместо ответа водитель стремительно трогает с места и едет в неизвестном направлении. Один из стражей, все еще удерживающий за руки, цедит сквозь зубы:

— Не делайте глупостей. Иначе придется бросить вас на пол и легонько придушить.

Своевременное предупреждение, потому что, дважды свернув, машина выскакивает на ярко освещенную и особенно людную в эту пору суток Чаринг-кросс, а когда вынужденный рейс совершается по такой оживленной улице и в метре от себя ты видишь спокойные лица добропорядочных граждан и величественные фигуры полицейских, у тебя возникает сильное желание привести в действие свои голосовые связки.

Конечно, я молчу. Тем более что мои спутники по внешнему виду напоминают Ала и, возможно, лишь на один-два шажка стоят ближе к человеку, чем к обезьяне.

Машина въезжает на Оксфорд-стрит, заворачивает налево, движется до Марбл-Арч, затем вдоль Гайд-парка и, наконец, сворачивает на Гайд-парк-стрит. Знакомый маршрут. Так что я не слишком удивляюсь, когда мы оказываемся перед кирпичным фасадом здания, в английском дворе которого не так давно я наслаждался тихой лондонской ночью.

Подталкиваемый одной из горилл и поддерживаемый другой, выхожу из машины, в то время как человек, сидящий рядом с водителем, встает за моей спиной, чтобы упереть мне между лопатками некий предмет, конфигурацию которого, а равно и предназначение нетрудно угадать.

После трех коротких звонков дверь открывается, и в ней вырастает новая горилла. Причем гостеприимство распространяется только на меня. Что же касается сопровождающих меня господ, то они возвращаются обратно к машине.

— Отдайте оружие! — предлагает человекообезьяна, закрыв дверь.

— У меня нет оружия.

Правдивость моего утверждения, понятно, тщательнейшим образом проверяется. После чего следует новое распоряжение:

— Идите за мной.

Путь оказывается недолгим: дверь находится в конце коридора. Горилла, которая, судя по жилетке в черную и серую полоску, выполняет роль лакея, постучав, просовывает голову и докладывает:

— Он здесь.

Затем открывает мне дверь и исчезает.

Я оказываюсь в кабинете со спущенными шторами, как и в берлоге Дрейка, правда, он гораздо светлее и обставлен более изысканно. Хозяин восседает в одном из двух кресел у ками-

на, в котором горят настоящие поленья. Едва ли нужно пояснять, что это сам Мортон.

— Мистер Питер?

Утвердительно киваю.

— Прошу вас, садитесь.

В громовом голосе сквозят почти что ласковые нотки, только я давно вышел из возраста, когда человек доверяется видимости. Все же сажусь, ибо в ногах правды нет и поскольку понимаю, что даже если меня ждет экзекуция, то все равно ей будет предшествовать дружеская беседа.

— Сигару?

— Благодарю, предпочитаю сигареты.

Мортон учтиво ждет, пока я закурю, сбрасывает пепел своей сигары в камин и переходит к сути вопроса:

— Скажите, как это случилось?

— Не знаю, что вас интересует...

— Убийство Ларкина...

— Должен вам сказать, что не имел возможности на нем присутствовать.

— Вы были там, мистер Питер, — произносит хозяин, красноречиво ставя ударение на слове «там».

— Если быть до конца точным, я был наверху, сэр. А убийство, если таковое имело место, было совершено в подвале.

— Хорошо, пусть так, — уступает Мортон. — Тогда поставим вопрос иначе: расскажите мне подробно обо всем, что случилось до убийства.

— Мистер Дрейк вызвал меня к одиннадцати часам, чтобы сообщить, что он получил неопровержимые доказательства предательства Ларкина. И поскольку я позволил себе выразить некоторые сомнения...

— ...Потому что верили Ларкину, — подсказывает хозяин.

— Я никому не верю, сэр. Я не из тех, кто верит. Просто я не мог допустить, что Ларкин хочет провалить операцию, из которой он извлекает порядочный куш.

И поскольку я умолкаю, хозяин просит:

— Говорите! Что же вы остановились?

— Жду вашего следующего замечания.

— У меня нет замечаний. И не будет, раз это вас смущает.

— Так вот, поскольку я выразил сомнение, мистер Дрейк поспешил представить мне доказательства. Речь идет о записи одного разговора Ларкина.

— Какого разговора?

Коротко отвечаю ему, чтобы услышать вопрос:

— А кто сделал запись?

— Не имею понятия.

— В сущности, сейчас это неважно. Продолжайте.

Продолжаю, излагая события с относительной точностью и незначительными сокращениями.

— И вы не видели, что произошло внизу? — спрашивает Мортон, когда я заканчиваю.

— Не имел возможности видеть. Могу только предполагать.

— А что вам дает основание предполагать?

— Мистер Дрейк сказал: «Оставьте его Марку». Марк — наемный убийца.

— Ваши предположения верны, — осведомляет меня после короткого молчания хозяин. — Сегодня утром тело Ларкина было выловлено в Темзе. С двумя пулями в сердце.

Он берет длинные каминные щипцы и ворошит уголья, рассеянно наблюдая за фейерверком искр. После чего заявляет:

— Думаю, Ларкин вам был слишком антипатичен, чтобы вступить за него.

— По-моему, он действительно не из тех, кто вызывает симпатию. Но я не могу сказать, что он был мне антипатичен. Скорее безразличен, если быть совершенно откровенным, говоря о покойнике. И все же я попытался бы его защитить, если бы имел такую возможность.

— Почему попытались бы?

— Но это же абсолютная глупость — выступать против ЦРУ...

— Хм... — мычит Мортон. — А почему не попытались?

— Вы не знаете Дрейка.

Мортон смотрит на меня задумчивыми темными глазами. Осторожный и сообразительный полицейский, но не из простейших типа Ларкина и не с его отталкивающей внешностью.

— Я достаточно хорошо знаю Дрейка, — возражает хозяин. — Это старый дурак... Из тех, что считают себя хитрецами... И даже ухитряются создать впечатление, что хитры... Но все же он старый дурак. И убийство Ларкина — последняя глупость, которой ему суждено закончить жизнь.

И, конкретизируя свою мысль, Мортон добавляет:

— С Дрейком покончено, мистер Питер, хотя он еще этого не подозревает. Вопрос в том, что делать с вами...

Он смотрит на меня, но я не собираюсь заглядывать ему в глаза и довольствуюсь тем, что наблюдаю за играющими в камине огоньками. В кабинете воцаряется тишина, едва нарушаемая время от времени потрескиванием пылающих поленьев.

— Вас совершенно не волнует этот вопрос? — спрашивает наконец хозяин.

— Уже нет.

— Вы уже свыклись с мыслью о смерти? — настаивает мой собеседник.

— Человек моего ремесла давно привык к этой мысли, сэр. Кроме того, я не думаю, что она на пороге.

— Откуда у вас эта уверенность?

— Потому что если вас все еще интересует операция с героинном, то вам без меня не обойтись. Она финансируется Дрейком, но осуществляется мною. Так что вы можете заменить Дрейка, но меня вам заменить нечем.

— А я вот считаю, что незаменимых людей нет.

— С философской точки зрения — да. Но насколько я знаю, ваша организация не занимается решением философских вопросов.

— Впрочем, это идея... — признает Мортон, помолчав. — Мы действительно могли бы вас использовать. При условии, разумеется, что вы не замешаны в убийстве Ларкина.

— Я вовсе не настаиваю, чтобы вы меня использовали, —

говору я легкомысленно. — А что до убийства, я никогда не участвую в убийствах, сэр. Я профессионал. А профессионалы моего профиля не работают с оружием.

— Ну, раз вы не желаете, чтобы вас использовали... — начинает колебаться хозяин.

Затем умолкает и спрашивает изменившимся тоном:

— А почему вы не хотите, чтобы мы вас использовали?

— Потому что операция потеряла смысл, во всяком случае, для меня. Мой интерес состоит в контрабанде, а ваш, насколько я понимаю, иного характера. Меня волнуют более всего денежные заботы. А не политические.

— Вы полагаете, политика не дает денег? — произносит хозяин, наблюдая за мной со сдержанным любопытством.

— Очевидно, дает. Раз столько людей занимаются ею. Но каждому, как говорится, свое.

— Конечно, мы могли бы ликвидировать вас, — мягко замечает Мортон после паузы. — Вы слишком надеетесь на свою незаменимость, однако забываете, что вас некем заменить всего лишь в одной, притом незначительной операции. И что мы можем легко поставить крест и на вас, и на самой операции.

Он продолжает наблюдать за мной, словно развлекается, изучая мои реакции. Но думаю, что как объект исследования я не представляю особой ценности.

— Откровенно говоря, мистер Питер, лично я с удовольствием поставил бы крест на этой проклятой операции и занялся другими делами. И если бы я привык потворствовать своим капризам, вы в данный момент были бы в компании с покойным Ларкином, который, бог его простит, действительно не обладал талантом вызывать симпатии.

Мортон замолкает, чтобы поворошить уголья в камине и подбросить туда еще парочку поленьев.

— Но я стараюсь не поддаваться чувствам, прислушиваясь к голосу разума. И когда мне попадается что-то на первый взгляд бесполезное, я все же стараюсь придумать, как его можно использовать. Именно так я и хочу поступить с вами сейчас. И в сущности, это первый вопрос, от которого зависит все остальное — будете ли вы работать?

— Позвольте заметить, что с моей точки зрения вопрос звучит иначе: что я получу, если буду работать?

— С Дрейком или с нами, ваш процент всегда останется при вас, — успокаивает меня Мортон, который, кажется, полностью в курсе моих дел.

— Да, но зачем мне этот процент, если вы в конце прибавите к нему в качестве премии и пулю в лоб?

— Наконец я слышу рассуждения разумного человека, — добродушно кивает хозяин кабинета. — И поскольку наш разговор становится более содержательным, позвольте сказать вам следующее: вопрос не в деньгах, мистер Питер, хотя деньги нужны всем. Азартному игроку деньги ни к чему, ведь он все равно их тут же спустит. У вас же ситуация еще более безнадежная, потому что вместе с деньгами вы закладываете жизнь.

Он умолкает, бросает давно погасший окуроч и, чтобы дать мне время обдумать сказанное, тянется к коробке на столике,

чтобы взять новую сигару, щелкает массивной серебряной зажигалкой и закуривает.

— Эта операция закончится, как и всякая другая. А вместе с ней будет покончено и с вами, и вы получите, как сами говорите, соответствующую премию. Однако, если вы проявите мудрость и добрую волю, я предложу вам постоянную работу, которая избавит вас от печальной участи игрока и неизбежного краха.

Наступает новая пауза, и в кабинете вновь воцаряется тишина, нарушаемая лишь треском горящих поленьев. Я сосредоточенно думаю, или, если хотите, всем видом демонстрирую напряженную работу ума.

— Ваши слова звучат заманчиво, — признаю наконец. — Но это только слова.

— Совершенно верно, — соглашается Мортон. — И могут остаться только словами. Все зависит от вас. Все зависит от того, как вы справитесь с вашим первым заданием. Первое задание — это ваш вступительный экзамен, мистер Питер.

— Я понял, — киваю, в свою очередь. — Слушаю вас.

Только теперь хозяин вспоминает свои обязанности по отношению к гостю дома и спрашивает:

— Хотите выпить?

— Только если вместе с вами.

Спустя несколько минут горилла в полосатой жилетке ставит на столик поднос с неизбежной бутылкой виски и неизбежное ведерко со льдом и удаляется.

— А теперь приступим к делу, — произносит Мортон уже со стаканом в руке. — Как вы уже поняли из магнитофонной записи того злополучного разговора, наша задача состоит в том, чтобы следующий груз был как можно больше. Здесь, конечно, следует учитывать всю сложность возникшей ситуации. Дрейк, вероятно, временно воздержится от отправки большой партии груза. Но он может и осмелиться, если вы осторожно надавите на него. Ваш тезис может быть следующим: побыстрее воспользоваться последней возможностью, пока ЦРУ не помешало вашим планам. Ясно?

— Вполне.

— Тогда перейдем ко второй части задачи. Нам потребуется точная информация о ходе операции: когда товар будет доставлен пароходом и когда должен прибыть в Вену. Информацию о прибытии груза, по-моему, вам будет получить легко: вы ведь сами отправляете сообщения.

— Да, но после того, как Дрейк мне их продиктует.

— Естественно. В таком случае вы должны немедленно сообщить мне их содержание. Значит, остается вторая часть...

— Она самая трудная. Я не имею доступа к корреспонденции Дрейка.

— У вас будет этот доступ, не беспокойтесь, — просто говорит Мортон. — Не хочу вас огорчать, но, когда придет время получить сообщение, Дрейка уже не будет в живых.

Отпив глоток виски, Мортон ставит стакан на поднос и добавляет:

— И вот еще что, мистер Питер: вы сами понимаете, что не только надежность операции, но и ваша собственная без-

опасность зависит от вашего умения держать язык за зубами. И хотя эта вещь элементарная, я должен напомнить вам об этом.

Хозяин поднимается, так что я тоже встаю и жму вялую руку, протянутую мне.

— Не будет ли бестактно с моей стороны на прощание спросить, с кем имел честь разговаривать? — спрашиваю я, прежде чем уйти.

— А вы не знаете? — удивляется хозяин.

— Откуда же мне знать?

— Да в самом деле, — соглашается он. — Мое имя Мортон, а вот мой телефон...

Он подходит к письменному столу, берет визитную карточку и подает ее мне:

— Запомните. Не стоит носить с собой вещественные доказательства.

— Запомнил, — отвечаю, возвращая ему визитку.

Конец разговора. Впрочем, не совсем. Потому что, едва я взялся за ручку двери, как снова слышу за спиной голос Мортон:

— Какой у меня номер телефона, мистер Питер?

Называю.

— У вас хорошая память. В таком случае вы, вероятно, вспомните, что вы делали в прошлую пятницу вечером...

— В пятницу вечером? — повторяю я, делая вид, что стараюсь вспомнить. — В пятницу вечером я был там, где меня сегодня взяли ваши люди.

— Один или в компании? — продолжает любопытствовать хозяин.

— В компании с дамой.

— Ну, раз с дамой, не будем нарушать законов джентльменства. И вы были с этой дамой всю ночь?

— Нет. В десять часов я проводил ее в бар «Ева».

— А потом?

— Вернулся в гостиницу.

— Никуда не заходили?

— Нет.

— И вас никто не видел?

— Почему? Меня видела содержательница отеля мисс Дорис.

— В сущности, эти подробности не имеют значения, — говорит Мортон, дружеским жестом давая мне понять, что я свободен.

Наконец я выхожу, говоря себе, что надо немедленно предупредить Дорис. Только бы кто другой меня не опередил.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Пружина действия фильма раскручивается в замедленном темпе, словно сценарист не знает точно, что сказать и вообще нужно ли что-нибудь говорить, а режиссер предоставил свободу оператору манипулировать камерой как ему вздумается. И лишь в последние четверть часа, когда лента уже на исходе, сюжет так закручивается, авторы торопятся показать столько событий, что у зрителя голова идет кругом. Я имею в виду себя. За других говорить не могу.

Идея фильма сводится к тому, чтобы показать будни инспектора криминальной полиции из Сан-Франциско, который вовсю старается исполнить свою благородную миссию. Но ему это не удастся, поскольку с одной стороны на него давит преступный мир, а с другой мешают продажные безвольные шефы. Банальная история со множеством смертей, обильно политая кровью. Поэтому ничего удивительного, что, выходя после окончания фильма на улицу, Линда произносит:

— Кругом зверства и насилие, некуда от них деться!

Она раскрывает зонтик, ибо, как всегда в последнее время, идет дождь. После чего мы пускаемся в путь. Разумеется, в направлении Сохо.

— Кругом зверства и насилие, некуда от них деться, — повторяет Линда, скорее размышляя вслух, чем подбрасывая мне тему для разговора.

— Что вы хотите — человечество цивилизуется. А цивилизация требует жертв. Цивилизованные люди вынуждены наказывать нецивилизованных. А нецивилизованные от зависти стреляют в цивилизованных.

— А к какому вы себя причисляете, Питер?

— Не имею понятия. Вероятно, к клиентам Марка. Может, я не первый в очереди, но это не меняет положения.

— Не понимаю, как вы можете шутить над подобными вещами, — вздрагивает моя спутница и невольно прижимается ко мне.

— А чем же еще шутить? Человек, сам того не желая, шутит над тем, что его окружает, а, как вы сами верно заметили, нас окружают зверства и насилие.

— Боюсь, вы даже не отдаете себе отчета, насколько вы правы, — произносит она тоном, который заставляет меня насторожиться.

— В каком смысле?

Но вместо ответа она предлагает:

— Пойдемте куда-нибудь погреться. Я бы с удовольствием выпила горячего чая.

Заходим в кондитерскую, что по пути к бару «Ева», и находим там уединенное местечко. Заказываю чай для Линды, кофе — для себя и, лишь когда напитки уже поданы нам, понимаю свою ошибку, поскольку чай и кофе почти одинаковы по крепости и даже по цвету.

— В последнее время у вас какой-то подавленный вид, — замечаю я, отпивая глоток подозрительной жидкости.

— Неужели это заметно?

— Боюсь, что да.

— Ах, Питер, я в безвыходном положении, — вздыхает дама. И чтобы я не ломал себе голову, объясняет: — У меня был разговор с Дрейком. Очень долгий и очень неприятный разговор.

— На какую тему?

— Тем было две. Первая состояла из угроз, вторая — из обещаний.

— Это понятно. Ну а все же, о чем шла речь?

— Прежде всего он обвинил меня, что я нарушила его распоряжения. Поскольку стала не вашей надзирательницей, а вашей любовницей. И даже не потрудились предоставить ему

хотя бы одну-единственную интересную информацию о вас.

— Надеюсь, это соответствует истине?

— Однако он использовал это обстоятельство как повод припугнуть меня тем самым Марком, к которому, по вашим словам, в очереди стоите и вы. «Я, — говорит, — милочка, наказываю за предательство только одним способом. Может, из-за недостатка воображения я до сих пор не придумал другой. Я не буду вас истязать, не бойтесь. Просто убью». А когда я спросила, в чем он видит мое предательство, разве вы не его человек, он ответил: «Насколько Питер мой человек и насколько — нет, это вы и должны были мне сказать. Во всяком случае, если у меня есть основания сомневаться, что Питер — мой человек, то я совершенно не сомневаюсь, что вы человек Питера».

Она умолкает, машинально делает глоток и замечает:

— В сущности, это была только увертюра... Он предложил мне занять место своей интимной подружки. И не постеснялся подчеркнуть, что это, может, единственный шанс избежать наказания.

— А вы, естественно, пытались объяснить ему, что любите меня...

— Да... что-то в этом роде...

— На что Дрейк вам ответил: «Ну и любите на здоровье, кто вам мешает. Мне не нужно вашей любви, мне нужно, чтобы вы спали в моей постели».

— Можно подумать, что вы подслушали наш разговор, — бросает Линда.

— Зачем мне подслушивать? Этот человек сидит у меня в печенках. Разбудите меня среди ночи и спросите: «Что сказал бы Дрейк по поводу того-то и того-то»... Едва ли ошибусь.

— Питер, он всех нас держит в руках. Он впился в нас, он нас душит, как этот отвратительный лондонский туман. Стой лишь разницей, что туман в Лондоне гораздо менее опасен...

Мисс Грей тянется к пачке сигарет.

— И чем окончилась беседа? — спрашиваю я, щелкнув зажигалкой.

— Я объяснила ему, что мне надо подумать. И он проявил великодушие, дав мне маленькую отсрочку.

— Что же вы тогда повесили нос?

— Маленькую отсрочку, Питер! Маленькую!..

Я мог бы ей объяснить, что при определенных обстоятельствах отсрочка, даже маленькая, может оказаться вполне достаточной, но воздержался от подобного откровения. И поскольку я воздержался, Линда шепчет:

— Мне страшно...

— Чего вам бояться? В конце концов, у вас есть выбор: Марк или Дрейк... Из двух зол человек всегда выбирает меньшее.

— Но поймите, я не переношу его... мне легче лечь с ящерицей или крокодилом... даже если бы я хотела скрыть свое отвращение, я не смогу... так что Дрейк опять превратится в Марка...

— Только не драматизируйте, — говорю я. — Не стоит заранее волноваться из-за того, что, может быть, и не произойдет.

— Не успокаивайте меня, — нервно перебила она. — Если хотите меня успокоить, то делайте это не словами.

— А как? Убить Дрейка?

— Я бы сказала «да», если бы считала, что это возможно. Но так как это невозможно... очень прошу вас, не оставляйте меня одну хотя бы несколько ночей, до тех пор пока я наберусь смелости принять решение.

* * *

Мы уже почти дошли до ярко освещенного входа в «Еву», и я собирался повернуть, чтобы заскочить в отель, как вдруг перед нами выросла горилла Ал:

— Я как раз за вами, сэр. Вас шеф вызывает.

Киваю Линде на прощание и отправляюсь по коридору к директорскому кабинету. Застаю Дрейка возлежащим на фиолетовом диване.

— А, Питер! — вяло бормочет рыжий, поднимая взгляд. — Присаживайтесь.

Опускаюсь в кресло и, воспользовавшись наступившей паузой, закуриваю. Шеф, похоже, не в форме. Лицо его, как всегда, пылает, глаза воспалены. Видно, он провел бессонную ночь.

— Ну, теперь-то вы, наверное, довольны, — произносит он, пытаясь придать своему голосу обычный добродушный тон. — И возможное предательство не омрачает ваши сны.

— Да, действительно. И все же я недоволен.

— Вот как? — поднимает брови Дрейк. — Почему же?

— Я думаю, мы немного поспешили с Ларкином...

— Что же мы могли сделать?

— Дезинформировать его... Выиграть время...

— А если бы дезинформация не прошла? Если бы он нашел свой источник информации? Вы, вообще, представляете себе, сколько стоит груз в десять килограммов? И чем я рискую в случае провала? В конце концов, за товар плачу я, а не вы!

— Я просто сказал, что думал, мистер Дрейк.

— Конечно. Но в эти дни я тоже достаточно думал. И именно затем вас и позвал, чтобы сказать, что я придумал...

Но вместо того чтобы сообщить это, он тянется к бутылке на столике, потом занимается обычным стриптизом своей сигары. Наконец закуривает и благоволит объяснить:

— Сейчас, когда Ларкина уже нет, мы можем исполнить его последнюю волю, дружище. И заняться действительно крупным грузом. Десять, даже пятнадцать килограммов... Поскольку есть риск, что эти типы из ЦРУ действительно вмешаются. Так что мы провернем наше дело прежде, чем они вмешаются.

— А реализация?

— Реализацию обеспечим потом. На такой товар покупатели всегда найдутся. Пока что важно перебросить товар и спрятать в надежном месте. Что скажете?

— Думаю, что не остается ничего другого.

— Решительное действие, а затем — отдых! — бубнит Дрейк. — Подождем сколько нужно. А когда все успокоится и те типы забудут про нас, начнем все сначала.

— Не понимаю, зачем вы меня спрашиваете, — вставляю я. — Я уверен, что вы уже заказали товар.

— Хитрец! — восклицает шеф с притворным восхищением. — Ваше мнение, Питер, служит подтверждением моего. А это немало.

Он наклоняется вперед, рискуя потревожить свой объемистый живот, и произносит доверительно:

— В сущности, я сделал заказ еще при жизни Ларкина. И, говоря между нами, по рекомендации самого Ларкина. Ровно на пятнадцать килограммов. Пятнадцать килограммов, понимаешь? И вы хотите, чтобы при такой колоссальной партии героина я позволил бы этому мерзавцу ходить по земле?

— В таком случае следует полагать, что прибытие груза в Болгарию гарантировано...

— И на этот раз вы правы. У меня уже есть точные координаты. И вызвал я вас, Питер, для того, чтобы вы написали почтовые открытки. Так что садитесь вон туда, достаньте открытки и все остальное из ящика и принимайтесь за работу.

Выполняя его распоряжения. Опуская тоненькое перо в пузырек с бесцветной жидкостью, спрашиваю:

— Что писать?

Шеф встает и медленно приближается к письменному столу.

— Пишите: «Фрина», 23 октября, Варна.

Выполняя и это распоряжение, нанося текст миниатюрными буквами в квадратик, отведенный для марки. Наклонившись надо мной, Дрейк внимательно наблюдает за операцией. А когда заполнено пять открыток, замечает:

— Должен признать, вы это хитро придумали, Питер.

— Что?

— Да это: писать сообщение по-болгарски и своим почерком.

— Иначе мои люди не поверят. Не понимаю, почему вас раздражает, что они верят мне, а не вам, мистер Дрейк, если они вас не знают.

— Меня это вовсе не раздражает, напротив: восхищаюсь вашей хитростью. Хотя в данном случае она лишняя. Кажется, я уже говорил вам, что, пока вы мне нужны, вам ничего не угрожает. А я нуждаюсь в верном человеке, дорогой мой.

И, заметив, что тайнопись высохла, продолжает:

— А теперь наклейте марки и заполните обычным текстом вашу открытку.

Мою открытку посылаю от имени некоего болгарина, пребывающего в Лондоне и подписывающегося то Васко, то Колё, то еще как-нибудь. Остальные четыре открытки Дрейк дает для заполнения разным людям, которые их посылают из различных мест и в разное время, так как однообразие посланий могло бы возбудить подозрения.

После того как я заканчиваю письменную работу, шеф запирает открытки в столе и предлагает:

— Теперь можно сойти вниз и посмотреть программу. Надеюсь, что номер Линды все еще не снят...

— А что это за «Фрина»? — спрашиваю я, пропуская его реплику мимо ушей.

— Я говорю вам о Линде, а вы спрашиваете про «Фрину»! — бросает недовольно Дрейк. — Греческое торговое суденышко, раз это вас так интересует.

Чтобы сдержать данное Линде обещание, я позволил себе в этот ранний утренний час покинуть дорогу. Дрейк-стрит и поискать место для ночлега подалее от нее, в квартале Ковен-гарден, а точнее, в квартире мисс Грей.

Просыпаемся, как обычно, к обеду. Линда идет на кухню приготовить завтрак, а я отодвигаю шторы на окне, чтобы проверить, идет ли дождь. Идет, конечно. Мрачно и неприветливо. Вид мокрой улицы нагоняет на меня тоску. Перевожу взгляд на светлые стены комнаты. И на фоне этих стен неожиданно созерцаю черный мужской силуэт.

Марк каким-то таинственным образом бесшумно проник в квартиру. Наверное, так же бесшумно и таинственно в дом входит смерть. Наступив своими грязными ботинками на белоснежную шкуру, он стоит неподвижно у входа в своем мокром плаще и черной шляпе, с полей которой стекает вода. И весь этот черный силуэт дополняет черный маузер, на дуло которого надет глушитель.

— Где она? — спрашивает он глухим хриплым голосом, который я слышу впервые.

— Тише, Марк, — осыживаю я его. — Разбудишь соседей.

— Где она? — повторяет черный человек.

И, словно отвечая на его вопрос, Линда выходит из кухни и застывает, потрясенная.

— Я не хочу, чтобы ты это делал при мне, Марк, — предупреждаю я его. — Мои нервы того не выдержат.

— Если у вас нервы, испаряйтесь, — бормочет незванный гость. — Вы мне не нужны. Мне нужна женщина.

Иду к выходу, делая вид, что не замечаю взгляда Линды, взгляда, в котором мольба и презрение оспаривают право первенства. Поравнявшись с черным человеком, стремительно хватаю двумя руками его правую руку, в которой он держит маузер, и со всей силой заворачиваю ее назад. Слышен сухой хруст. Рука выпускает маузер и бессильно повисает. Лицо Марка белеет от боли, но он не издает ни звука, чрезвычайный и полномочный посол смерти считает, что стонать ему не к лицу. Освобождаю одну руку и наношу удар в солнечное сплетение, посылая посла в другой конец комнаты.

Тем самым я развеиваю один из мифов. Пугало квартала оказывается хрупким, как фарфор. Просто никто не сообразил или не сумел приблизиться к нему на расстояние удара. А вся его сила была в этом черном маузере.

— Не стойте как сомнамбула, — говорю даме. — Принесите перевязочный материал.

Линда убегает из кухни и возвращается с веревкой, на которой сушит белье.

— О Питер, — бормочет она виновато, подавая мне веревку. — Всего пять минут назад я была уверена, что вы самый большой подлец на свете.

— Не мучайтесь прошлым, — советую я. — Лучше снимите покрывало вон с того кресла.

Укладываю Марка в указанное кресло. Однако, несмотря на хрупкость, он все же делает попытки вырваться, так что при-

нуждает меня прибегнуть к наркозу нокаута. После чего я крепко-накрепко привязываю его к креслу и затыкаю рот платком. Потом напоминаю Линде:

— Вы, кажется, совсем забыли про завтрак...

— О Питер, — произносит она мелодичным голосом. — Я все еще не могу поверить, что вы мне спасли жизнь. Ну как я могла подумать, что вы подлец!

— Больше, чем Дрейк?

— Дрейк не подлец, — качает она головой. — Дрейк — чудовище.

Не желая того, я напоминаю ей о старом греховоднике и не удивляюсь, когда она спрашивает:

— А теперь, Питер? Что мы будем делать теперь?

— Завтракать, — отвечаю я. — Что же еще? Позвольте обратить ваше внимание на то, что вода для кофе уже давно кипит.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Что теперь будем делать? Вопрос мисс Грей отнюдь не риторический. И он встает во всей своей остроте еще во время завтрака. Поскольку, если Марк сейчас обезврежен, это не распространяется на его шефа. И естественно, продолжительное отсутствие посла смерти возбудит подозрения Дрейка, а подозрение приведет к проверке.

— Вы должны незамедлительно оставить эту квартиру и переселиться в другое место, — говорю я Линде.

— Куда переселиться? И как «незамедлительно»? А квартира, вещи?

— Оставьте, это мелочи Единственное, что важно сейчас, это придумать, где вы могли бы скрыться на некоторое время. Учитывая, что гостиницы нежелательны.

Она начинает обдумывать этот вопрос, перебирая вслух подруг детства, чьи следы еще не окончательно потеряны. Наконец ее выбор останавливается на молодой женщине, работающей в каком-то архитектурном бюро и живущей в Челси. Бежим под дождем к ближайшей телефонной будке. Архитекторша отсутствует в бюро по болезни, но зато там мы узнаем номер ее домашнего телефона, так что Линде все же удастся с нею связаться, а поскольку в этот понедельник нам с утра везет, то и договориться погостить.

Снова поднимаемся в квартиру, и, пока мисс Грей готовит необходимые вещи, я на всякий случай перетаскиваю Марка вместе с креслом в кладовую и запираю там.

Чуть позднее мы уже мчимся на метро в Челси.

А еще через некоторое время, оставив Линду вместе с архитекторшей в момент неизбежных и радостных восклицаний, снова спускаюсь в метро, нахожу свободную телефонную кабину и набираю номер:

— Мистер Мортон?.. Это Питер...

— А, Питер... — слышу в трубке басовитый голос, не выражающий ни удовольствия, ни удивления.

— Я хотел бы встретиться с вами на несколько минут. И если можно — сейчас же.

— Так спешно?

— Да, мистер Мортон.

— Тогда приезжайте!

Что я и делаю, хотя и не столь стремительно, поскольку логика подземного метро требует пересадки на другую линию. Так или иначе, в час, когда все те, кому не надо заботиться о куске хлеба, забываются на диване в легкой послеобеденной дреме, я звоню в дверь американца и спустя несколько секунд оказываюсь лицом к лицу с гориллой в полосатой жилетке. Домашнее животное, очевидно, информировано о моем визите и без лишних вопросов провожает меня в коридор, а оттуда в знакомый кабинет.

— Сожалею, что я помешал вашему отдыху, но события с недавних пор развиваются в ускоренном темпе, о чем я должен вас информировать.

— Хорошо, хорошо, — кивает спокойно, чтобы не сказать — сонно, Мортон, который, как я и ожидал, восседает за письменным столом, а не на диване. — Оставьте этот официальный тон, садитесь и рассказывайте.

Начинаю с конца, то есть с покушения на Линду и участи Марка.

— Это, если не ошибаюсь, тот человек, который ликвидировал Ларкина? — спрашивает хозяин.

— Тот самый.

— В таком случае можете не беспокоиться, мы о нем позаботимся. Напишите только на листочке точный адрес.

Выполняю распоряжение. Хозяин берет листок, приоткрывает дверь и подает его лакею, прошептав что-то.

— Считайте этот вопрос решенным и переходите к другому, — произносит Мортон, взяв сигару из ящичка на столике и опускаясь на диван.

Возвращаюсь к событиям предыдущего вечера:

— Вчера Дрейк приказал мне написать открытки, что я и сделал.

— Содержание?

— «Фрина», 23 октября, Варна.

— А размер партии?

— Пятнадцать килограммов героина.

Мортон слегка присвистывает в знак приятного изумления:

— Значит, старый дурак наконец переборол свою нерешительность!..

— Он считает, что необходимо на полную катушку использовать канал, пока не вмешалось ЦРУ.

— Э-э, вечная история: люди соображают, что надо спешить, когда уже поздно.

— После этой посылки Дрейк намерен сделать длительный перерыв, прежде чем вновь использовать канал.

— Это уже проекты мира иного, — небрежно машет рукой Мортон. — Скажите лучше, когда приблизительно, по-вашему, можно ждать партию в Вене.

— Приблизительно через две недели. Или чуть позднее. Это зависит от маршрута баржи.

У меня такое чувство, что несколькими фразами я дал ему всю необходимую информацию, так что он может меня тут же ликвидировать, ничего не теряя.

О прибытии товара Вена своевременно будет информирована, и так же своевременно Вена информирует Дрейка или того, кто его заменит. С этого момента все может совершиться без помощи Питера. Так что пусть Питер идет к черту. Ведь Дрейк и на том свете будет нуждаться в секретаре.

— Я думаю, все в порядке, — слышу басовитый голос хозяина.

Он блаженно посасывает сигару и рассеянно созерцает большое зеленоватое зеркало над камином. Ничего удивительного, если именно в этот момент он решает мою судьбу.

— Будет ли все в порядке, скоро увидим, мистер Мортон, — позволяю себе заметить.

— Что вы имеете в виду?

— То, что у Дрейка стремление перебороть нерешительность, как вы выражаетесь, граничит с легкомыслием.

— А что мы теряем от его легкомыслия? — смотрит на меня с недоумением Мортон.

— Ничего, кроме того, что посылка может не прибыть к месту назначения.

— Почему? Ну, говорите! Не заставляйте меня вытягивать из вас.

— Эта «Фрина», сэр, всего-навсего маленькая греческая посуда, в корпусе которой очень трудно скрыть товар. А ко всему прочему товар на этот раз очень объемист. Потому что пятнадцать килограммов героина, как бы они ни были хорошо спрессованы, не мелочь. Ничего удивительного, если пограничный катер заметит товар прежде, чем мои люди доберутся до него.

— Неужели Дрейк не сообразил этого?

— Что он понимает в морском деле!.. Он знает только одно — нужно торопиться! И торопится.

— А почему вы его не разубедили?

— Потому что вы тоже торопитесь. И указания, которые я получил от вас, имели тот же смысл: действовать без промедления.

— Формально вы правы, — произносит Мортон. — Но лишь формально. Потому что мы имели в виду разумное действие, а не провал.

— Я вовсе не считаю, что провал неизбежен. Операция имеет немало шансов на успех. Просто я считаю своим долгом уведомить вас о рискованности предприятия.

— Конечно, конечно, — примирительно произносит хозяин, вновь вперив взор в неподвижный зеленоватый омут зеркала.

Некоторое время он молча курит. Потом, как будто вспомнив о моем присутствии, спрашивает:

— Скажите, мистер Питер: а в случае, если эта операция провалится, вы могли бы подготовить новую?

— Разумеется.

— И более надежную, чем эта?

— Разумеется. Группа моих людей существует и при необходимости может пополниться. Я располагаю адресами, предлагаю пароль, пишу открытки. Вам необходимо только доставить груз в болгарский порт и получить в Вене.

— А каковы точно эти адреса? И пароль? — спрашивает с дружеской непринужденностью Мортон.

— А каким точно образом вы хотите меня ликвидировать? — спрашиваю я с той же непринужденностью. — При помощи пис-толета или холодного оружия?

— Вы слишком недоверчивы, Питер, — говорит с легким вздохом хозяин. — Я не отрицаю, что в разумных дозах недоверие может быть полезным. Но ваша доза далеко превышает разумный предел. Кажется, я уже объяснил вам, что у нас сейчас экзамен. Я бы даже сказал, что вы можете успешно его выдержать. И в том случае, если вы выполните свою задачу, я исполню свое обещание: возьму вас на постоянную и ответ-ственную работу. Мы, как и каждый институт, нуждаемся в хо-роших сотрудниках, мистер Питер. Неужели вы думаете, что мы настолько глупы, чтобы использовать лишь один раз человека, которого могли бы с успехом использовать долгие годы?

— Мне хотелось бы вам верить, — произношу я кротко. — Однако, чтобы я мог вам верить, и вы должны мне помочь. Если вы думаете использовать меня долго, почему тогда стремитесь незамедлительно выжать из меня всю информацию, включая и такие мелочи, как пароль и адреса?

— Ну, хорошо, — великодушно машет сигарой хозяин. — Я не настаиваю. Пока эти подробности мне действительно не нужны. Храните их как маленькую гарантию того, что мы не захотим от вас избавиться.

— Даже если бы вы задумали это, Дрейк вас опередит.

— Не бойтесь, — успокаивает меня хозяин. — Дрейк едва ли вас убьет. По той единственной причине, что ему не хватит времени. Главное, что сейчас от вас требуется и что вас сохра-нит от опасности, это понимание того, что вам нельзя возвра-щаться на ту улицу в Сохо. Держитесь до особых распоряже-ний подальше от Дрейк-стрит, и я гарантирую вам долгую жизнь... Во всяком случае, более долгую, чем у бывшего ваше-го шефа.

* * *

«Держитесь подальше от Дрейк-стрит». Голос Мортонa зву-чит как голос разумной осторожности. Но что делать, если ино-гда звучат и другие голоса?

Как раз тогда, когда я должен был бы находиться дальше от Дрейк-стрит, меня понесло именно на эту мрачную улицу, особенно мрачную в этот дождливый понедельник и в этот послеобеденный час, когда уже начинают сгущаться сумерки. И не только на улицу, но даже в темный подъезд штаб-квар-тиры.

— А-а, Питер! — приветливо восклицает шеф, поднимаясь из-за стола, чтобы подойти поближе ко мне и, главное, к передвиж-ному бару. — Только что думал послать Ала за вами. Я уже начал скучать о вас. Садитесь. Ну, как мисс Грей?

— Не имею понятия.

— Не по-джентльменски, Питер, не по-джентльменски, — с укором качает головой Дрейк. — Бывает, слабую, беззащитную женщину нельзя оставлять одну.

— Я не нянька, мистер Дрейк.

Шеф смотрит на меня испытующе и безо всякой связи бро-сает:

— Вы не видели где-нибудь поблизости Марка?

— Не имел такого счастья, — отвечаю. И в свою очередь спрашиваю: — Надеюсь, это чистая случайность, что вы вспомнили о Марке, глядя на меня?

— Чистая случайность, Питер, — успокаивает меня Дрейк. — Я же сказал вам: вы мне еще нужны. Что вас привело сюда, Питер?

— Я хотел спросить вас, как обстоит дело с моим вознаграждением. Я все еще не получил своих двух процентов, мистер Дрейк.

— Да, действительно, — признался рыжий. — Но что это вам вдруг понадобились деньги? И не думаете ли вы, что здесь, в моем сейфе, для них будет более надежное место, чем в вашем кармане? Вы же знаете, что такое Сохо, дружище. Как только разнохают, что вы разгуливаете с крупной суммой в кармане, сейчас же кто-нибудь захочет ее пересчитать.

Он замолкает и смотрит на меня:

— Или собираетесь нас покинуть?

— Мне некуда идти, мистер Дрейк. Если не считать того скорбного места, куда вам однажды захочется меня послать.

— Я уже сказал вам, что вы мне нужны.

— Я думал по этому вопросу. И именно сегодня утром. И должен вам признаться, что пришел к обратному выводу. Как только вы убедитесь, что товар прибыл на место, вы потеряете всякий интерес к каналу. А соответственно и ко мне. И или уничтожите меня, или бросите на произвол судьбы. Причем второе очень сомнительно.

— О Питер! Вы сегодня в очень пессимистическом настроении. Наверное, из-за погоды. Эта погода даже на меня действует угнетающе.

— Я знаю, что вы достаточно уважаете деньги, чтобы легко расстаться с пятью тысячами фунтов, которые мне полагаются, — продолжаю я. — Поэтому я готов предложить вам маленькую компенсацию. Возьмите деньги, а мне верните компрометирующие документы, которые хранятся в вашем сейфе, — фотографии и рукописи моего доклада о канале. Эти документы и так вам уже не нужны, раз я сам вам не нужен.

— Ваше предложение соблазнительно, — кивает рыжий. — Но я всегда был устойчив перед соблазнами, дружок. И невинные материалы, которые вы имеете в виду, останутся в моем сейфе, пока вы будете на этом свете. Что же касается денег, не беспокойтесь: вы их получите, только позднее. Вообще, я хочу рассчитаться с вами сразу целиком и полностью.

— Послав Марка дать мне расчет.

— Вы поистине оскорбляете меня этой вашей мнительностью, — говорит шеф, вставая из кресла и направляясь к письменному столу. Затем, вспомнив о чем-то, останавливается и бормочет про себя: — Но куда запропастился Марк?..

— Я бы не удивился, если бы вы его послали навестить Линду.

Он смотрит на меня рассеянно, словно размышляет над моей гипотезой.

— В сущности, вы недалеко от истины, Питер. Я действительно посылал его к мисс Грей, хотя совсем не за тем, что вы себе воображаете с присущей вам мнительностью. Я просто послал его за нею. И поскольку он очень задержался, пришлось послать за ним Боба посмотреть, что же случилось. И представьте, в квартире нет ни Марка, ни мисс Грей...

— Ни крови?..

— Боюсь, что вокруг нас начали происходить странные вещи, — вздыхает Дрейк, не обращая внимания на мое замечание.

— Вы имеете в виду ЦРУ?

— Не знаю, кого вы имеете в виду, Питер. Зачем ваша Линда понадобилась ЦРУ?

И поскольку голубые глазки смотрят на меня с неприятной настойчивостью, приходится подсказать ему:

— Да, но, может, Марк нужен ЦРУ. Если на ошибаюсь, именно он ликвидировал Ларкина.

— А откуда ЦРУ знает, кто кого ликвидировал, дружище?

— Весь свет знает, каковы функции Марка на этой улице.

— Да, это в самом деле так, — кивает рыжий. — И может, вы действительно непричастны к этим нелепым исчезновениям. Хотя это все же нужно проверить.

Он продолжает свой путь к столу, и я отлично понимаю, что, добравшись до него, он непременно нажмет кнопку секретного звонка. Поэтому я достаю из внутреннего кармана пистолет и команду:

— Ни шагу, Дрейк, если не хотите, чтобы я разможил вам череп! Повернитесь сюда — и руки вверх!

Шеф лениво поворачивается ко мне и выполняет распоряжение. На его красном лице написано глубочайшее изумление:

— Питер, Питер! И я дожил до этого!..

Делаю несколько шагов к двери, не спуская с него глаз, и задвигаю солидный засов. Затем приближаюсь к рыжему, на всякий случай ошупываю его и изымаю из заднего кармана миниатюрный браунинг. Что же касается ключа, который меня интересует, то он торчит в самом сейфе. Открываю дверцу и, продолжая держать Дрейка под прицелом, просматриваю содержимое сейфа, пока не нахожу интересующие меня материалы — фотографии, негативы и собственноручно написанный документ. И чтобы больше не обременять свой ум этими скромными документами, бросаю их в камин.

— Было бы замечательно, если бы вы могли уничтожить и себя таким же образом, — замечает шеф, наблюдая игру пламени. — Но вы едва ли решитесь это сделать. Так что и в этом случае мне придется вам помочь.

— Вы даже не оценили, что я не взял ваших денег...

— Эта подробность ничего не меняет. Это форменный грабеж, мой дорогой. А в нашей стране всякая кража наказывается с необходимой строгостью. И особенно здесь, в Сохо.

— Боюсь, Марк уже никогда не будет к вашим услугам. По техническим причинам.

— Это ваша работа, Питер? — пронизательно смотрит Дрейк.

— Для всякой работы есть свои люди, — отвечаю уклончиво.

— Конечно. Так что найдутся и для вас.

— А о себе вы не думаете? — спрашиваю я, вороша каминными щипцами обуглившиеся остатки документов. — Вы конечный человек, Дрейк. Несмотря на всю вашу опытность, вы не усвоили элементарное правило, что мелкий гангстер должен знать свое место и не мериться силами с теми, кто сильнее его...

Прерываю свое нравоучение, уловив стремительный жест Дрейка. Воспользовавшись моей заминкой с каминными щипцами, он не упустил случая нажать звонок, вмонтированный в ребре письменного стола. Обрушиваю на него удар, но не пистолета, а кулака. Рыжий падает и замирает на ковре.

Поздно. Кто-то бесцеремонно нажимает на ручку двери, и я уверен, что это Ал, сопровождаемый, может быть, и Бобом. Наконец ручку оставляют в покое и начинается настойчивый стук в дверь, а затем и попытки ее взломать.

Бросаюсь к одному из двух окон. Последний шанс увидеть наконец, что скрывается за этими вечно спущенными шторами. Оказывается, скрывается унылый и уже совсем темный пейзаж какого-то заднего двора. Открываю окно, точнее, поднимаю его, потому что в этих лондонских домах окна поднимаются, как в старых железнодорожных вагонах. Расстояние до мостовой не более четырех метров, но этого вполне достаточно, чтобы сломать ногу. К моим услугам оказывается водосточная труба, и, не раздумывая более, я хватаюсь за нее и спускаюсь вниз.

Маленькая дверка ведет в подвалы здания, а оттуда, вероятно, и к Дрейк-стрит, но сейчас Дрейк-стрит не особенно меня привлекает, так что предпочитаю рискнуть перелезть через кирпичную ограду в соседний двор, а оттуда через узкий проход попадаю на улочку, параллельную Дрейк-стрит.

Решаю, что гостиница в Лондоне в любом случае рискованно, и отправляюсь в метро на вокзал.

Покупаю билет в Оксфорд. Поезд отправляется через четверть часа, так что выхожу на перрон и уже собираюсь войти в вагон, как вдруг чувствую чью-то руку на моем плече.

— Куда? — дружески спрашивает за моей спиной горилла.

К счастью, это не Ал и не Боб. Это одна из горилл Мортонa. И один бог знает, как она меня нашла. Вероятно, караулила выход из Сохо на Пиккадилли.

— Хочу прокатиться в Оксфорд. Говорят, там замечательный университет.

— Что это вы заботитесь о своем образовании... — удивляется горилла. — Может, лучше сначала подумать о здоровье?

И чтобы доказать мне актуальность этой мысли, горилла упирает мне в лопатку дуло пистолета, спрятанного в кармане плаща. Следовало бы объяснить, что именно забота о здоровье заставляет меня ехать в старый Оксфорд, но какая польза ждать отзывчивости от животного, даже если оно в результате тысячелетней эволюции преодолело путь от обезьяны к человеку почти наполовину.

— Не тычете мне в спину, — говорю. — Я боюсь щекотки. И что вы, вообще, прицепились ко мне?

— Объяснения потом, — рычит горилла. — Сейчас идите к выходу.

Направляемся к выходу. Но когда проходим перрон и вливаемся в снующую толпу людей в вестибюле, я неожиданно бросаюсь в сторону, расталкиваю мрных граждан и молниеносно вылетаю из дверей, ведущих к стоянке такси. Втискиваюсь в переднюю машину и бросаю:

— Королевская больница! Быстрее, пожалуйста!

Шофер принадлежит к тем флегматичным и невозмутимым субъектам, которыми не покомандуешь, однако, услышав слово «больница», быстро запускает мотор и нажимает на газ. Бросаю беглый взгляд назад, чтобы убедиться, что горилла не преследует меня, и слышу голос человека за рулем:

— Вы уверены, что вас пустят в больницу в этот час, сэр?

— Надеюсь, — восклицаю. — Случай крайне спешный.

* * *

Сказанное — истинная правда. Я не думал, что Мортон так быстро установит наблюдение за мной, но раз это случилось, необходимо уйти от него хотя бы на короткое время, чтобы заняться делом, которое мне позднее, может быть, и не удастся сделать.

Отпускаю такси у больничного парка и иду пешком в обратную сторону, пока не замечая зеленую неоновую вывеску маленькой гостиницы. Сняв номер на одну ночь, заказываю кофе и поднимаюсь к себе. В ящике письменного стола нахожу, как и ожидал, бумагу с бланками заведения, а также конверты. Сажусь и занимаюсь письменной работой.

Центр, естественно, будет уведомлен о прибытии товара открытками, которые я выслал. Но я должен дать информацию во всех подробностях об операции, о своих разговорах с Дрейком и Мртоном и о положении, в какое я попал, и которое, вероятно, окончательно лишит меня возможности отправлять новые послания. В сущности, одного короткого SOS было бы вполне достаточно, чтобы освободить меня от необходимости излагать факты по последнему параграфу, но я не охотник до драматических финалов.

Когда заканчиваю свое домашнее задание и допиваю четвертую чашку кофе, поданного сыном хозяина, бьет десять часов. Заклеив конверт, сую его в карман и спускаюсь вниз, рассчитываясь под предлогом, что завтра очень рано должен уехать, и прошу вызвать такси.

Такси привозит меня в тот квартал, где начался сегодня мой рабочий день. Освобождаю его на углу, затем несколько сот метров иду пешком, чтобы оказаться на соответствующей улочке и у соответствующего дома, в почтовый ящик которого и опускаю в первый и последний раз нечто, отличное по виду от жалких рекламных листочков. Мой заключительный доклад. Или, если хотите, прощальное письмо.

Моя миссия, в сущности, закончена. Остается нерешенной последняя задача, касающаяся меня самого: пора исчезать. Однако куда? И как? Моя виза давно просрочена, и Дрейк не сообразовил ее продлить под предлогом, что, пока я служу у него, мне ничего не грозит. Вернуться в отель к доброй Дорис просто невозможно. Выехать из страны с таким паспортом то-

же. А скрыться в какой-нибудь из далеких окраин означает рано или поздно оказаться в руках полиции.

Оказаться в руках полиции при других условиях был бы не самый скверный вариант. Поболтать по участкам, пока власти не решатся выслать меня из страны. Но у ЦРУ длинные руки, и теперь, после того, как я в курсе многих дел, Мортон не даст мне ускользнуть из-под носа. И хотя я уничтожил некоторые документы из архива Дрейка, найдется предостаточно свидетелей и свидетелей, которые докажут мои связи с гангстером и обеспечат меня солидным сроком.

Выхода нет. И то, что в этот поздний вечерний час я свободно фланирую по ярко освещенной Чаринг-кросс, только видимость свободы, потому что все двери закрыты. Единственное, что мне остается, — ждать решения Центра. Такова предварительная договоренность. Хотя, когда происходила эта договоренность, финальная ситуация мне не казалась столь драматичной.

Ждать решения Центра. И я должен ждать его на том месте, где Центр рассчитывает меня найти. Правда, довольно ветреное место... Но за неимением ничего лучшего...

Останавливаю такси и называю адрес.

— Мистер Мортон ничего не говорил о вас, — сухо уведомляет меня горилла в полосатой жилетке, загораживая вход.

— Ничего. Вы ему доложите.

— Здесь не зал ожидания, чтобы приходить, когда захочется.

— Хорошо, завтра утром сообщу шефу, что вы не пустили меня к нему, — заявляю я и поворачиваюсь на сто восемьдесят градусов.

— Подождите, оставьте ваши фокусы, — останавливает меня лакей и идет докладывать.

Через две минуты он предлагает мне войти, сохраняя на лице неприязненное выражение.

Мортон, расположившийся у камина в клетчатом халате, не более приветлив.

— Мне не по вкусу ваше чрезмерное своеволие, мистер Питер, — цедит он сквозь зубы, не удосуживаясь предложить мне сесть. — Вопреки моим распоряжениям вы оказываетесь в Сохо, без моего разрешения пытаетесь улизнуть из города и ко всему прочему беспокоите меня в такой поздний час... Должен вам сказать, что подобное поведение я не склонен терпеть.

— Понимаю, — киваю я кротко. — Но именно затем я и пришел, чтобы рассеять недоразумения.

— Хорошо, рассеивайте, только покороче, — ворчит хозяин, все еще не предлагая мне сесть.

— Прежде всего должен сказать, что ваши слова о том, что бы не возвращаться в Сохо, я воспринял не как приказ, а как совет. И поскольку у меня с Дрейком не закончен денежный расчет...

— Какой расчет?

— Но он мне не заплатил ни пенса за предыдущую партию, несмотря на торжественное обещание...

— Продолжайте.

— Так что я решил пойти получить деньги, пока не поздно. К сожалению, он и на этот раз отказался уплатить и даже хо-

тел науськать на меня своих горилл, но я сумел ускользнуть вовремя... И вот, ускользнув, я решил спрятаться на день-два в Оксфорде, а тут еще одна горилла хватает меня на вокзале Виктория и...

— Какая горилла? — недовольно спрашивает Мортон. — Это один из моих людей, между прочим, из тех, которые привезли вас сюда в первый раз.

— Ну, если вы думаете, что те, которые привезли меня в первый раз, дали мне возможность тщательно их рассмотреть и что у меня было настроение их рассматривать...

— Хорошо, хорошо. Короче!

— Ну вот. Я ускользнул и обосновался в одной маленькой гостинице, даже прилег было отдохнуть, когда неожиданно сообразил, что, может быть, горилла, я хочу сказать, человек с вокзала Виктория, был вашим человеком, а не Дрейка. И я поспешил сюда, чтобы рассеять это неприятное недоразумение.

— Что это за гостиница, где вы обосновались?

Говорю ему название.

— Можете проверить по телефону...

— Не учите меня, что делать! — сердито обрывает меня хозяин.

Затем спрашивает обычным тоном:

— А о чем еще говорил с вами Дрейк?

Передаю ему ту часть разговора, которую, по моему мнению, ему можно знать.

— Значит, старый дурак немного обеспокоен?

— Очень.

— Это подтверждает, что он смотрит в оба, — бормочет как бы про себя Мортон.

Потом замечает вне всякой связи:

— Пистолет Марка не был найден в квартире вашей подружки...

— Пистолет у меня.

— Да? Но сюда запрещено входить с оружием, мистер Питер, — сухо уведомляет меня хозяин.

— Извините, я не знал вашего порядка, — говорю я, доставая пистолет и кладя его на столик рядом с коробкой сигар.

Мортон берет оружие и прячет его в карман халата.

— А теперь, что вы хотите от меня? Извиниться перед вами за то, что позволил себе усомниться в разумности вашего поведения?

— Хочу, чтобы вы приютили меня, — отвечаю я самым естественным тоном.

— О мистер Питер! — страдальчески разводит руками Мортон. — Но мой дом не гостиница!

— Да, но я боюсь, что люди Дрейка уже ищут меня в гостиницах или наводят справки по телефону. А вы не разрешаете мне уехать в какое-нибудь тихое местечко...

— Хорошо, хорошо, — уступает Мортон. — Я прикажу Джону приготовить вам комнату для гостей. Хотя такой гость, как вы, который вваливается с пистолетом...

«С двумя пистолетами», — поправляю я. Но про себя.

Провожу следующий день в непосредственной близости от улицы Мортон, убивая время в разных кафе недалеко от Марбл-Арч, сменяя их в неравные промежутки времени. Гулять по улицам, вероятно, было бы не так скучно. Однако при таком дожде...

К вечеру все же решаюсь пойти в дом к американцу, чтобы разрешить вопрос ночлега. Это, кажется, успокаивает гориллу, которая в течение всего дня следовала за мною, потому что она остается ждать меня на углу, скрывшись под черным грибом зонтика.

Другая горилла здесь, среди этих горилл человек чувствует себя как в зоопарке, с той лишь разницей, что там животных и людей разделяют решетки, — другая горилла в полосатой жилетке открывает мне дверь и на этот раз без унижительных вопросов провожает к своему господину.

— Ну, мистер Питер, — встречает меня добродушно Мортон, расположившись у камина с газетой в руках, — видимо, сегодня вечером я не буду иметь удовольствия спать с вами под одной крышей.

— Если вы решили меня выгнать... — произношу уныло.

— У меня нет никакого желания вас выгнать, — успокаивает меня хозяин. — Но я могу вам позволить вернуться в свой отель. И рад сообщить, что вам больше ничто не угрожает.

— Вы хотите сказать, что Дрейк...

— Именно это я хочу сказать, — кивает он. — Ваш шеф был вызван сегодня в полицию за маленькой справкой. Думаю, речь шла о какой-нибудь невинной контрабанде... не наркотиков, а порнографии. В общем, его отпустили тотчас же после допроса. К несчастью, когда он возвращался в машине в Сохо, из какой-то другой машины в него стреляли и... счастливая смерть... убит на месте.

Он задумчиво смотрит на меня и замечает:

— Каждый из нас мог бы мечтать о такой смерти... когда придет время, конечно... желательно, чтобы это было позднее... Однако вас, кажется, этот вопрос не волнует.

— Он волнует меня ровно настолько, насколько и других смертных. Но я не вижу смысла терять время на составление проектов, как избежать неизбежного.

— Здесь вы правы, — соглашается хозяин. — Но поскольку неизбежное отдалилось от вас сейчас на почтительную дистанцию, предлагаю вам вернуться на Дрейк-стрит, как ее все называют, и устроиться в конторе своего бывшего шефа.

— Но там, наверно, полиция...

— Полиция уже закончила свою работу и убралась оттуда, забрав не только изобличительные документы на этого старого дурака, но и его людей. Так что все чисто, а помещение уже арендовано нами. Как видите, мы действуем быстро...

— Я не сомневался.

— Вы будете сидеть в конторе бывшего шефа и принимать его корреспонденцию. Разумеется, мы могли бы следить за этой корреспонденцией и другим способом, но какой смысл грубо вмешиваться в работу британской почтовой администрации? Тем бо-

лее если сбудутся ваши мрачные прогнозы о возможном провале операции, у нас возникнет нужда в вашей фирме. Поэтому ведите себя как наследник покойного, принимайте его корреспонденцию и поддерживайте связь со мной.

* * *

В начале ноября, в один вовсе не прекрасный, а дождливый день, неожиданно звонит телефон.

— Мистер Питер? — слышу я знакомый бас. — Что бы вы сказали, если бы я предложил вам поужинать вместе? У меня для вас прекрасные новости.

— Я рад, что вы вспомнили обо мне, — говорю как можно любезнее.

— В таком случае ждите меня на углу Риджент-стрит и Пикадилли. Буду ровно в семь. Черный «плимут».

Мы встречаемся точно в назначенный срок и едем в лабиринты южных кварталов, где останавливаемся перед двухэтажным зданием с каким-то второсортным кабаком. Нет, это не «Белый слон»!

Ужин проходит в полном молчании или изрекаются некие бесспорные истины, главным образом американцем.

— Этот ресторанчик довольно спокойный уголок, — говорит мистер Мортон.

Или:

— Этот морозящий дождичек, наверное, будет моросить до самого мая.

Лично меня длинные паузы и банальные фразы не особенно беспокоят, так как я знаю, что серьезные люди приступают к серьезным разговорам лишь за кофе. Так и происходит.

— Я хотел сказать вам кое-что, о чем не говорят по телефону, — произносит наконец американец. — Груз был получен в Вене сегодня утром, и операция закончена.

Он бросает на меня беглый взгляд, чтобы оценить впечатление, которое призвела на меня эта важная информация. Встречаю ее с полным спокойствием и даже нахожу силы пробормотать:

— Слава богу!

Хотя для меня это означает «черт побери».

— Да, мистер Питер, вся эта долгая история завершилась, — говорит Мортон, отпивая кофе.

После чего добавляет:

— Естественно, не без вашей ценной помощи.

Тихий низкий голос звучит совсем безучастно. И может быть, именно эта безучастность, какой бы она ни казалась непринужденной, порождает в моем сознании сомнение. Неужели столь долгожданная победа не вызывает никаких эмоций?

В конце концов, это, может быть, вопрос темперамента. Может быть.

Допиваем кофе в полном молчании. А когда американец расплачивается, решаю все же спросить:

— Это все, что вы хотели мне сказать?

— А вы что ждали? — смотрит на меня с любопытством шеф.

— Ничего особенного. Однако вы по телефону обещали «прекрасные новости», а пока я слышал только одну.

— Да, вы правы. У меня действительно есть и вторая новость, которую вы услышите немного погодя. Речь идет о вашем будущем. И на этот раз вы, я думаю, наконец-то оставите вашу подозрительность, хотя бы по отношению ко мне. Я действительно позаботился о вашем будущем, мистер Питер.

Он смотрит на часы и замечает:

— Кажется, пора идти.

Не могу точно понять, как и куда мы едем, поскольку совсем не знаю этого района, а струи дождя так обильно стекают по лобовому стеклу, что дворники едва успевают его осушать. И когда машина наконец заворачивает в темный переулок и останавливается, не имею никакого представления о том месте, где мы оказались.

— Здесь мы встретимся с человеком, в чье распоряжение вы поступаете, — объясняет Мортон, выходя из машины.

Следую за ним, в то время как горилла остается за рулем.

Мы входим в темный подъезд какого-то большого помещения, которое скорее напоминает склад, чем контору для деловых встреч.

— Место несколько необычное для встреч, — говорит Мортон, словно прочитав мои мысли. — Однако, сами понимаете, речь идет о встрече особого характера.

Он ведет меня через ангар, в глубине которого — насколько позволяет судить полумрак — видны какие-то ворота. Но мы не достигаем ворст, а останавливаемся посреди помещения, и шеф роняет:

— Подождем здесь.

Я жду, предоставив американцу заботу поддерживать разговор.

— Вы оказались правы, Питер. Груз был точно пятнадцать килограммов.

— Рад слышать, — отвечаю.

— Вероятно, вам станет радостнее, когда я уведомя вас о содержимом груза. Пятнадцать килограммов чистого крахмала, мистер Питер.

— Вы уверены? — спрашиваю я, не слишком стараясь разыгрывать изумление.

— Абсолютно. И текст шифрограммы еще в моем кармане. Я бы показал вам, если бы это имело смысл.

— В сущности, все возможно, — произношу после небольшого раздумья. — Старый Дрейк уже сыграл однажды такую шутку. Только тогда было, кажется, десять килограммов крахмала.

— Да, я знаю, — кивает Мортон. — Однако теперь это шутки не старого Дрейка. И у нас есть точные сведения, что из исходной точки в Варну был направлен героин, а не крахмал. И совершенно очевидно, что героин превратился в крахмал после прибытия в Варну.

— Странно...

— Странно, может быть, для нас. Но не для вас. Впрочем, и для нас сейчас странное становится легко объяснимым.

— Не смею вмешиваться в ваши гипотезы, — говорю я. — Могу повторить лишь то, что сказал в свое время Дрейку: мои

люди совершенно не интересуются вашим героинем. По той простой причине, что у них нет никакой возможности использовать этот героин в Болгарии.

— Знаю, знаю, я уже слышал об этом от вас, — с легким нетерпением замечает Мортон. — И даже некоторое время был склонен верить. Только это время безвозвратно ушло, мистер Питер.

Он смотрит на меня в упор, и его тяжелый взгляд излучает откровенную неприязнь:

— Мы думали, что имеем дело с бандой контрабандистов, в то время как, в сущности, имели дело с вашей разведкой... Это наша ошибка... Признаю, роковая ошибка.

— Разведка? — спрашиваю наивно. — Вы думаете, разведка будет терять время ради какого-то груза наркотиков?

— Однако и вы допустили роковую ошибку, мистер Питер, — продолжает американец, пропуская мимо ушей мои возражения. — Правда, вы очень удачно внедрились в тыл противника. Но вы не позаботились обеспечить надежный выход из игры. И сейчас вам придется за все заплатить. Или получить по заслугам, если вы предпочитаете это выражение.

Он умолкает, смотрит на часы, затем в конец помещения, тонущего в полумраке, и замечает:

— Думаю, что человек, о котором идет речь, должен подойти с минуты на минуту. А пока воспользуюсь случаем и дам вам последний шанс, которого вы, правда, не заслуживаете. Бросим ли мы вас на произвол судьбы или дадим место в нашей системе, это будет решаться наверху. Но в моей власти оставить вам жизнь. Я полагаю, вы понимаете, что вам грозит ее потерять.

Значит, все же есть маленькая дверка — следовало бы сказать себе. И если я не говорю этого, то потому, что ясно сознаю, что эта воображаемая дверка — мираж для дураков.

В этот момент мне кажется, что в глубине помещения появляется какой-то смутный силуэт. Этот смутный силуэт возник на секунду и исчез за ближайшей бетонной колонной. Может быть, мне просто показалось, но вряд ли, ибо замечаю, что и взгляд Мортонa обратился туда же.

— Итак, я готов подарить вам жизнь, мистер Питер, — возвращается к прерванному разговору американец. — При единственном и неоспоримом условии: вы расскажете нам все с самого начала и до конца. С фактами, техническими подробностями и, главное, назовете имена. Совсем просто, правда?

— Действительно, — спешу я согласиться. — Но только в том случае, если бы я располагал необходимой информацией. А я ею не располагаю. И просто не вижу, как я мог бы заслужить высокую честь, которую вы мне оказываете, принимая меня за кого-то совсем другого, кем я не являюсь в действительности.

— Бросьте болтовню! — перебивает меня Мортон, не замечая, что я, вроде бы бесцельно переминаясь с ноги на ногу, незаметно приближаюсь к нему почти вплотную. — Скажите прямо: да или нет!

— Вы сами понимаете, сэр, что я сейчас горю желанием сказать «да». Но после моего «да» начнутся вопросы, и я буду вынужден лгать, а поскольку моя ложь будет касаться области, которая для меня терра инкогнита...

— Не двигайтесь! — предупреждает меня американец, уловив на этот раз мой маневры.

И, повысив голос, кричит:

— Идите сюда, дорогой! Мистер Питер хочет вас видеть!

И не успевает заглушить эхо этого призыва, как из-за бетонной колонны бесшумно появляется фигура худого мужчины в черном плаще и черной шляпе с каким-то черным предметом в правой руке. Мужчина лениво смакует вечную жвачку, глядя на нас неподвижным взором. Чрезвычайный и полномочный посол смерти.

— Не двигайтесь! — звучит новый приказ. Но теперь это уже мой голос. Поскольку в то мгновение, когда Мортон позвал Марка и бросил взгляд на противоположную колонну, я встал за его спиной и упер в нее дуло пистолета. Маневр, который я обдумывал в течение всего разговора с полным сознанием его бессмысленности. Ибо даже если допустить, что мне каким-то образом удастся выбраться из этой гробницы, передо мной тут же возникнет вопрос: а дальше что?

Американец в первый момент как будто все еще не осознает своего положения и даже машинально тянется к заднему карману, так что приходится повторить несколько строже:

— Не двигайтесь, Мортон! Иначе выпущу вам в спину всю обойму! Причем из пистолета старого Дрейка.

При этих словах, во избежание возможных неприятностей, сую руку в задний карман американца и достаю оттуда пистолет.

— ...Старого Дрейка... — слышу эхо собственного голоса.

Но эхо, повторенное не стенами помещения, а Марком.

— Вы убили старого Дрейка, да?

В первый момент думаю, что вопрос относится ко мне, но это маловероятно, так как темные, лишенные выражения глаза убийцы остановились на американце. И тогда я понимаю, что все же одно существо было привязано к покойному гангстеру. И это существо — человек в черном плаще и с куриными мозгами, посол смерти.

Рука Марка медленно поднимается, и дуло черного предмета направляется на Мортонa, которого я использую как живой щит.

— Не играйте с оружием, Марк!.. Что на вас нашло?.. — взвизгивает в панике американец, внезапно переходя с басового регистра на более высокий.

Ответ противника краток, но категоричен: два выстрела, звук которых смягчен глушителем. Результат налицо: грузное тело передо мной покачнулось, и я хватаю его под мышки, чтобы удержать перед собой, потому что пистолет Марка все еще направлен в нашу сторону и, очевидно, пришла моя очередь.

Удержать его... Но попробуйте удержать стокилограммовое тело после того, как оно превратилось в инертную массу... Оно сползает, становясь все более тяжелым и все более выскальзывая из моих рук...

Еще секунда — и буду совершенно беззащитен перед пулями убийцы. «Надо было стрелять в него первым и незамедлительно», — мелькает мысль...

И это, вероятно, была бы моя последняя мысль — довольно

грубая для такого трогательного момента, — если бы неожиданно из-за колонны не возникла чья-то рука, которая решительным, не терпящим возражения движением обрушилась на темя Марка. От этого темени, вероятно, ничего бы не осталось, если бы не смягчающее действие шляпы. Вот почему так полезно носить шляпы.

Не знаю, нужно ли добавлять, что вслед за упомянутой рукой из-за колонны появился сам Борислав.

* * *

Мы уходим не обычным путем, где у входа сторожит горилла в «плимуте», а через отверстие, зияющее над Темзой, под которым в стену вделана лесенка из металлических прутьев.

В полной темноте спускаемся на землю, перебираемся в соседний, заставленный грузовиками переулок, оттуда попадаем на маленькую узкую улочку, где Борислав оставил свой «форд». В дальнейшем на протяжении всего пути мы используем исключительно современные средства передвижения, пока не добираемся до парохода, который вскорости покидает Темзу...

— У тебя сигареты есть? — спрашивает Борислав, словно мы находимся не посреди Темзы, а в кабинете генерала.

Он бесцеремонно запускает пальцы в мою пачку, берет сигарету, закуривает и некоторое время жадно затягивается, как делают все заядлые курильщики, бросившие курить.

— Я следил за этим Мортоном еще с утра, — объясняет мой друг, опускаясь на скамейку. — Мы ведь знали, что сегодня утром станет известно о провале операции и что Мортон сейчас же будет уведомен. А раз он будет уведомлен, то сразу же возьмется за тебя. Значит, приведет меня к тебе.

— Логично, — замечаю я.

— Да, но я все время боялся, что, пока я шатаюсь вокруг дома этого типа, какой-то другой тип сводит с тобой счеты...

— Это тоже логично, — признаю я. — Но не знаю, говорил ли я тебе, что мой девиз: «Умирать — лишь в крайнем случае».

— ...И только когда «плимут» остановился на Риджент-стрит и взял тебя, я почувствовал облегчение.

— Интересно все же, как произошел провал... — задаю я вопрос скорее себе, чем ему.

— Думаю, это был настоящий цирк. У нас есть сведения, что предварительно были подготовлены репортажи с небывалой сенсацией: «Коммунисты травят свободный мир...», «Героин — тайное оружие социалистической Болгарии». Представляешь себе: журналисты, телевидение, кинокамеры... И вдруг — пятнадцать килограммов крахмала...

Он умолкает, чтобы покрепче затянуться сигаретой, и потом добавляет:

— Однако это только первая часть провала. Вторая уже готовится с использованием кучи документов: справок, снимков и прочее... Но об этом — завтра.

— Ты напомнил мне этим «завтра» одну песню, — замечаю я. — И одну даму. Нужно все же проститься с этой дамой...

— Проститься... У тебя есть голова на плечах?! — изумляется Борислав.

— Ты очень прозанично смотришь на жизнь, Борислав, — одергиваю я его. — У человека бывают воспоминания...

Но Борислав, привыкший к подобным замечаниям, не отвечает, решительным жестом он бросает в реку окурок почти до фильтра докуренной сигареты. Затем плотнее запахивает плащ и, подняв глаза к небу, озаренному электрическим сиянием, констатирует:

— Опять дождь.

**Перевод с болгарского
Т. Мацневой и Ю. Лубченкова.**

**На I—IV страницах обложки рисунки Юрия МАКАРОВА
к повести «ИСКРИВЛЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО»**

**На II странице обложки рисунок Генриха КОМАРОВА
к повести «БОЛЬШОЙ ОХОТНИЧИЙ СЕЗОН»**

**На III странице обложки рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА
к роману «УМИРАТЬ — В КРАЙНЕМ СЛУЧАЕ»**

Под редакцией А. ПОЛЕЩУКА и В. РЫБИНА

Редактор выпуска Е. КУЗЬМИН

Художественный редактор В. КУХАРУК

Технический редактор В. ЛУБКОВА

**Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а
Тел. 285-80-10, 285-88-84**

**Сдано в набор 10.09.85. Подписано в печать 23.10.85. А00940.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 275 000 экз:
Цена 60 коп. Заказ 1832.**

© «Искатель», 1985 г.

**Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30,
Суцеская, 21.**

ИСКАТЕЛЬ

Борис БАРЫШНИКОВ
Александр ТЕСЛЕНКО
Богомир РАЙНОВ

Цена 60 коп.

